

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ
Николаемъ Карамзиньмъ.

Ч А С Т Ъ V.

М О С К В А , 1802.

ВЪ Унивѣрситетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Попова.

Книгу, подѣ заглавіемъ: *Вѣспникъ
Европы*, издаваемый *Николаемъ Карамзи-
нымъ*, Часть V. разсмотривалъ и не на-
шелъ въ ней противнаго къ напечатанію.
Университетской Ценсоръ

Антонъ Проколовскъ - Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

СЕНТЯБРЬ 1809.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Линдана и Вальмиръ.

(Окончаніе.)

Линдана велѣла заложить карешу и по-скакала къ Морфизѣ, чптобы вмѣстѣ съ нею ѣхать къ Жеркуру. „Мы причиною его поединка (сказала она): можешъ бышь онѣ умираешъ! . . . Гнусной Дюваль! бѣдной Жеркуръ!“ . . . Между шѣмъ, какъ Линдана сердечно перзалась, бѣдная Морфиза, пораженная симъ прагическимъ случаемъ, также плакала и спѣшила одѣваться. Какъ скоро она была готова, Линдана бросилась изъ комнашы . . . и черезъ десяшь минутъ кареша ихъ оспановилась передъ Жеркуровымъ домомъ. Позвали камердинера: онѣ за шайну ска-

залъ имъ, что Жеркуръ въ самомъ дѣлѣ былъ на поединкѣ и раненъ тяжело въ бокъ; но что лекаръ не считаешь раны опасною. Линдана велѣла сказать больному, что онъ прѣдушъ къ нему, какъ скоро онъ встанетъ съ постели. Возвращаясь домой, она хотѣла непременно видѣть лекаря; онъ увѣрилъ ее, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, но что Жеркура должно оставить въ покоѣ недѣли на двѣ. Линдана во все это время не выѣзжала ни куда; всякое утро освѣдомлялась о Жеркуровомъ здоровьи, а ввечеру ѣздила сама спрашивать камердинера. Жеркуръ написалъ къ ней двѣ корошенькія записки, изъявляя ей благодарность за участіе.

Поединокъ и тяжелая рана любовника даютъ женщинѣ право быть искреннею и не скрывать уже отъ себя несчастной спраспи. Въ истинной любви удовольствіе открытъ сердце другу своему не спойтъ великой сладости мечтать объ ней на свободѣ. Слова выражаютъ идеи, но не могутъ выразить глубокихъ и сильныхъ чувствъ; изображеніе ихъ будетъ только слабымъ *переводомъ*. Любовь подобна добродѣтели: мы всего болѣе наслаждаемся ею внутренно. Съ какимъ восхищеніемъ Линдана думала

о послѣднемъ разговорѣ своемъ съ Жеркуромъ!... Успокоенная въ разсужденіи его здоровья, какъ радовалась и гордилась она мыслию, что онъ дрался за нее!.. „За меня (думала Линдана) текла его кровь — и для чего? чшобы наказать за грубую насмѣшку надъ Вальмиромъ! Онъ думаетъ, что я люблю его, и не дозволяетъ, чшобы милой мнѣ человѣкъ былъ униженъ! Великодушной Жеркуръ!.. а его называютъ нечувствительнымъ!.. Ахъ! какъ я ненавижу теперь романы воображенія и безумныя спраси! Когда любовь есть только испуленіе, можешъ ли она продолжиться? Безразсудные воспорги, которые пугаютъ боязливую нѣжность, стояшъ ли милаго, крошкаго усажденія души, спокойной въ чувствахъ любви истинной и разсудительной? — Но... Боже мой! я осмѣливаюсь наконецъ говорить съ сердцемъ своимъ! осмѣливаюсь чувствовать первую, единственную мою любовь! Люблю Жеркура, а торжественно обѣщала руку свою другому! Безразсудность заставила меня показывать склонность, которой не было въ сердцѣ моемъ! Могу ли отпереться, не сдержать слова, оспыдить себя со всѣхъ сторонъ? оскорбить, раздражить Вальмира и видѣть еще поединокъ? Эша

мысль ужасна Однакожь, естли въ самои дѣлѣ Жеркуръ любитъ меня, естли не обманываюсь, то могу быть только его супругою. Нужно время; любовь научитъ меня, какъ поступишь.“

Такимъ образомъ всѣ любовники, опираясь на нѣкоторыя мнимыя правила чувствительности, дозволяющъ себѣ надѣяться. Черезъ двѣ недѣли Линдана въ сильномъ сердечномъ волненіи поѣхала съ Морфизою къ Жеркуру, и нашла его на креслахъ. Онъ принялъ ихъ съ любезностію умнаго свѣтскаго человѣка, но просто, и не хотѣлъ видѣть замѣшательства Линданы. Она говорила мало; но глаза ея, наполненные слезами, нѣсколько разъ встрѣпились съ его глазами, и сердце ея было довольно ихъ умильнымъ выраженіемъ — Какъ скоро Жеркуръ могъ выѣхать, онъ прежде всѣхъ хотѣлъ видѣть Линдану. У нее были гости: она ушѣшилась мыслию, что ввечеру найдетъ его у Морфизы. Надежда обманула ее: Жеркуръ встрѣтился съ однимъ пріятелемъ, который ѣхалъ въ Фоншенбло, и уговорилъ его ѣхать туда же, обѣщая вмѣстѣ съ ними возвратиться дней черезъ пять. Сговорчивость была его любезною слабостію. Онъ нашелъ въ Фоншенбло Дворъ, веселое общество и, вмѣсто пяти дней, пробылъ

памѣ мѣсяцѣ , всякой день думая ѣхашь. Это долговременное отсутствіе чрезмѣрно оскорбило Линдану , которая заключила , что онѣ не любитъ ее , и старалась мыслить о Вальмирѣ. Безпрестанно швердя , что онѣ единственно достоинъ руки и сердца ея , она сочла себя въ томѣ увѣренною ; однакожь психонько плакала и худѣла. Жеркурѣ , возвращаясь въ Парижѣ , нашелъ ее опмѣнно блѣдною , и смотрѣлъ на Линдану такѣ умильно , что она забыла свое намѣреніе обходиться съ нимѣ холодно. Между шѣмѣ , положивъ ѣхашь къ водамѣ въ Спа , не хотѣла передумать , и сказала о томѣ Жеркуру , которой ни мало не старался удержатъ ее , и далъ ей чувствовать , что самѣ туда будетъ. *Пока любишь , прощаешь (*)*. Линдана , не довольствуясь шѣмѣ , еще извиняла Жеркура , и даже , болѣе и болѣе о томѣ думая , обратила его безпечность въ благоразуміе , нѣжность и великодушіе. Онѣ не угадывалъ ея шайной склонности , а зналъ обязательства съ Вальмиромѣ : уважалъ ихъ и жертвовалъ собою ея щастію и добродушию . . . Сколько причинъ любитъ его болѣе ! Однакожь , не смотря на швердость великодушія , любовь шоржествуетъ : сердце

(*) Лабрюерѣ.

влечетъ Жеркура въ слѣдъ за Линданою; онъ ѣдетъ въ Спа Съ этою мыслию какъ весело было собираться въ дорогу!

Линдана поѣхала въ Маѣ, и наняла въ Спа прекрасной домикъ, котораго окна были на Липпихскую дорогу: съ этой стороны прѣзжали всѣ изъ Франціи.

Величайшее удовольствіе въ любви есть *вѣрное ожиданіе*; оно соединяетъ въ себѣ прелестъ надежды съ подлиннымъ щастіемъ. Воображеніе теряетъ силу свою въ дѣйствительномъ наслажденіи; но сколь украшаетъ оно все, чего ожидаемъ! Линдана всякое утро и вечеръ ѣздила гулять верхомъ по Липпихской дорогѣ, и всѣ кареты вдали производили въ ея сердцѣ живѣйшее чувство. Она ѣхала скорѣе на встрѣчу, и хотя съ прискорбіемъ видѣла холодныя, незнакомыя лица, однакожь думала только: *это еще не онъ!* и смотрѣла опять впередъ. Въ шесть часовъ утра ей подавали списокъ всѣмъ прѣхавшимъ: Линдана находила только имена незнакомыя или чуждыя для сердца; но она имѣла удовольствіе надѣясь, что найдетъ между ими *его* имя! Иногда ходила задумываться и мечтала на прекрасныя горы, окружающія Спа; Жеркуръ не зналъ сихъ мѣстъ, и Линдана не могла насмотрѣться на ихъ величе-

спвенныя красоты — не могла привыкнутьъ къ такому впечатлѣнію, котораго онъ еще не имѣлъ, и которымъ должно было ему наслаждаться въ ея присутствіи. Однимъ словомъ, живописныя окрестности Спа украшались для нее любовью; воображеніе заранѣе давало имъ такую прелесть, которая еще живѣе прелести воспоминанія. Мы говоримъ печально: *онъ былъ здѣсь!* но съ живою радостію мыслимъ: *онъ тутъ будетъ!*

Между тѣмъ время проходило, а Жеркуръ не ѣхалъ. Черезъ мѣсяць Линдана стала грустить; безпокойство скоро увеличивается въ сердцѣ; родившись, ежеминутно возрастаетъ. Она черезъ нѣсколько дней потеряла всю надежду и впала въ глубокую меланхолію. „Онъ никогда не любилъ меня, думала Линдана, а я не могу разлюбить его! вижу наконецъ холодность его характера, и все еще люблю! Живость и пламенные восторги Вальмировой страсти не могли пронуть меня. Этотъ языкъ книжной любви, романическія мысли, лести и всѣ чрезмѣрности сжали мнѣ даже противны съ того времени, какъ я узнала Жеркура. Онъ забываетъ меня; но когда видишь, тогда предпочинаетъ другимъ. Жеркуръ такъ справедливъ и крошковъ; имѣешь

шакія нѣжныя идеи, и такъ пріятно выражаешь ихъ! . . . Еслили бѣ я не разскаивалась съ нимъ, то могла бы имъ бытъ довольна. . . Довольна шакимъ слабымъ чувствомъ? . . . Что нужды, когда онъ *не можетъ* любить сильнѣе?“

Въ другія минушны оскорбленная Линдана каялась забытъ Жеркура и сдержавъ слово, данное Вальмиру. Она часто слышала объ немъ отъ Англичанъ, прѣѣзжавшихъ изъ Лондона. Его хвалили; сказывали, что онъ безпрестанно говоритъ объ ней, и въ великой меланхоліи. Наконецъ досада, самолюбіе и признашельность заставили Линдану не думать болѣе о Жеркурѣ, или по крайней мѣрѣ рѣшиться на то. Чтобы утвердиться въ семъ намѣреніи, она вздумала путешествовать, и возвратилась въ Парижъ уже зимою. На другой день своего прѣѣзда Линдана ужинала съ Жеркуромъ у Морфизы, давъ себѣ слово обойтись съ нимъ очень холодно; но онъ встрѣшилъ ее съ видомъ такой искренней радости, что она не могла бытъ холодною. Всегда долѣе показывающъ сердце на людей, которые бывающъ въ замѣшательствѣ отъ вины своей; они сами въ ней признающся — и вмѣстѣ того, чтобы тѣмъ удовольствоваться, мы любимъ продолжать дѣйствіе

ихъ раскаянія. Другіе, приводя въ замѣшательство, сами чувствуютъ его, и холодѣютъ къ человѣку, съ которымъ имъ быть не ловко. Но люди, не думающіе о винѣ своей, скорѣе мирятся, естли они милы и пріятны; ихъ безопасность поужа на довѣренность любви; и мы не рѣдко бываемъ имъ за то даже благодарны. Жеркуръ началъ говорить о Спа. „Вы конечно пожалѣли обо мнѣ, сказалъ онъ, что я не могъ быть шамъ“ — и гордая, взыскашьяная Линдана не требовала дальнѣйшаго оправданія. Сильная любовь перемѣняетъ характеръ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, смотря по ея выгодамъ; она не испребляетъ пороковъ, но усыпляетъ ихъ. Жеркуръ спалъ бы дѣшелемъ, естли бы онъ могъ любить такъ, какъ былъ любимъ.

Линдана мало по малу возвратила ему всю прежнюю власть его надъ нею. Не было точнаго изъясненія, но они казались сердечно - согласными. Жеркуръ чувствовалъ, что ему надобно еще долгое время соблюдать уваженіе къ ея извѣстному обязательству съ Вальмиромъ; онъ хотѣлъ лучше въ безмолвіи побѣдить сомнѣнія Линданы, нежели опровергать ихъ разсудкомъ. Жеркуръ судилъ объ ней по

своему характеру, и не зналъ, сколько она любила его!

Въ концѣ зимы Морфиза купила сельской домъ въ тридцати миляхъ отъ Парижа и рѣшилась прожить тамъ шесть мѣсяцевъ. Уговорились, что Линдана поѣдетъ съ нею; что Жеркуръ явится къ нимъ *первое Юня*, и возвратятся въ Парижъ не прежде осени. Съ началъ весны онѣ поѣхали, и нашли старинной замокъ, окруженный болотами; но Линдана, въ ожиданіи Жеркура, хвалила безъ памяти мѣсто и виды. Всякой, кто молодъ и чувствителенъ, любитъ уединеніе или по крайней мѣрѣ образъ его; не думая отказатьсь отъ людей и даже не забывая свѣта, мы любимъ тогда бранить свѣтскія забавы и презирать ихъ... мѣсяца три; считаемъ себя Философами, отъ того, что живемъ въ гошическомъ сельскомъ домѣ, не сидимъ двухъ часовъ за шуалетомъ, гуляемъ только въ полѣ или въ лѣсу, и не ѣздимъ ни въ Оперу, ни въ Комедію. Эта Философія, весьма не похожая на Философію зрѣлыхъ лѣтъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ весною и съ прекрасными днями; зима испробляетъ и слѣды ея! Линдана съ нетерпѣніемъ ожидала, чтобы Май кончился. Настало первое Юня: она про-

снулась на разсвѣтѣ, чтобы ранѣе начать такой любезной день; и когда сошла въ госпиную комнату, то всѣ удивились ея красотѣ и милому убору; въ глазахъ у нее сіяло что-то совсѣмъ необыкновенное! . . . Но она ждала Жеркура только къ вечеру. Послѣ обѣда Линдана съ великимъ трудомъ согласилась итти гулять — онъ могъ прѣхать въ это время! . . . жаловалась на сильной жаръ, на пыль, на камни — хромала — и въ семь часовъ возвратились домой. Еще никого не было. Но въ девятомъ часу услышали хлопанье бичей: Линдана вздрогнула и покраснѣла. Скачетъ карета, взѣзжаетъ на мостъ, останавливается у крыльца. Лошади ржутъ, дворные собаки лаютъ, и горничныя моськи отвѣчаютъ имъ; двери коридора съ великимъ шумомъ отворяются. . . Морфиза, безъ намѣренія и безъ всякой нужды, встаетъ, переходитъ съ мѣста на мѣсто; мужъ ея спѣшилъ на встрѣчу къ Жеркуру. . . Черезъ минуту слышенъ стукъ въ другой комнату; идутъ люди. У Линданы бьется, волнуется сердце; она устремила глаза на двери — но что же почувствовали, когда ихъ обѣ вдругъ отворили (чего никогда для мужчинъ не дѣлаютъ) и когда въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто

Жеркура, явилась въпреная кокетка Мелинда! . . . „Я прѣѣхала къ тебѣ, милая, на двѣ недѣли (сказала она хозяйкѣ), во первыхъ для того, чтобы видѣться съ тобою, а вторыхъ и за тѣмъ, чтобы извинить Жеркура. Я одна помѣшала ему сдержатъ слово и прѣѣхатъ сегодня. Послѣ все расскажу тебѣ“ (примолвила она съ шайнспвеннымъ видомъ) . . . Какъ? Жеркуръ не будетъ? спросила Морфиза. — Будетъ черезъ недѣлю, но есть въ Воскресенье поупру,“ отвѣчала Мелинда. Я уже не могу вѣрить ему, сказала хозяйка. — „О! будьте увѣрены. Отвѣчаю, что онъ явится здѣсь въ Воскресенье часу въ девятомъ утра.“ — Да изъясни намъ, для чего ты помѣшала ему прѣѣхатъ къ намъ? — — Тутъ Мелинда начала шептатъ Морфизѣ, которая, любя всякія шайны, слушала ее съ великимъ вниманіемъ, и наконецъ сказала вслухъ: „это очень прогашельно!“ Мелинда сѣла. Спали играшъ въ карты. Новая гостыя съ хозяйкою черезъ полчаса ушли въ кабинетъ и просидѣли тамъ до ужина. Между тѣмъ нещасная Линдана въ жестокой досадѣ своей нашла удивительную твердость; сердце дало ей силы; она считала себя такъ несносно оскорбленною, что горестъ казалась ей униженіемъ. Линдана сѣла

играть въ карты ; говорила , улыбалась , и лицо ея для глазъ наблюдашеля изображало одну гордость . Довольная симъ опыномъ твердосипи , она еще болѣе укрѣпилась за ужиномъ ; нѣсколько разъ начала говорить съ Мелиндою ; произнесла даже имя Жеркура ушла въ обыкновенный часъ , раздѣлась ; но чувствуя невозможность скоро заснуть , велѣла поставить на столъ свѣчу и читала до пяти часовъ утра . Тушъ благодѣтельный сонъ закрылъ глаза ея . Въ девять часовъ она проснулась , и вся гордость исчезла Линдана вообразила Жеркура съ Мелиндою , и залилась слезами ; однакожь могла скрыть горестъ свою , кошую умножила Морфиза , давая ей чувствовать , что Жеркуръ и Мелинда любятъ другъ друга .

На третій день Линдана , получивъ письма , выдумала цѣлую исторію , и нашла способъ совершенно увѣрить Морфизу , что ей надобно ѣхать въ Парижъ дней черезъ пять . Осьмое Іюня , завтракая съ хозяйкою , она велѣла закладывать карету . Вдругъ Мелинда вошла съ торжествующимъ видомъ и сказала : „ Видите ли , что я могу ручаться за Жеркура ? Сію минуту пріѣхалъ его слуга и говоритъ , что онъ самъ будетъ къ обѣду . Какъ Жеркуру не сдержатъ вѣрнаго слова ,

миѢ даннаго?“ — Сія Жеркурова поч-
 ность въ разсужденіи Мелинды еще болѣе
 раздражила Линдану: она спѣшила про-
 спияться, сѣла въ карешу и велѣла по-
 спилльйонамъ ѣхать какъ можно скорѣе.
 Еще не опѣхали пясти миль, какъ имѣ
 встрѣтилась двумѣспная Англійская ка-
 реша. . . Линдана узнала Жеркуровъ эки-
 пажъ. Онѣ видѣлъ уже передоваго слугу
 ея; велѣлъ остановиться, выскочилъ, —
 подошелъ и сказалъ Линданѣ: „какъ! вы-
 ѣдете въ Парижъ?“ — Такъ, государь мой!
 отвѣчала она сухо. „Поспилльйоны! на-
 задъ!“ закричалъ онѣ. Линдана вздро-
 гнула и спросила уже совсѣмъ другимъ
 голосомъ: „что это значишь?“ — „Вы
 однѣ, сударыня; вамъ надобно ѣхать ве-
 черу черезъ опасной лѣсъ: дозволюте миѣ
 проводить васъ до Парижа“ . . . Это бы-
 ло сказано при служанкѣ, сидѣвшей въ
 карешѣ, и Линдана догадалась, что *ола-
 ской лѣсъ* есть басня, выдуманная для
 дѣвицы Розаліи. Вы забываете, сказала
 она дрожащимъ голосомъ, что Мелинда. . .
 и Морфиза васъ ожидаютъ. — „Я напишу
 къ нимъ съ первой почты. Дозволите ли
 миѣ сѣсть съ вами?“ — Линдана опѣча-
 ла только движеніемъ головы. Жеркуръ
 отворилъ дверцу, и съ покойнымъ видомъ
 сѣлъ подлѣ Розаліи, напрошивъ Лин-

даны. Такимъ образомъ въ одну минушу онъ оправдался, и воскресилъ радость и довѣренность въ чувствительномъ сердцѣ Линданы. Они оба были распроганы и молчали. Розалія, чрезмѣрно боязливая, начала спрашивать *объ ужасномъ лѣсѣ*. Жеркуръ отвѣчалъ ей, что въ немъ еще не давно зарѣзали двухъ человѣкъ. — „Которые ѣхали въ каретѣ?“ — Да, въ Англійской четверомѣстной; въ такой же, какъ ваша. — „Боже мой! какой страхъ! какой ужасъ!“ — Что принадлежишь до меня (сказала Линдана, смотря на Жеркура), то я совершенно теперь покойна. — Тутъ кареты остановились; спали переѣзжать лошадей. Линдана вышла, сѣла въ маленькомъ садикѣ, и будучи одна съ Жеркуромъ, сказала ему: „Боже мой! что подумаетъ Морфиза?“ — Признаюсь, отвѣчалъ Жеркуръ, что я не много увеличилъ опасность Бондѣйскаго лѣса; однакожь правда то, что не давно ограбили шамъ человѣка. Вы поѣдете лѣсомъ въ темную ночь, съ однимъ слугою; это въ самомъ дѣлѣ неосторожно. Я опишу Морфизѣ все такъ просто, что она не вообразитъ ничего романическаго; и сверхъ того дамъ ей слово возвратиться къ ней черезъ недѣлю: чего однакожь не сдѣлаю, естли вы останетесь въ Парижѣ. —

„Ахъ, Жеркуръ! какъ я вамъ благодарна!“ — Вы огорчили меня, если удивитесь этому. Я только для васъ ѣхалъ къ Морфизъ: что мнѣ тамъ дѣлать, когда вы будете въ городѣ? — „Однакожь Мелинда“ . . . Что такое? — „Вы для нее оспавались въ Парижѣ.“ — Какъ? развѣ она не сказала, для чего? — „Сказала за великую тайну одной Морфизъ.“ — Тайны совсѣмъ нѣтъ; однакожь я виноватъ въ томъ, что не написалъ къ вамъ, зная характеръ ея; имѣя къ вамъ довѣренность, надѣялся, что вы будете имѣть ее и ко мнѣ. — „Ахъ! теперь голова вѣрять вамъ во всемъ!“ — Я могъ въ важномъ дѣлѣ услужить брату Мелинды, пожертвовавъ дружбѣ осьми днями счастья, и думалъ: *Линдана будетъ за то довольна мною! . . .* Тутъ она заплакала . . . О Жеркуръ! сказала Линдана: я виновата, и боюсь, чтобы любовь ваша ко мнѣ не уменьшилась! . . . Можно ли, отвѣчалъ онъ съ нѣжнымъ взоромъ, можно ли такъ думать о человѣкѣ, который не умѣетъ любить спрашнѣе? — Жеркуръ взялъ ея руку, поцѣловалъ, сказалъ: *навѣки!* . . . и пошелъ писать къ Морфизъ. Его увѣреніе любить вѣчно было гораздо надежнѣе всѣхъ кляствъ и воспоговъ пламеннаго любовника. Онъ

не зналъ спрасити, но любилъ, говорилъ искренно, не увеличивалъ, и гнушался всякимъ обманомъ. Искренность и спокойствіе сердца украшали нѣжность его какою - то милою, прогательною прелестью, увѣришельною для любовницы въ разсужденіи будущаго.

Испытавъ всю поску ревности, Линдана предалась живѣйшему удовольствію; никакая боязнь, никакое сомнѣніе не мѣшали ей совершенно имъ наслаждаться. Жеркуръ любилъ ее, Жеркуръ фхалъ съ нею въ одной каретѣ — могла ли она думать о Вальмирѣ и свѣтѣ?

Написавъ записку къ Морфизѣ, онъ отпиривалъ ее съ посылкойюномъ и сѣлъ въ каретѣ опять подлѣ Розалии. Не смотря на досадное присутствіе свидѣтельницы (ибо благоприспособность, тогда еще уважаемая во Франціи, не позволяла посадить ее въ другую карету), Линдана блаженствовала въ сердцѣ. Жеркуръ сидѣлъ противъ нее, съ видомъ довольнымъ, щасливымъ! смотрѣлъ нѣжно, умильно! Казалось, что онъ навсегда расположился въ каретѣ: такъ хорошо ему было, покойно, весело! Щастіе его имѣло какой-то особенный характеръ любезной надежности, такъ, что самый равнодушный человекъ могъ бы съ великимъ удоволь-

спвѣемъ смотрѣть на него. Розалія не мѣшала любовникамъ изъясняться; принужденіе дѣлало разговоръ ихъ еще живѣе, заспавляя ихъ употребляя оспроушныя, спонкіе обороты, поняшныя сполько для сердца любовниковъ. Въ при часа оспановились обѣдать, и долго сидѣли за споломъ. Между тѣмъ Розалія обѣдала съ Жеркуровымъ камердинеромъ. Тупъ Жеркуръ началъ прямо говорить о любви и супружествѣ; онъ не сказалъ ничего новаго, имѣвъ уже случай разнымъ образомъ изъясляя склонность свою; но въ имени *любви*, въ первый разъ произнесенномъ, есть особенная волшебная сила, копорая чудесно прогаешъ и всегда удивляешъ сердце.

Открывъ всю чувствительность души своей, Линдана со вздохомъ вспомнила наконецъ о словѣ, данномъ Вальмиру. Я ваша, Жеркуръ! сказала она: но мнѣ жалокъ бѣдной Вальмиръ, копорой любилъ меня спрасшно и путешешвуешъ 18 мѣсяцевъ въ томъ увѣреніи, что возвращаясь будешъ моимъ супругомъ. Я не могу опдашъ руки своей, пока онъ не возвращишъ мнѣ *смѣшнаго* моего обязанельства, то есть записки, копорую Морфиза принудила меня унѣшинъ его. Съ того времени, какъ люблю васъ, не имѣю ника-

кого сомнѣнїя въ сердцѣ своемъ, но колебалась въ намѣренїяхъ, и Вальмиръ оставался въ заблужденїи, вмѣстѣ съ другими. Что мнѣ теперь дѣлать? писали ли къ Вальмиру или дождатся его возвращенїя? Знаю напередъ, что онъ будетъ въ отчаянїи; но увѣрена въ его великодушїи и въ томъ, что Вальмиръ пожертвуетъ наконецъ своимъ щастїемъ моему.“ — Писали къ нему? отвѣчалъ Жеркуръ: можетъ быть онъ теперь въ Мальпїи или въ Греції или въ другой части свѣта: ваше письмо можетъ совсѣмъ не дойти до него; вѣрнѣе всего ждаль его возвращенїя. — „Вы мнѣ это совѣщуете?“ — Я думаю, что вы должны изъясниться съ нимъ искренно и съ твердостїю; достоинство вашего характера пребудетъ инго. Это удалитъ мое щастїе на 18 мѣсяцевъ; но васъ не лзя будетъ упрекать дурнымъ поступкомъ.

Линдана такъ и рѣшилась. Она сѣла въ карету еще веселѣе прежняго. Всѣ важныя условїя были сдѣланы; во всемъ согласились; неизвѣстность судьбы ея миновалась, и глаза съ новою прїятно-стїю устремлялись на Жеркура, какъ на образъ щастїя, которымъ и воображенїе и сердце ея равно услаждались.

При въѣздѣ въ Бондѣйской лѣсѣ Жеркуръ сѣлъ на верховую лошадь, чшобы ѣхать подлѣ кареты. Линдана чувствовала, какъ мило бытъ подѣ защиною любимаго человѣка, и какъ тогда спокойно сердце! . . . Можно ли, говорила она боязливой Розаліи, можно ли спрашиваться, когда онѣ туть? . . . Наконецъ въ два часа утра пріѣхали въ Парижъ. На другой день Линдана рѣшила, что Жеркуръ черезъ двѣ недѣли возвратится къ Морфизѣ; что она сама дней черезъ шесть поѣдетъ къ ней, и вмѣстѣ съ нимъ проживетъ тамъ все лѣто.

Съ того времени никакое безпокойство не тревожило Линданы, кромѣ мысли о Вальмирѣ; но сія мысль начала ужасать ее, когда приближилось время его возвращенія. Она представляла себѣ трагическія сцены: Вальмирово опчаяніе, угрозы, месть, пистолешный выстрѣлъ и Жеркура плавающего въ крови. . . . Эта ужасная картина не выходила изъ ея воображенія, и жестокія угрызенія совѣсти присоединились къ ея страху; она упрекала себя романическою своею безразсудностію, искренно жалѣла о Вальмирѣ и думала, что во всю жизнь не будетъ равнодушною къ несчастною шоль любезнаго человѣка. Однакожь сіи

горестныя мысли терзали ее только въ описаннѣе Жеркура ; она любила его страстно , и при немъ могла заниматься единственно щастіемъ любви , несказаннымъ удовольствіемъ смотрѣть на милого друга.

Вальмиръ всегда писалъ къ Морфизѣ , хотя и не такъ часто , отъ дальняго разстоянія мѣстъ , однакожь съ великою точностію : вдругъ онъ замолчалъ. Эпому не дивились , зная , что ему надлежало бытъ тогда въ Греціи. Наконецъ въ Декабрѣ 1784 году Морфиза получила отъ него самое нѣжное письмо , въ которомъ онъ жаловался на ея долговременное молчаніе , увѣряя , что всегда писалъ къ ней , и въ заключеніи говорилъ , что непремѣнно будетъ въ Парижѣ къ 28 Января 1785 году. Это письмо возобновило страхъ Линданы , и всякая минута умножала его. Она всегда заславляла молчаніе ихъ , которые хотѣли говорить ей о Вальмирѣ : догадались , что Линдана уже разлюбила его , и скоро узнали всю ея шайну. Мушоны извиняли прелестную вдову , и смѣялись надъ *страстующимъ* рыцаремъ , который въ осьмомънадесяти вѣкѣ безразсудно согласился на шрехлѣпную ссылку ; но женщины проклинали бѣдную Линдану , находя ее

достоиную всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ наказаній за вѣроломство. Она могла ожидать гоненія, будучи молода и прекрасна. Сей случай подавалъ богатую матерію къ разговорамъ въ кругѣ *метафизическихъ, чувствительныхъ дамъ*, которыя возненавидѣли Линдану за то, что она перестала умничать, тонко разбирать чувства, философствовать и риторствовать; а говорила просто, мило, и безъ всякаго желанія блистать умомъ плѣняла всѣхъ своею любезностію. Коварные люди (а ихъ большая часть) съ нетерпѣніемъ ждали Вальмира, чтобы видѣть развязку сего *испорченнаго* героическаго романа. Наконецъ пришелъ ужасный день для Линданы. 28. Января она встала съ такою дурношою и слабостию, что едва могла ходить. „Боже мой! какъ вы переиѣнились!“ сказала Розалія, смотря на нее съ удивленіемъ. Ахъ другъ мой! отвѣчала Линдана: для чего я нынѣшній день не отвратительна лицомъ! Розалія не могла повѣрить искренности такого страннаго желанія . . . можетъ быть она и не обманывалась. Какая женщина въ самомъ дѣлѣ захочетъ испытать отъ любви отвращеніемъ, когда любовникъ молодъ, хорошъ и достоинъ ея почтенія? Я не берусь рѣшить вопроса.

Какъ бы то ни было, Линдана по крайней мѣрѣ ни мало не хопѣла нравиться, и спрдадала душевно. Въ 12 часовъ она услышала на дворѣ стукъ кареты. Не велѣвъ въ потѣ день никого принимаешь, кромѣ Вальмира, Линдана была увѣрена, что эпо онъ — задрожала и поблѣднѣла. . . . Бѣгутъ по лѣсницѣ, хлопаютъ дверью — и Вальмиръ, задыхаясь опѣ успалости, бросается на колѣни передъ нею! . . . О Вальмиръ! говоритъ она: любезный Вальмиръ! ради Бога вспаньте! . . . Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчаетъ онъ: мнѣ должно быть, должно умереть у ногъ вашихъ! — „Чувствительной, великодушной Вальмиръ! выслушайте меня!“ — Ахъ! дайте мнѣ вздохнуть свободно! — „Я хочу изъясниться съ вами.“ — Добродѣтельная Линдана, примѣръ женщинъ! — „Нѣтъ, Вальмиръ, я шакова же, какъ и другія; но въ васъ . . . какое геройство чувства! какая вѣрность!“ — Ради Бога, Линдана, пощадите меня! — „Вальмиръ!“ — Линдана! — „Я не могу смотреть на васъ!“ — А я? — „Что должна сказать вамъ!“ — Какъ! что вы даете мнѣ чувствовашь? — „Радость блистаетъ въ глазахъ вашихъ: ахъ несчастный Вальмиръ! вы не угадываете!“ . . . Тупъ слезы Вальмировы оспа-

новились. Какъ, Линдана! сказалъ онъ вдругъ съ веселымъ лицомъ: не уже ли. . . Вы назвали меня несчастнымъ? — „Ахъ! время, отсутствіе“. . . . Договорите скорѣе! — „Сердце мое переѣнилось; другой владѣетъ имъ!“ — Неблагодарная! воскликнулъ Вальмиръ вспавая: послѣ того, что я сдѣлалъ для любви! . . . „Осыпайте меня укоризнами, отвѣчала она, проливая слезы: я всего достойна“. . . Неблагодарная! повторилъ Вальмиръ тихимъ голосомъ: я беспокоился, перзался угрызеніемъ совѣсти. . . . „Угрызеніемъ совѣсти? Боже мой!“ воскликнула Линдана въ свою очередь съ пріятнымъ удивленіемъ: „вы меня уже не любите?“ — Можно ли видѣть васъ, и не жалѣть о томъ? — „Вы измѣнили?“ — Я уже два года женатъ. — „Вѣроломной!“ . . . Вальмиръ улыбнулся, а Линдана засмѣялась; они съ нѣжностію обнялись, и дали клятву, которую скорѣе можно исполнить: клятву бытъ вѣчно друзьями. Наконецъ рассказали другъ другу свои приключенія. Избавляю читателя отъ Вальмировой исторіи, для того, что (между нами будь сказано!) худо вѣрю ей. Онъ воспользовался двоякимъ правомъ путешественника и любовника, и сочинилъ любовный романъ, въ которомъ все изви-

няло его непостоянство. Линдана также раскрасила испину. Новые друзья согласились, что въ такомъ спеченіи удивительныхъ и едва ли не сверхъ-естественныхъ случаевъ они были вѣрны до послѣдней человѣческой возможности!

Черезъ нѣсколько дней Линдана вышла за холоднаго Жеркура. Время доказало, что сердце ея не ошиблось въ выборѣ. Пламенный Вальмиръ, увлекаемый воображеніемъ, часто заставлялъ жену свою плакать; а Жеркуръ былъ всегда одинаковъ. Линдана, любя спраспно, не могла быть совершенно довольна его спокойнымъ чувствомъ; однакожь, не зная ни страха, ни ревности, благодарила судьбу за свое щастіе; спраспъ ея никогда не миновалась, отъ того, что сердце ея всегда желало чего нибудь. Жеркуръ любилъ ее не пламенно, но нѣжно и постоянно. Она не рѣдко говорила друзьямъ своимъ, что для супружества надобно выбирать того, чья любовь сходнѣе съ крошкою и милою дружбою.

СТИХИ

Гаврилу Романовичу Державину

На переводъ Пиндара.

Державину ль искашь въ чужихъ стихахъ
примбра ?

Тому ли подражаешь, кто самъ примбромъ
сталъ ?

Маронъ въ опечесствѣ не перевелъ Гомера ;

Съ Вандиковыхъ картинъ Корреджій не писалъ.

Душь славиль Греція Элидски колесницы !

Кто духъ Горациа съ Пиндаромъ ~~сбединилъ~~,

Къ лирическимъ красамъ пушь новый намъ
открылъ ;

Кто подвиги гремѣлъ безсмертныя Фелицы ;

Кто гласомъ Аонидъ Героевъ Росскихъ пѣлъ —

Того померкнулъ ли въ опечесствѣ картины ?

И ешьли бы шеперь родился другъ Корины ,

Не онъ ли бы себя, Державинъ, перевелъ ? —

(Присланы изъ Петербурга.)

Дж. Б.

III.

Мудрецъ и Филинъ.

Басня.

Гонимый ошо всѣхъ, оставленный, презрѣнный,

Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,

Скитался Доримонъ ;

Безумцамъ истину предсавишь вздумалъ онъ,

И истина была всѣхъ бѣдъ его виною ;

Терпѣнье, здравый умъ, сокровища свои,

Унесъ мудрецъ съ собою.

Однажды видитъ онъ, что галки, воробьи

На филина напали.

„Онъ врагъ опечества, злодѣй!“ они кричали:

„Въ примѣръ и страхъ другимъ,

Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умершимъ!“

Чего не дѣлають безуміе и сила ?

Уже смерть филину грозила ;

Но тронутый его судьбой,

Мудрецъ махнулъ рукой,

И въ мигъ глауцовъ исчезла стая !

Чѣмъ такъ проливъ себя ты ихъ ожесточилъ ?

Онъ филина потомъ спросилъ.

Повѣся голову и шяжко воздыхая,

Не знаю, опивчалъ, что мнѣ тебѣ сказать ;

Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать,

И правду говорилъ, но говорилъ напрасно :

Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно !

В. Пушкинъ.

IV.

*Историческія воспоминанія, вмѣстѣ
съ другими замѣчаніями, на пути къ
Троицѣ и въ семь монастырѣ.*

(Окончаніе.)

Борисъ Годуновъ (*) былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творятъ блестящую судьбу свою и доказываютъ чудесную силу Натуры. Родъ его не имѣлъ никакой знаменитости, и воспитаніе тогдашняго времени не могло воспалить въ немъ того спрасшнаго честолюбія, развитъ той великой хитрости, которыя составляютъ его характеръ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца; для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ опмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ. Борисъ умѣлъ пріобрѣсти благосклонность Малюты Скуратова, любимца Іоаннова; женился на его дочери, былъ пожалованъ

(*) Несправедливость нашихъ лѣтописцевъ въ разсужденіи сего Царя заспавила меня войши здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

въ Кравчѣ, игралъ ролю Дружки на свадьбѣ Царя, и наконецъ выдалъ сестру свою за Царевича Теодора: изъ чего можно заключить о великой милости Иоанновой къ Годунову. Кончина сего Государя и слабость Теодора открыли ему дальнѣйшіе виды властолюбія. Будучи только семнадцатымъ Членомъ Тайнаго Совѣща (*), онъ сдѣлался единственною его душою: однихъ удалилъ, другихъ преклонилъ на свою сторону, и властвовалъ въ Россіи. Иностранцы Писатели называютъ его торжественно - объявленнымъ Пропекторомъ Государства; но онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ только властолюбіе и разумъ Кромвеля, не имѣя его шишула: Рускіе льтописцы даютъ ему одно имя Конюшаго. Мирное и кроткое царствованіе Теодора, послѣ ужасовъ Иоаннова, казалось народу и дворянству истиннымъ золотымъ вѣкомъ: такъ выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя! А какъ всѣ знали, что Теодоръ мало занимался государственными дѣлами, то вся слава правленія относилась къ Годунову, который своею мудрою дѣятельностію, благоразумною политикою въ разсужденіи иностранныхъ Державъ, правосудіемъ.

(*) Онъ состоялъ изъ 31 чловѣка.

внутри государства, ласковымъ обхожденіемъ съ Боярами и щедростію къ народу (*), заслужилъ общее уваженіе и любовь. Онъ воспитывалъ сына своего подобно съ тайнымъ, великимъ его назначеніемъ; призвалъ для того изъ Нѣмецкой земли ученыхъ мужей и явилъ въ Россіи первый образецъ моральнаго образованія, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Димитрія уже не было. . . . Увѣривъ Россію въ своей рѣдкой мудрости, Годуновъ спокойно ожидалъ слѣдствій; онъ предвидѣлъ скорую кончину Феодора, слабого душою и тѣломъ.

Надежда его исполнилась. Общій гласъ наименовалъ Годунова Царемъ (**), когда на тронѣ пресѣкъся родъ Князей Варяжскихъ и Царица Ирина отказалась отъ правленія. Россія въ первый разъ избрала себѣ Государя, торжественно и свободно. Бояре и народъ, Патриархъ и Духовенство предложили ему вѣнецъ отечества. Хитрый Годуновъ хотѣлъ показать, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ трона, и съ скромнымъ величіемъ отвергнулъ корону; но Говъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама Царица про-

(*) Доходы его проспирались до 90,000 руб.

(**) Одни Шуйскіе и Григорій Годуновъ шому прешивались.

сила — и Борисъ съ видомъ глубокой горести отвыпсцовалъ наконецъ, что онъ изъ повиновенія соглашается власпвовать!

Ложный слухъ о вооруженіяхъ Хана Крымскаго благопріятствовалъ спонкой полишкѣ Годунова: онъ желалъ увѣришь Россіянъ, что безопасносшь опечеспва ему дороже сана Царскаго — опложилъ священный обрядъ вѣнчанія и велѣлъ собиращься войску. Серпуховъ былъ свидѣшелемъ великаго зрѣлища: тамъ въ нѣсколькo недѣль собралось болѣе 200,000 воиновъ (*): армія, какой еще въ Россіи никогда не видали! Бояре и дворянспво хопѣли изъбавишь опмѣнное усердіе новому Государю; вооружили сполькo людей; скодькo могли набраться въ своихъ помѣсшьяхъ, и явились въ спанѣ со всѣмъ блескомъ восточной роскоши. Годуновъ прибылъ въ сей необозримый спанъ какъ на пирѣ великолѣпный, копорый давала ему довольная и щаспливая Россія; бранный шлемъ украшалъ тогда голову его не хуже вѣнда Царскаго. Но Казигирей пребоваъ мира и прислалъ Мурзь своихъ бышь свидѣшелями славы и величія Царя Россійскаго. Пораженные зрѣлищемъ безчисленнаго войска, споявшаго въ ружьѣ на

(*) Маржерешъ говоришь, пьшь спшь тысячъ.
 Но 17. 5

проспранствѣ семи верстѣ, они отъ страха и трепета едва могли говорить съ Царемъ. Въ странѣ начались пиршества, которыхъ описаніе кажется намъ даже романическимъ. Цѣлыя шесты недѣль Государь угощалъ ежедневно болѣе 10000 человекъ, въ богатыхъ спавкахъ, на серебряныхъ блюдахъ; раздавалъ деньги простымъ воинамъ, а чиновниковъ дарилъ золотыми парчами и бархатомъ; наконецъ, ушвердивъ миръ съ Татарами, заключилъ ежедневныя празднества обѣдомъ для всего войска: изъяснилъ ему благодарность за усердіе, и съ торжесивомъ возвратился въ Москву, принявъ корону отъ Патриарха. Власполюбивая Годунова душа блаженствововала въ сіе время. Едва ли какое нибудь другое царствованіе начиналось столь великолѣпно и славно: можно ли было ожидать такого ужаснаго?

Принимая вѣнецъ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, чело-
вѣколюбивымъ, отцомъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣтописцы наши, столь не охотно отдающіе ему справедливостъ, признаются, что Борисъ любилъ въ судахъ правду, и что въ его время не лилась кровь челоѣческая на эшафотахъ; но все, чего можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умол-

чено: на примѣрѣ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ; какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, вредныя для народа (*); какъ во время общихъ бѣдствій, которыми Богъ посѣпиль Россію въ его правленіе, испощилъ онъ всю казну Царскую на благодѣянія . . . Провидѣнію не угодно было, чтобы намѣреніе Годунова исполнилось, и чтобы Россія въ его время начала уже спорить съ другими Державами въ успѣхахъ гражданскаго искусства; но онъ имѣлъ сіе намѣреніе, и мы должны быть признательны къ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ ума во мракѣ самаго невѣжества. Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ Писателей (**), хотѣлъ ввести въ Россію науки съ художествами; любилъ великихъ людей, и всячески убѣждалъ славнаго Англійскаго Математика — Ди пріѣхать въ Москву; отправлялъ молодыхъ дворянъ въ другія земли (***) учиться; взялъ въ Русскую службу многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ — однимъ словомъ, хотѣлъ употре-

(*) См. Манифестъ Годунова, отысканный Миллеромъ въ Сибирскихъ Архивахъ.

(**) Мильшона, Пензеня, и проч.

(***) Ихъ послано было 18 въ Швецію и въ Нѣмецкую землю. Трое изъ нихъ служили при Дворѣ Карла IX въ Шлокгольмѣ.

бить тѣ же способы для просвѣщенія Россіи, которые еще лѣтъ послѣ были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ въ рукахъ ПЕТРА Великаго. Но Судьба не позволила ему царствовать долѣе осьми лѣтъ; не позволила ему и въ сіе краткое время спокойно заниматься благомъ отечества, омрачивъ Россію ужасами и бѣдствіями. Годуновъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ человѣческой мудрости, когда она должна сражаться съ ожесточеннымъ рокомъ. Очевидцы, Маржеретъ и Пешрей, описали намъ его удивительную попечительность о спасеніи народа во время страшнаго голоду, который два года свирѣпствовалъ въ Россіи. Царь ежедневно раздавалъ бѣднымъ 50000 рублей (*); отправлялъ лекарства и большія суммы денегъ въ Смоленскъ, опустошаемый язвою; истребилъ цѣлую армию злодѣевъ, которые подъ начальствомъ грознаго, опчяннаго Хлопка, сего Рускаго Капилины, все жгли и грабили въ окрестностяхъ столицы. Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ

(*) См. Пешрея и Маржерета. Онъ нарочно завелъ спроченія, чтобы бѣдные люди, имѣя пищаемые, могли трудами быть полезны государству. Иванъ Великій остался монументомъ сего благодѣянія.

золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ довольно твердости для ихъ отраженія, спокойно и величественно принималъ въ Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣпьемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ (*), сажалъ Царей на троны (**), заключалъ выгодные союзы, строилъ города и крѣпости, славился своимъ миролюбіемъ, дѣйствіемъ одной хитрой полиптики, безъ оружія, истребилъ опасныя Нагайскія Орды, и безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы (***) уважать Россію болѣе прежняго. Послы Сигизмунда III, Королей Датскаго и Шведскаго, Елисаветы Англійской и преемника ея, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Императора Рудольфа и наконецъ завоевателя воепочнаго, Персидскаго Шаха Аббаса, благоговѣли передъ трономъ Годунова. . . И сего Монарха, о которомъ ПЕТРЪ Великій отзывался съ уваженіемъ, и котораго имя самъ Царь Михаилъ велѣлъ

(*) Шведскому.

(**) Касимовскаго.

(***) Самъ жестокой Авторъ Ядра Россійской Исторіи въ этомъ признается — не Хилковъ, а Секретарь или Переводчикъ его, истинный сочинитель сей книги, какъ — по открылось по найденнымъ запискамъ въ Архивѣ Иностр. Коллегіи.

охранить на Иванъ Великомъ, не смотря на то, что родитель его былъ гонимъ Борисомъ; сего Монарха, говорю, лѣтописцы наши не стыдятся описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что онъ, для пріобрѣтенія любви народной, жегъ Москву, тайно умерщвлялъ спарыхъ Монахинь, изъ фамиліи Романовыхъ (*), научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ, и даже самъ грабилъ съ ними дома Боярь (**)! Мы, слава Богу! живемъ въ такія времена, въ которыя можемъ и должны разсуждать; изъясняемъ характеръ человѣка дѣломъ, и дѣло характеромъ человѣка; знаемъ, что властолюбіе умныхъ людей не всегда бываетъ чуждо злодѣйству, но что для вѣроятности сего злодѣйства надобно доказать связь его съ пользою властолюбія. Годуновъ, ослѣпленный спрашнью, могъ ужаснымъ образомъ пролить невинную, святую кровь для пріобрѣтенія короны: къ несчастію рода человѣческаго мы находимъ такія спрашныя дѣла въ Исторіи; но почти всѣ другія мнимыя пресупленія его кажутся мнѣ нелѣпостями, достойными грубыхъ льстецовъ, которые хотѣли злосло-

(*) Ефимію Никитишну, жеву Князя Ивана Васильевича Сыцкаго.

(**) См. Ядро Россійской Исторіи.

вѣемъ льститьъ царствующей Фамиліи Романовыхъ. Безприспρασный Историкъ конечно осудилъ въ немъ безпокойную подозрительность въ разсужденіи нѣкопорохъ знашныхъ фамилій : она была причиною ссылки Романовыхъ ; она заспавила его мѣшать брачнымъ союзамъ Боярѣ и перпѣшь шпѣонспиво ; но должно вспомнить характеръ того времени ; должно вспомнить , что Борисъ царспвовалъ скоро послѣ Іоанна , который дозволялъ себѣ не такіе ужасы въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія. Онъ не родился Государемъ ; а подозрительность гораздо извинительнѣе въ избранномъ , нежели въ наслѣдспвенномъ Монархѣ. Послѣдній въ самой колыбели уже казался намъ власпелиномъ ; но люди таковы , что имъ трудно счипать земнымъ богомъ челоуѣка , который нѣкогда былъ наравнѣ съ ними. Годуновъ могъ думать , что знашныя Бояре не охотно ему повинуются ; и хотѣвъ бышь оспорожнымъ , сдѣлался припѣнителемъ. Иноспранныя Писатели (*) замѣчаютъ , что онъ весьма рѣдко показывался народу : не трудно угадать причину : Годуновъ-Царь боялся напомнить ему лицомъ своимъ Годунова - подданнаго — спрахъ

(*) Маржерешъ.

неизвѣстный наслѣдственнымъ Вѣнценосцамъ! — Къ чести моральнаго характера его должно замѣтить, что онъ былъ нѣжнымъ ошцомъ и супругомъ. Москва въ царствованіе Бориса не видала при Дворѣ шѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ сценъ, которыя описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царствованіе Лжедимитрія: тамъ сіяло одно великолѣпіе и соблюдалась строгая благопристойность. Усердная набожность принадлежишь также къ характеру Годунова; не лзя сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнью любимаго сына, вельвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь (*). Никто изъ Рускихъ Царей чаще Бориса не бывалъ въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителяхъ. Можешъ быть угрызение совѣсти влекло его къ старьямъ Религіи, которая самыхъ преступниковъ не отвергаешъ, и льешъ бальзамъ на сокрушенное тайнымъ раскаяніемъ сердце.

Уже Россія забывала свои бѣдствія; рука дѣятельнаго правленія залечила язвы ея; изобиліе, порядокъ и благоустройство начинали царствовать (**). . . . Вдругъ

(* : См. Флетчера.

(**) Маржерешъ, вѣрный слуга Лжедимитрія и слѣдственно недоброжелатель Годунова,

все переменялось!... Сей Царь, мудрый и сильный, на котораго смотрѣла съ почтениемъ Европа и Азія, усупляетъ тронъ свой Польскому бродягѣ!.. Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для произведенія моральнаго увѣренія. Хотя Испорикъ судитъ безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожь истина всегда зараниваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно опыскать ихъ въ пепелъ — и тогда происшествіе объясняется.

Еслили Небесное правосудіе хотѣло наказати Годунова, то Оно не могло избрати ужаснѣйшаго способа для сего наказанія, какъ воскресивъ имя убіеннаго для пораженія убійцы; и еслили Годуновъ подлинно отправилъ себя ядомъ, то безразсудное его опчаяніе можно только объяснить непосредственнымъ дѣйствіемъ вышняго Промысла и безпокойной совѣ-

пишетъ, что Россія была тогда сильнѣе и влиятельнѣе прежняго.

сти (*): ибо онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никакихъ причинъ бояться самозванца, на голову побитаго Царскою арміею и не смѣвшаго вытпши изъ Пушн- вля, гдѣ едва ли было у него и 5000 сброднаго войска (**). Внезапная смерть Годунова, молодость Царя Феодора, несогласіе Боярѣ и наконецъ измѣна неблаго- дарнаго Басманова открыли ему путь къ Москвѣ. — Что принадлежитъ до тогда- шней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ ея доказа- тельствъ. Извѣстно непостоянство наро- да: онъ могъ быть обольщенъ чудесною но- востію и слѣдовать за Лжедимириѣвыми знаменами безъ всякой особенной ненави- сти къ Борису, который правленіемъ сво- имъ не заслужилъ ее. Скорѣе повѣрю я

(*) Маржеретъ и Пешрей, бывшіе тогда въ Россіи, говоряшъ, что ударъ прекратилъ жизнь его; нѣкоторые иностранцы думали, что измѣнникъ Пешрѣ Басмановъ далъ ему яду; а наши лѣтописцы утверждающъ, что Борисъ самъ себя отправилъ

(**) Вошъ тогдашнее сословіе дѣлѣ: самозва- вецъ, побитый Шуйскимъ, ушелъ въ Пу- шивль съ своими Иезуитами; Воевода Сендомир- скій, опецъ Марины, уѣхалъ назадъ въ Гольш- ту; часть Борисовой арміи не могла взять Гыльска, заняшаго единомышленниками Ошре- пьева; главная армія осаждала Кромь, и на- чальники ея ссорились между собою.

Тапищеву, что Бояре не любили тогда Годунова: ибо онъ, запретивъ крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто, отнялъ у сильныхъ и богатыхъ господъ средство разорять бѣдныхъ дворянъ, то есть переманивать ихъ земледѣльцевъ къ себѣ. Тапищевъ находитъ въ семь законѣ причину гибели Царя Бориса и несчастнаго семейства его. Но Папрѣоту не хотѣлось бы оскорблять памяти старинныхъ Бояръ Рускихъ и думать, что грубое корыстолюбіе могло привязать ихъ къ усѣхамъ самозванца.

Ничто по крайней мѣрѣ не мѣшаетъ намъ жалѣть о добродѣтельной Борисовой супругѣ (ошъ которой онъ, по словамъ одной лѣтописи нашей; шилъ непохвальныя дѣла свои) — о юномъ и прекрасномъ Теодорѣ, котораго умъ и свойства единодушно прославляютъ всѣ Рускіе лѣтописцы, и который, подобно Англійской Аннѣ Грей, нашелъ на тронѣ одну преждевременную смерть — — наконецъ о любезной Ксеніи, споль милой доброму сердцу по самымъ ужаснымъ ея бѣдспвіямъ. Едва оплакавъ кончину достойнаго жениха своего, Принца Датскаго, она лишилась родителя — видѣла убіеніе маіпери, брата, и была жерпвою гнуснаго сласполюбія убійцы ихъ. Ея жизнь угасла

въ слезахъ подъ сводомъ монастырской кельи.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевесити тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *гестно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтми, при Успенскомъ Соборѣ. Сямъ изъяснилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова, который любилъ его. На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежитъ Царица; подлѣ нее Борисъ; въ прѣтвемъ гробѣ Ксенія, а въ четверномъ Теодоръ.

Всякой, кто знаешь исторію опеченства, кто умѣешь цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочешь видѣть эту смиренную палатку; успрямишь на нее глаза съ любопытствомъ; скажешь: „вошь чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе!“ и примолвишь: „Богъ судитъ тайныя злодѣянія; а мы должны хвалить Царей за все, что они дѣлаютъ для славы и блага опеченства!“ — — —

Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы. Тутъ заключенъ съ Поляками миръ при Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, не славный, однакожь въ погдашнихъ обстоятельствахъ благодѣтельный для Россіи. Она уступила Польшѣ Смоленскъ

и еще нѣсколько городовъ; за то Королевичъ Владиславъ отказался отъ своихъ требованій на престолъ Россійскій, и возвратилъ изъ плѣна Филарета Никипича. Три раза сбѣзжались Министры: въ первый разъ (по словамъ лѣтописцевъ) они побранились, въ другой едва не подрались, а въ третій заключили миръ на 14 лѣтъ. Поляки, выходя изъ Россіи, конечно не думали, что имъ уже никогда не возвращаться въ ея предѣлы. Деулинскій прахатъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ прагедіи, которую они столько лѣтъ играли въ нашемъ отечествѣ. Воображая ихъ неистовства — грабежи, убійства, всякаго роду насилія — я вижу дѣйствіе Небеснаго правосудія, которое дозволило потомству опомститься за предковъ, избравъ ЕКАТЕРИНУ Великую для совершенія удара. Взаимная ненависть двухъ народовъ рано или поздно кончится гибелю одного изъ нихъ.

Г. Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россіи, гдѣ заключались прахаты съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли или перемѣнили свои имена: такимъ образомъ, возвращаясь изъ Сибири, между Тихвина и Старой Ладогои онъ напрасно искалъ села Столбова, гдѣ подписанъ былъ прахатъ.

шатъ съ Шведами. Заполье и Андрусово, гдѣ въ 1582 и 1667 году Россія заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны. Но Деулино и самая деревянная церковь, поспроенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Аврамѣемъ на память миру, служатъ до нынѣ предметомъ любопытства для Рускихъ, знающихъ свою Исторію. — Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣпленій: Рускихъ или Польскихъ, не извѣстно. Тамъшній Священникъ, о которомъ пишетъ Г. Миллеръ, и который разговаривалъ съ нимъ о Польской войнѣ, давно умеръ. Я не видалъ нынѣшняго, и не могъ узнать, столько ли онъ свѣдуецъ въ Рускихъ древностяхъ, какъ его предмѣстникъ.

Такимъ образомъ два дни прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ дѣйствія разума и воображенія не веселятъ насъ, человекъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься

Исторією: шамъ все говоритъ о томъ, что было, и чего уже нѣтъ! . . .

V.

Письмо о Гишпаніи, писанное одною молодою Англичанкою.

Для путешественниковъ всего непріятнѣе въ Гишпаніи отвращительная нечистота *Позадъ* или *пракшировъ*, которые несравненно хуже бѣднѣйшей деревенской корчмы въ Англіи. Мы должны были спать на соломѣ и быть жертвою всякаго роду насѣкомыхъ. Рѣдко можно найсти мяса; а гдѣ есть оно, шамъ готовятъ его съ вонючимъ масломъ. Иногда подчивали насъ яшницею съ чеснокомъ. Кухни въ сихъ *пракширахъ* бывають обыкновенно безъ оконъ; свѣтъ проходитъ сквозь отверстія кровли. Трубы также нѣтъ; огонь раскладываютъ въ серединѣ, и дымъ выходитъ въ двери или сквозь пополокъ; ошъ чего стѣны всегда покрыты сажею. — Въ гостинной комнатѣ дѣлаются двѣ лавки; а въ углу спойшъ низенькой споль. Товары возятъ обыкновенно на мулахъ; за каждымъ идетъ погонщикъ. Только въ городахъ ѣздятъ на шелегахъ,

въ которыя впрягаютъ воловъ. Колеса сдѣланы изъ двухъ, почти круглыхъ досокъ, сколоченныхъ гвоздями, и скрипятъ такъ несносно, что надобно зажимать уши. Гишпанцы увѣряютъ, что волы любятъ эпошь скрипъ и скорѣе идутъ. На мулахъ навѣшено всегда множество колокольчиковъ и разноцвѣтныхъ лентъ; всякой изъ нихъ знаетъ свое имя и чуднымъ образомъ послушенъ хозяину.

Одни знатные господа ѣздятъ въ каретахъ и на лошадахъ; телета и пара воловъ не рѣдко бываютъ экипажемъ женщинъ, очень хорошо одѣтыхъ. Хвосты у лошадей обыкновенно перевязаны лентами; даже и самыхъ ословъ украшаютъ ими и цвѣтами.

Деревни всѣ очень некрасивы; дороги узки и дурны. Въ иныхъ мѣстахъ стоятъ распятія для набожности путешественниковъ; не рѣдко встрѣчаются и маленькіе, деревянные кресты, напоминающіе смерть какого нибудь странника, убитаго разбойниками.

Почти всѣ города окружены прекрасными пополями, и кажутся издали очень хороши; но скоро пріятная мечта исчезаетъ, когда увидишь ихъ нечислоту. Въ нижнемъ этажѣ домовъ рѣдко живутъ; тамъ всегда бываютъ конюшни

и сарай. Полъ въ горницахъ кирпичной, а спѣсны обипы цыновками.

При церквахъ рѣдко увидишь колокольню; на спѣснахъ обыкновенно стояшъ распятія; иногда же, на маленькыхъ ихъ балконахъ, лежатъ мертвыя головы, чпобы напоминать мимоходящимъ о смерти.

Въ деревняхъ встрѣчали насъ молодя креспьянки, одѣшны съ довольною опрятноспію, и предлагали намъ всякаго роду дичину: лѣсныхъ голубей, куропашокъ, и проч. Платье на нихъ обыкновенно шерстяное, изъ толстой матеріи; волосы заплешены въ косы. Муцины носятъ камзолы безъ пуговиць, съ завязками; на стигахъ рукавовъ сдѣланы разрѣзы.

Въ лѣпніе вечера молодые поселяне въ каждой деревнѣ пляшутъ *Фанданго* и *Сегвиниллу* при звукахъ гитары. Для тѣхъ, которые не знаютъ, что такое *Фанданго*, не возможно описать сей веселой пляски. Какъ скоро заиграютъ на гитарѣ, всѣ оживятся; и люди всякаго состоянія равно любятъ такимъ образомъ прыгать и вершѣпья; погонщики муловъ не уступаютъ другимъ въ эшой спраспи.

Употребленіе свѣчь не извѣстно въ Гишпаніи; комнатны освѣщаются лампадами, привязанными къ потолоку.

Весьма рѣдко увидишь Гишпанца пьянаго; это считается великимъ порокомъ. — Я могла бы рассказать множество примѣровъ Гишпанской честности; здѣсь самые просвѣтые люди хощящъ славиться ею. — Но сіе время мы не видали красавицъ между женщинами; онѣ скоро старѣются.

Въ Гишпаніи есть всякіе климаты. Въ южныхъ провинціяхъ лѣтомъ чрезмѣрно жарко, а въ сѣверныхъ зимы очень холодны. Земля вездѣ плодоносна, но множество необработанной. На сихъ необозримыхъ пуспонахъ растутъ тминъ, розмаринъ и другіе ароматическіе кусты, наполняющіе воздухъ благоуханіемъ послѣ всякаго лѣшняго дождя.

VI.

С М Ъ С Ъ.

Осьмой - надешать вѣкъ названъ *философическимъ*: какъ же назвать девятой-надешать? Ораторъ Луціанъ Бонапарте предложилъ для него имя *Великаго*; но Европа, какъ сказываютъ, хочеть объявить его — *вѣкомъ торговли*! Нынѣшніе Французскіе Авторы съ величайшею ревностію доказываютъ, что одна торговля

можетъ спасти родъ человѣческой отъ бѣдствій войны; одна торговля можетъ полезнымъ образомъ занимать врожденную дѣятельность человѣческаго сердца; одною торговлею должны славиться народы, и въ одной торговлѣ заключается гражданское щастіе!

Воздушные шары и телеграфы въ началѣ своемъ казались такими игрушками, что ученые Физики стыдились говорить объ нихъ; но теперь они сдѣлались важнымъ предметомъ ихъ опытовъ. Такую же судьбу можетъ имѣть и новая машина, изобрѣтенная Гражданиномъ Бельбреемъ, и названная имъ *Оптилогомъ* или *говорящимъ цилиндромъ*. Человѣкъ одною рукою вертитъ сію круглую машину, а другою играетъ на клавесинѣ, и вмѣстѣ звуковъ выходящъ изъ него буквы, одна за другою, съ величайшею скоростію, такъ, что симъ буквами можно выражать мысли какъ словами. Польза очевидна. Природно-глухіе и нѣмые могутъ изъясняться посредствомъ сей машины; а еслили поставитъ ее на высокомъ, открытомъ мѣстѣ, то можно дѣйствіемъ клавесина говорить съ безчисленнымъ множествомъ людей. Гражданинъ Бельбрей совѣтуетъ Консулу Бонапарте сдѣлать

въ Тюльери и во всей Франціи Олтилогн, чпобы милліоны Французовъ посредствомъ ихъ разговаривали другъ съ другомъ. *Эта машина, говоритъ онъ, достойна быть аудиторіею великаго народа!*

Гражданинъ Дарбфэль изобрѣлъ машину, которая всякую дурную, нечистую воду дѣлаетъ хорошею и прозрачною. Это изобрѣтеніе можетъ быть весьма благодѣтельно для мореплавателей; извѣстно, что запасаемая вода на корабляхъ часто поршился. Машина весьма проста, и есть ничто иное, какъ бочка, наполненная исполченными и вымытыми угольями, смѣшенными съ известковою землею; вода течетъ сквозь ихъ.

Мерсье, разбранивъ Невпона, Таципа, Испорію, добрался наконецъ до Консула Бонапарте, и написалъ къ нему весьма гнѣвную эпислолу, которая начинается сими двумя стихами:

Bonaparte, il est tems qu'avec toi je m'explique.
Réponds-moi: qu'as-tu fait de notre république?

Бонапарте хопѣлъ видѣть великана Фрїона, молодого купца изъ южной Фран-

ція, который живешъ нынѣ въ Парижѣ, и котораго чрезмѣрный ростъ въ самомъ дѣлѣ удивителенъ. Консуль, взглянувъ на него, сказалъ: „я передъ нимъ ребенокъ!“ Фрѣонъ отвѣчалъ: „Гражданинъ Консуль! вы видите теперь разницу между *великимъ* и *большимъ* человекомъ (un grand homme & un homme grand).“

Въ прошедшую зиму (пишутъ изъ Лондона) разнесся слухъ, что Коммиссары, посланные Англійскимъ Правленіемъ во внутренность Африки, открыли столицу Бедуановъ. Слухъ сей нынѣ подтвердился, и мы узнали, что въ семъ городѣ 1500 домовъ и 7000 жителей. Трудно понять, какими образомъ можетъ жить столько людей въ городѣ, окруженномъ пустынями. Описаніе ихъ политическаго и домашняго хозяйства будетъ весьма любопытнымъ прибавленіемъ къ испоріи дикихъ народовъ. Надобно замѣтить, что Англичане, завладѣвъ Мысомъ Доброй Надежды, въ четыре года сдѣлали тамъ гораздо болѣе открытій, нежели Голландцы въ два вѣка.

Такъ называемый Господинъ Вердонъ (говоритъ Издапель *Лондонскаго Вѣстника*),

копорога мы часто видали на улицахъ, въ парикѣ, съ большимъ кошелькомъ, въ треугольной шляпѣ и съ зонтикомъ, умеръ на сихъ дняхъ въ Лондонѣ. Бумаги, найденныя у него, доказываютъ, что сей доброй человекъ былъ — побочная дочь Короля Прусскаго, Фридриха Вильгельма, и что она прѣхала въ Англiю съ Госпожею Швеллембергъ. Увѣряютъ, что у нее пропало около двухъ сотъ тысячъ рублей, ввѣренныхъ ею одному купцу, который сдѣлался банкротомъ. Послѣ того она жила трудами своими, учила молодыхъ Англичанъ иностраннымъ языкамъ, и всякой разъ, въ торжественные дни, являлась при Дворѣ въ мужскомъ платьѣ, въ богатыхъ шпыхъ кафпанахъ, которые однакожь не могли скрыть ея смѣшной, каррикатурной неспройности. Многие угадывали полъ сей спранной особы; но никто не зналъ того вѣрно донинѣ.

Неупомимый путешественникъ, Англичанинъ Спиллардъ, теперь въ Парижѣ. Ему 70 лѣтъ отъ роду. Онъ исходилъ пѣшкомъ болѣе 200 тысячъ верстъ въ жизнь свою, былъ во всѣхъ Европейскихъ земляхъ, въ Аравiи, въ Египтѣ, во внутренности Африки — въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Америки, тамъ, гдѣ не бывалъ

еще никто изъ путешественниковъ, и доходилъ до самой Новой Иберіи.

V.

Историческое описаніе Россійской торговли, сочиненное А. Шторхомъ.

Мы съ великимъ удовольствіемъ извѣщаемъ Публику о сей важной книгѣ, которая печатается въ Пешербургѣ и скоро выдетъ. Она есть произведеніе не только великаго прудолюбія, но и сиспеманпическаго ума, соединеннаго съ манланпомъ писать; слѣдственно не лзя сравнивать ее съ томами Г. Чулкова, симъ безпорядочнымъ собраніемъ матеріаловъ, изданныхъ подъ именемъ Испоріи. Г. Шторхъ пишетъ для всѣхъ; книга его и полезна и пріяльна; одинъ найдетъ въ ней любопытныя историческія свѣдѣнія, а другой новые виды для успѣховъ промышленности и государственнаго хозяйства. Всякой замѣтитъ съ удовольствіемъ, что Авторъ пишетъ въ духъ ревностнаго патріотизма. Нѣмецкое имя не мѣшаетъ ему быть нашимъ вѣрнымъ согражданиномъ: онъ родился подъ скиперомъ Россійской Монархіи и любитъ

ея славу. — Книга состоитъ изъ трехъ частей: въ первой описывается *добываніе* естественныхъ произведеній въ Россіи (на прим. звѣриная ловля, скотоводство, земледѣліе, рудокопни и проч.); во второй *обдѣлываніе* ихъ (ремесла, фабрики и проч.); а въ третьей торговля: ея исторія отъ самыхъ древнихъ временъ, раздѣленная на эпохи, и нынѣшнее состояніе какъ внутренней, такъ и внѣшней коммерціи. — Нужно ли въ одобреніе сей книги примовишь, что она известна уже Европѣ на разныхъ языкахъ, и заслужила справедливую похвалу въ иностранныхъ Журналахъ? Авторъ писалъ ее на Нѣмецкомъ; но зная хорошо нашъ языкъ, старался, чпобы въ Рускомъ переводѣ не было ошибокъ, и самъ издаетъ его.

ПОЛИТИКА.

I.

*Извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи Респуб-
лики Рагузы (*), писанное граж-
даниномъ ея.*

Городокъ Рагуза, столица маленькой Рес-
публики, основанъ Полимиромъ Белусомъ.
Сей Герой, происшедшій со стороны отца
отъ Боснійскаго Короля Рапислава, а со
спороны матери отъ Римскаго племени,
въ 900 году присталъ къ берегамъ Дал-
маціи, съ намѣреніемъ завоевать протъ
предковъ своихъ, Королей Боснійскихъ,
сверженныхъ за ихъ насиліе и злыя дѣла.
Римская колонія Эпидаврія была тогда
опустошена Сарацынами и въ конецъ раз-
рушена Славянами; бѣдствіе рѣдко при-
ходило одно.

Съ Полимиромъ были нѣкоторые хра-
брые, отъ смерти и плѣна спасенные
граждане Эпидаврія. Увидѣвъ развалины
своего опечественнаго города, они не мо-
гли отъ слезъ удержаться и просили

(*) Она Славянскаго происхожденія, слѣдственно
не чужая Рускимъ.

вождя основать новый городъ на возвышеніи, съ котораго имъ можно бѣ было смотрѣть на колыбель ихъ щасливой юности. Исполняя ихъ желаніе, онъ построилъ городъ на крушой скалѣ, омываемой волнами Адриатическаго моря, и названной въ древнѣйшія времена Бергапомъ, отъ имени славнаго разбойника и памошнихъ мѣстъ.

Одинъ бѣдный стихотворецъ перваго-надесять вѣка утверждаетъ, что городъ, основанный Полимиромъ, гражданами Эпидаври названъ былъ *Кабуза* — что означаетъ на ихъ языкѣ *крутую скалу*. Жители окрестныхъ мѣстъ называютъ его *Дубровною*, то есть *лѣснымъ городомъ*: ибо для его распространенія надлежало вырубить лѣсъ.

Пилимиръ, за нѣсколько времени до своего предпріятія, жилъ въ уединеніи и размышлялъ о причинѣ бѣдствія своихъ предковъ. Совершивъ завоеваніе, онъ вспомнилъ о томъ, спарался воспользоваться опытомъ прошедшихъ временъ, основалъ покой свой на общемъ спокойствіи и пріобрѣлъ любовь своихъ грубыхъ, бѣдныхъ и храбрыхъ товарищей, посредствомъ учрежденій, сообразныхъ съ ихъ нравами и характеромъ. Онъ далъ народу законную власть, гражданамъ Сенатъ, защитни-

камъ отечества главу, и духовной пастырь духовнаго пастыря; былъ самъ вождь и пастухъ, по нуждѣ и склонности; жилъ долго, болѣе для мирной тишины, нежели для славы, и наконецъ умеръ, оплакиваемый всѣми согражданами, такъ, чпо имя Полимира до нынѣ благословляемо въ Рагузѣ.

Рыбная ловля питала нашихъ предковъ. Они сдѣлались промышленнѣе, богатѣе, начали торговать и почувствовали нужду въ собственности; а какъ лучшая собственность есть обработанное поле, то они принялись за хлѣбопашество и вошли въ связь съ сосѣдами, болѣе ихъ успѣвшими въ гражданскихъ искусствахъ. Сія новая связь вселила въ нихъ соревнованіе. Скоро Республиканцы наши узнали, чпо Лакедемонъ, Аргосъ, Аѣицы и Коринѣи отъ нихъ не далеко; познанія и науки еще болѣе сблизили ихъ съ оспанками славной Греціи. Они присвоили себѣ Спартанскія добродѣтели и любезность Аѣинскую; наслаждались дома семейственнымъ щасіемъ и заслужили почтеніе иностранцевъ своею мудростію и честностію, рѣдкою во времена варварства; были малочисленны, но сильны любовію къ отечеству; нашли способъ отразить Сарацинъ и Нареншинцевъ, разбойниковъ Венеціан-

скаго залива, и назывались освободителями Адриатическаго моря.

Смѣлая предпріятія и полезныя союзы сдѣлали Рагузу самымъ цвѣтущимъ городомъ въ Далмаціи. Въ Италіи и въ Греціи говорили только о промышленности и добродѣтели Рагузскихъ жителей.

Но съ умноженіемъ богатства начали портиться нравы. Всякой хотѣлъ превзойти сосѣда своего. Внѣшняя роскошь и сластополубивая нѣга приспали къ симъ, еще недавно простымъ и добродѣтельнымъ Республиканцамъ, подобно какъ мохъ нарастаетъ на божественномъ мраморѣ Фидіаса. Скоро въ сей маленькой области, сильной только своею умеренностію и нравами, исчезли истинные граждане: оспались одни купцы, для которыхъ желѣзный сундукъ былъ идоломъ, коншора опечесивомъ, любовь къ богатству единственнымъ чувствомъ.

Безъ всякой совѣсти они завладѣли землею сосѣдовъ, отнятою у нихъ послѣ сильными Венеціянами. Мѣста, чины и правосудіе были куплею. Добрые граждане казались угрюмыми моралистами, неспособными къ должностямъ. Нѣкоторые поднялись высоко, другіе упали во прахъ — и Республика лишилась силы своей, утративъ добродѣтель.

Въ то время, какъ всё умы занима-
лись мѣною и торговлею, Сенапоръ Да-
миѣни Юде присвоилъ себѣ верховную
власть. Униженные духомъ Республиканцы
не хотѣли еще опвеспи глазъ отъ своихъ
книгъ и счеповъ; но скоро тиранство
сдѣлалось безпокойно, тягостно, и на-
ко-нець несносно: они проснулись въ шу-
минушу, какъ ихъ хотѣли удушить, и
просили заспуленія Венеціи, которая
престѣкла тиранство Дамиѣни Юде, но
замѣнила его своимъ собственнымъ. Рагуз-
скіе жители, принужденные слушаться,
торговали, пировали и снова заснули.

Одна кровопролитная война въ стра-
нахъ сосѣдственныхъ могла вывести ихъ
изъ сего усыпленія. Они взяли въ
ней опасное участіе, бѣли на волосъ отъ
гибели, ободрились, возвеличились духомъ,
и вдругъ съ послѣдней степени мораль-
наго разврата снова вознеслись на выш-
нюю степень независимости.

Не оставляя торговли и мореплава-
нія, источника ихъ богатствъ, они по-
свящали себя наукамъ общественной эконо-
міи; принужденные по слабости своей
опказаться отъ республиканскаго прямо-
душія и гордаго чистосердечія въ связяхъ
политическихъ, сдѣлались гибки безъ
подлости, хитры безъ коварства, скромны

безъ притворства ; избираемые не рѣдко въ судѣи между сосѣдами, не огорчали сильныхъ, но великодушно отворяли врата Республики для несчастныхъ Государей, не умѣвшихъ слѣдовать ихъ благоразумному примѣру. Когда свирѣпыя Опшоманы угрожали Европѣ, Рагузскіе граждане отправили депутатовъ въ Бруссю и получили ту хартію, которая донынѣ увѣряетъ ихъ въ защитѣ Порты и хранится какъ святыня въ Рагузѣ. Султанъ Оранъ, вмѣсто подписи, обмакнулъ всю ладонь въ чернила и приложилъ ее къ хартіи.

Такимъ образомъ благоразуміе Рагузы, подкрѣпленное храбростію Далматовъ, удержало честолюбіе и фанатизмъ Турковъ; она спасла Италію отъ нашествія варваровъ и разрушенія славныхъ монументовъ ея.

Прежде открытія Мыса Доброй Надежды Рагуза и Венеція были главными магазинами воспочныхъ товаровъ. Морскія силы первой находились въ самомъ цвѣтущемъ сосояніи, и вооруженныя галеры ея составляли защиту купеческихъ судовъ. Но первымъ ударомъ для Рагузы было участіе, взятое ею въ морскомъ вооруженіи Филиппа II, названномъ весьма не кспани непобѣдимымъ

флашомъ. Волны поглотили тогда большую часть кораблей Республики, военныхъ и купеческихъ.

Въ концѣ 16 вѣка открылись новыя бѣдствія. Землетрясеніе разрушило всю Рагузу. Сосѣдственныя варвары предали огню ея развалины, и въ пеплѣ оставили еще смертоносную язву.

Революція Англійскихъ Колоній въ Америкѣ обѣщала выгоды ея мирному флагу; Республика въ самомъ дѣлѣ пользовалась ими — но миръ въ 1785 году уничтожилъ ихъ. Малыя области всегда наживаются отъ войны сильныхъ; а когда заключатъ миръ, то первыя должны служить деньгами послѣднимъ.

Французская Революція обѣщала еще болѣе выгодъ; но обогативъ частныхъ людей, опустошила казну Республики. Ея капиталы почти всѣ были въ банкахъ Римскомъ, Неапольскомъ, Венеціанскомъ и Вѣнскомъ. Благоразуміе требовало въ началѣ смятенія взять ихъ изъ рукъ воюющихъ сильныхъ и слабыхъ Державъ, подверженныхъ опасности, и ввѣрить торговымъ конторамъ, удаленнымъ отъ шума Европейскаго. Всякой оспорожной капиталистъ въ политической бурѣ предпочитаетъ новый, возрастающій кредитъ старому, упадающему.

Такимъ образомъ , въ печеніе двухъ вѣковъ , испребленіе Гишпанскаго флота на Океанѣ , землепрясеніе , независимость Америки и такъ называемая свобода Французовъ постепенно ослабили морскія силы Португаліи , копорая за девять вѣковъ передъ симъ умѣла наслаждаться свободою. Прежде вѣяли флаги ея на всѣхъ моряхъ , подобно флагамъ Тира и Сидона , Генуи и Венеціи ; а теперь мы спали Голландцами одного Адріаническаго моря.

Жишелей въ Республикѣ 45 тысячъ , а земли въ длину 100 Испаліянскихъ миль , въ ширину десять. Къ сему надобно прибавить нѣсколько острововъ , изъ копорыхъ значнѣйшіе суть , Лагоспа и Мелада. Должно признахся , что сохраненіе такой маленькой обласпи въ печеніе девяти вѣковъ можно назвать чудомъ. Образъ ея правленія еспь странная смѣсь Аристокрашіи и Демокрашіи. Еще недавно опредѣленія Сената начинались такъ : *по выслушаніи совѣта и съ согласія народа*. Сенатъ съ балкона своего объявлялъ рѣшенія гражданамъ , копорые , собираясь на площади , общимъ восклицаніемъ изъявляли согласіе. Французъ , знающій свою древнюю Исторію , съ удивленіемъ находить на дикой скалѣ , угрожаемой моремъ и варварами , Парламенты

и Марсово поле древнихъ Франковъ. Сей образъ законодательства нашего перемѣнился: Олигархія взяла верхъ, и нынѣшняя Конспишудія Республики есть копія Венеціанской. Большой Совѣтъ состоитъ изъ всѣхъ дворянъ, которымъ болѣе осьмнадцати лѣтъ; ему принадлежитъ верховная власть, но ею болѣе пользуется Сенатъ, гдѣ засѣдаетъ 56 старѣйшихъ Членовъ Совѣта. Его опредѣленія имѣютъ силу закона. Онъ занимается политическими и торговыми дѣлами, экономіею и тяжбами. Исполнительная власть, подъ именемъ Малаго Совѣта, поручена семи Сенаторамъ, которые во всемъ важномъ зависятъ отъ Сената. Иностранцы и Послы относятся къ младшему изъ семи Членовъ; дѣло разсматривается въ Маломъ Совѣтѣ и представляется съ его мнѣніемъ въ Большой, который рѣшилъ и велитъ ему исполнить. Ежегодно избираются три Сенатора въ хранилища законовъ; они могутъ остановить всякое рѣшеніе прошивное Конспишудіи и предложить дѣло Большому Совѣту. Если Сенаторъ окажется недоспойнымъ мѣста своего, то Совѣтъ можетъ его разжаловать; но это мечъ, который никогда изъ ноженъ не вынимается: Аристократы берегутъ другъ друга.

Большой Совѣтъ ежегодно подтверждаетъ тайнымъ собраніемъ голосовъ всякаго чиновника въ своемъ мѣстѣ, по естѣ Сенаторовъ и всѣхъ; выбираетъ на убыль мѣсяца, и ежемѣсячно собирается для назначенія Ректора, главы Республики. Въ концѣ мѣсяца, 30 число, приходитъ къ нему Вѣстникъ Совѣта и говоритъ: „Именемъ Республики объявляю, что вы „должны выйти изъ сихъ палатъ; иначе „васъ выбросятъ изъ окна.“ Эта странная угроза вошла въ обыкновеніе съ того времени, какъ одинъ Ректоръ хотѣлъ самовольно продлить власть свою, и былъ выкинутъ изъ окна Сенаторами.

Благородные раздѣляются всегда на двѣ несогласныя партіи; за ними слѣдуютъ граждане, изъ которыхъ выбираютъ въ судьи и въ Консулы; а на послѣдней ступени стоитъ народъ, жертва неумѣстности и суетности. Главная Религія есть Католическая; но она столь же мало опасна для правленія, какъ и въ Венеціи. Священники не имѣютъ никакой политической власти и не составляютъ особеннаго корпуса; они бѣдны, и живутъ болѣе плѣмъ, что учить и воспитываютъ дѣтей. Глава ихъ есть Епископъ, который долженъ быть не дворянинъ и не иностранецъ. Сенатъ знаетъ, что Прелатъ

именимый родомъ, или опредѣленный Римомъ, Венеціею, Конспаннинополемъ, могъ быть для него опасенъ.

Для Турковъ, прѣзжающихъ въ Рагузу, опшведена особенная улица. Греки имѣють свою церковь, а Жиды синагогу. Черная одежда благородныхъ, духовенства и самая архитектура домовъ дають сему городу видъ монастыря. — Ремесленники шамъ богаты; нигдѣ не увидишь блѣдныхъ лицъ и рубища. Изобиліе вина и мяса производить цвѣтущее здоровье. Каменные домики земледѣльцевъ дѣлаются съ большими окнами и съ раскрашенными лавками: роскошь, копорая нѣкогда принадлежала однимъ Сенапорамъ! Но земледѣльцы наши не имѣють гражданской свободы; они рабы благородныхъ.

Рагузское Правленіе внутренне ненавидитъ Французовъ, однакожь во все время войны поступало весьма оспорожно; а купечество между шѣмъ обогащалось. Внутреннее согласіе и благоразуміе могутъ еще продлить бышіе сей маленькой Республики. По чему знать? можемъ быть она переживетъ еще многія сильныя Державы!...

(Изъ Мишеры.)

II.

Извѣстія и Замѣчанія.

Парижъ.

На сей разъ новыя происшествія Республики не удивили Европы; всякой, кто читалъ Парижскіе Журналы, могъ ожидать перемѣнъ въ Конституціи. Французскіе Журналисты сдѣлались нынѣ легкимъ войскомъ Правленія, которое поручаетъ имъ открывать расположеніе умовъ, между тѣмъ, какъ въ Консульскомъ Совѣтѣ готовящъ что нибудь важное. Редереръ и д' Анжели съ нѣкотораго времени аллегоріями и прямо говорили о несовершенствѣ Французской Конституціи и необходимости дополнить ее. Весь Парижъ зналъ, что въ Мальмезонѣ были два чрезвычайныя засѣданія Государственнаго Совѣща, которыя продолжались во всю ночь, до самаго утра. Публика съ любопытствомъ усматривала взоръ на Тюльери. Занавѣсъ поднялся, и Бонапарте, объявленный Консуломъ на всю жизнь, такъ *исправилъ* Конституцію, что она сдѣлалась совсѣмъ иною. Въ произведеніяхъ ума человѣческаго безъ поправокъ нѣтъ совершенства!

Въ великой Республикѣ должно быть все театральное . . . Консулъ давалъ въ

Тюльери аудіенцію : вдругъ , торжественно и важно , вступаешъ въ залу весь Сенатъ . . . Бонапарте оставленъ иностранныхъ Министровъ . . . Президентъ Сената , бывший Директоръ Бартеlemi , говоришь ему :

„Гражданинъ Первый Консулъ! Народъ Французскій , благодарный за великія услуги , вами ему оказанныя , желаетъ , чпобы первое государственное достоинство осталось навсегда въ рукахъ вашихъ. Такимъ образомъ присвоивая себѣ всю вашу жизнь , онъ исполнилъ намѣреніе Сената , выраженное въ его опредѣленіи 18 Флореаля. Франція , симъ торжественнымъ дѣйствіемъ благодарности ; даешъ вамъ обязанность утвердить наши законы. — Новый пунктъ открываешся для Перваго Консула. Послѣ чудесъ храбрости и талантовъ военныхъ онъ заключилъ со всѣми миръ славнѣйшій для Республики. Французы подъ его начальствомъ явились въ образѣ истиннаго величія. Онъ миротворецъ народовъ и возстановитель Франціи. Одно имя его есть великое могущество. — Уже правленіе въ два года исторбило почти и память эпохи безначалія и бѣдствій , уничтожившихъ , казалось , способы народнаго благоден-

„ствія. — Но должно загладишь слѣды
 „нѣкопорокихъ золъ, должно разсѣять нѣ-
 „которыя безпокойства. Французы, из-
 „умивъ свѣтъ дѣлами храбрости, ожида-
 „ютъ отъ васъ, Гражданинъ Первый Кон-
 „суль, всѣхъ благодѣяній мира, вами имъ
 „дарованнаго. — Если были еще сѣме-
 „на раздора, то объявленіе непремѣннаго
 „Бонапартіева Консульства испребишь
 „ихъ. Теперь все соединилось вокругъ
 „его; великій Геній Наполеона все утвер-
 „дитъ и сохранитъ. Онъ живетъ только
 „для благоденствія и щасія Францу-
 „зовъ; онъ будетъ вселять въ нихъ од-
 „но стремленіе славы и чувство народ-
 „наго величія. Въ самомъ дѣлѣ, какой
 „народъ достойнѣе благоденствія, про-
 „свѣщеннѣе, чувствительнѣе? какого наро-
 „да любовь и почтеніе могутъ быть
 „драгоценнѣе? — Сенатъ согласится со-
 „вѣми великими идеями Правленія, бу-
 „детъ ревностно способствовать испра-
 „вленіямъ, которыя должны предупре-
 „дить бѣдствія, споль долго насъ тер-
 „завшія, и навсегда утвердитъ благодѣ-
 „нія порядка, возвращеннаго вами опе-
 „честву. Сенатъ обязанъ содѣйствовать
 „исполненію воли народа, который споль
 „разительно доказалъ свою ревность и
 „проищаніе. — Определеніе, вручаемое

„вѣмъ, Гражданинъ Консулъ, полнымъ
 „собраніемъ Сената, выражаетъ его осо-
 „бенную признапельность. Будучи орга-
 „номъ народной воли, и желая лучше
 „исполнить намѣреніе Французовъ, онъ
 „призываетъ Искусства сохранить для
 „вѣковъ память сего великаго происше-
 „ствія.“ — Типъ Г. Баршелеми читаетъ
 опредѣленіе Сената, что Бонапарте объ-
 является Консуломъ на всю жизнь, и
 что спашуя Мира, держащая въ рукѣ
 лавръ побѣды, а въ другой сіе опредѣленіе
 Сената, изъяснитъ потомству благодар-
 ность народа. Изъ 3,577,259 гражданъ,
 подавшихъ голоса, 3,568,885 хотѣли,
 чтобы Наполеонъ навсегда былъ Консу-
 ломъ. — Бонапарте отвѣчалъ Сенату слѣ-
 дующими словами:

„Сенаторы! гражданинъ принадле-
 „житъ отечеству. Народъ Французскій
 „хочетъ, чтобы я посвятилъ ему всю
 „мою жизнь: повинуюсь его волѣ. Давъ мнѣ
 „новый залогъ, залогъ вѣчный своей довѣ-
 „ренности, онъ налагаетъ на меня обязан-
 „ность утвердить систему его законовъ
 „на уставахъ предвидящихъ. Моими спа-
 „раніями, вашимъ содѣйствіемъ, граждане
 „Сенаторы, помощію всѣхъ властей, до-
 „вѣренностію и волею сего великаго наро-
 „да, свобода, равенство, благоденствіе

„Франціи будутъ шверды и независимы
 „отъ дѣйствій рока. Лучшій изъ народовъ
 „будетъ щасливѣйшій, ибо онъ досто-
 „инъ того; и благоденствіе Франціи дол-
 „жно способствоватьъ щастію всей Европы.
 „Тогда, довольный въ душѣ моей; бывъ из-
 „бранъ Тѣмъ, отъ Кого все истекаетъ,
 „возвращишь міру справедливость, поря-
 „докъ и равенство, услышу бленіе послѣ-
 „дняго часа безъ сожалѣнія — и не спра-
 „шась мнѣнія вѣковъ. Сенаторы! примите
 „благодарность мою за такое торжествен-
 „ное дѣйствіе. Сенатъ желалъ, чего хо-
 „телъ народъ Французской, и чрезъ то
 „онъ тѣснѣе соединился со всѣмъ, что
 „остаётся еще сдѣлать для блага отече-
 „ства. Мнѣ пріятно слышать это увѣ-
 „реніе отъ Президента столь почтеннаго.“

И та и другая рѣчь доказывающъ,
 что Сенатъ и Консулъ были уже согласны
 сдѣлать перемиріе въ Констинуплѣ. Чи-
 пашели замѣтивъ также, что Бонапарте
 безъ околнчностей называетъ себя орудіемъ
 Неба, избраннымъ отъ Всевышняго, и проч.
 Пусть это правда; но стоить явно пребы-
 вать себѣ олшарей и крамовъ нажененя
 намъ нескромностію. Такъ говорили Маго-
 метны, Зороастры, а не Герои Плушар-
 ховы. И по чему Консулъ возвращилъ
 міру равенство, котораго никогда не бы-

вало въ мірѣ и нѣтъ въ самой Франціи? Англійскіе Журналисты безъ сомнѣнія воспользуются такими *воспотными*, пышными фразами, и посмѣются надъ ними.

На другой день три Государственныя Совѣтника именемъ Консуловъ предложили Сенату планъ образованія Конституціи, принятый имъ въ тотъ же день и немедленно обнародованный какъ законъ Республики. Хотя *главныя власти* оспаются шѣ же, но переменны важны и велики. Всѣ Консулы суть Члены и Президенты Сената, который избираетъ ихъ на всю жизнь по представленію Перваго Консула; можетъ опвергнуть перваго и втораго кандидата, но третьяго непременно долженъ выбрать. Первый Консулъ такимъ же образомъ предлагаетъ Сенату и преемника для своего мѣста, который, будучи утвержденъ, обѣщается хранить Конституцію и свободу Религій, пропавшися возстановленію феодальныхъ правъ, и воевать только для защиты и славы Республики. Онъ даетъ сію клятву торжественно, въ присутствіи всѣхъ главныхъ чиновниковъ и духовенства; послѣ чего занимаетъ мѣсто свое въ Сенатѣ подлѣ третьяго Консула. Первый Консулъ можетъ также письменно изъяснить свое желаніе въ разсужденіи выбора преемника,

занечапашъ бумагу и опдашь ее на сохраненіе въ Архивъ, чшобы она вручена была Сенату послѣ его смерти; можетъ также и взять ее назадъ изъ Архива. Еслили Сенатъ не согласится избрать сего кандидата, то впорый и претій Консулъ предспавляетъ каждый своего; еслили онъ и сихъ отвергнетъ, тогда Консулы еще двухъ предспавляютъ, изъ которыхъ Сенату уже непремѣнно должно выбрать одного: что дѣлають они и въ такомъ случаѣ, когда Первый Консулъ умретъ, не назначивъ преемника. Сей выборъ долженъ быть совершенъ въ 24 часа по смерти Перваго Консула. — Сенатъ рѣшитъ все то, чего не предвидѣла Конспишудія и даетъ законы Колоніямъ; уничтожаетъ рѣшеніе судовъ, еслили оно прошивно благу Республики; можетъ отрѣшить вмѣстѣ всѣхъ Членовъ Законодательнаго Корпуса и Трибуната и выбрать на ихъ мѣсто новыхъ; избираетъ Консуловъ; опредѣляетъ время, въ которое взятыя подъ стражу граждане, подозрѣваемые въ измѣнѣ, должны быть предспавлены въ судъ, и можетъ объявлять Департаменты внѣ Конспишудіи, то есть подвергать ихъ военному закону, въ случаѣ бунта или другихъ опасностей. Предложенія Консуловъ, которыя должны

быть Сенаторомъ обращены въ законъ, разсмаptrиваются прежде въ Тайномъ Совѣтѣ, состоящемъ изъ Консуловъ, изъ двухъ Сенаторовъ, 2 Государственныхъ Совѣтниковъ и двухъ главныхъ Офицеровъ Почетнаго Легіона. Первый Консулъ назначаетъ ихъ всѣхъ. Имѣя право утверждать пактамы мира и союза, онъ также разсмаptrиваетъ ихъ прежде въ Тайномъ Совѣтѣ. Въ слѣдующее *лѣто Республики Сенатъ дополнитъ число своихъ Членовъ, опредѣленное Конституціею; то есть, къ 66 прибавитъ еще 14. Первый Консулъ представляетъ Кандидатовъ, взявъ ихъ имена изъ списковъ, сочиненныхъ для того Избирательными Коллегіями. Члены Большаго Совѣта въ Почетномъ Легіонѣ суть Члены Сената. Сверхъ того самъ Первый Консулъ можетъ избирать въ Сенаторы достойныхъ гражданъ, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы число Сенаторовъ никогда не превосходило 120. Сенаторы могутъ быть Консулами, Министрами, Послами, Членами Легіона, и проч. — Министры имѣютъ голосъ въ Государственномъ или Консульскомъ Совѣтѣ (въ которомъ не должно быть никогда болѣе 50 Членовъ), но въ Сенатѣ только присутствуютъ, не имѣя голоса. — Консулы сзываютъ и распускаютъ Законо-

дательный Корпусъ. Трибунатъ долженъ состоять только изъ 50 Членовъ. — Первый Консулъ можетъ прощать вины. — Въ округахъ будутъ собранія, которыя состоятъ изъ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ собственность; а въ Департаментахъ Избирательныя Коллегіи; Президенты для тѣхъ и другихъ назначаются Первымъ Консуломъ. Окружныя собранія представляютъ ему двухъ гражданъ, изъ которыхъ онъ выбираетъ мирнаго судью для округа. Избирательныя Коллегіи назначаютъ кандидатовъ для Сената, Законодательнаго Корпуса, Трибуната и судейскихъ мѣстъ въ Департаментахъ. Члены сихъ Коллегій состоятъ изъ такихъ гражданъ, которые платящъ Республикѣ болѣе податей, нежели другіе. Первый Консулъ можетъ посадить во всякую Коллегію 10 Членовъ Легіона.

Такимъ образомъ Бонапарте рѣшилъ всѣ вопросы, которые Французская Конституція оставляла безъ отвѣта — всѣ, кромѣ одного: „что дѣлать въ такомъ случаѣ, еслии Консулъ не исполнитъ клятвы своей или пресупитъ гражданскіе законы?“ Онъ не объявленъ *нелюдсудимымъ*, подобно Королю Англійскому... Но въ описантіи правъ Сената сказано, что ему должно рѣшить все непредвидѣн-

ное Конституціею, слѣдственно и сей вопросъ при случаѣ. Эпо право велико, и сдѣлалось бы спрашнымъ для Первыхъ Консуловъ, естли бы они не могли наполнять Сената друзьями своими, и черезъ по обращать его въ Консульское орудіе. Французское правленіе ест истинное монархическое, и гораздо далѣе отъ республиканскаго, нежели Англійское, дающее гражданамъ право непосредственно выбирать Депутатовъ, Членовъ законодательнаго Парламенша; а Французскіе Республиканцы соспавляютъ только списокъ кандидатамъ, и по подѣ вліяніемъ Бонапарте, избирающаго Президентовъ для окружныхъ собраній и Коллегій. Законодательная власть весьма ограничена и зависитъ отъ Сената, который, будучи недоволенъ Членами Трибунаша и Законодательнаго Корпуса, можетъ ихъ всѣхъ переимѣнить, когда и сколько разъ захочетъ; а какъ онъ, соспавленный Первымъ Консуломъ, долженъ необходимо дѣйствовать по его волѣ, по Бонапарте оспаеша единственнымъ властелиномъ и правителемъ Франціи. Санъ его, безъ всякихъ новыхъ переимѣнъ въ Конституціи, легко можетъ сдѣлаться наследственнымъ. Вообразимъ даже, что Сенаторы захотятъ выбирать преемника свободно и

независимо; но когда они неопытно должны утвердить *третьяго* Консульскаго кандидата, то не можетъ ли Бонапарте или другой на его мѣстѣ представить *двухъ* извѣстныхъ глупцовъ нарочно для того, чтобы ихъ отвергнули, и чтобы *третій* былъ вѣрно избранъ? Или всѣ Первые Консулы будутъ великіе патриоты, или власть ихъ сдѣлается со временемъ наслѣдствомъ одной фамиліи. — Мы не осуждаемъ Бонапарте за то, что онъ не хочетъ слѣдовать примѣру добродѣтельныхъ мужей древняго Рима, которые, бывъ нѣсколько времени Диктаторами для спасенія отечества, и совершивъ подвигъ свой, охотно возвращались въ сельскую хижину. Франція по своему величію и характеру должна быть Монархіею, и Бонапарте умѣетъ властвовать; если онъ утвердитъ навсегда личную безопасность, собственность и свободу жизни въ своемъ государствѣ, то Исторія благословитъ его властолюбіе; она извинитъ и маленькую слабость его къ выдуманному имъ Легіону, котораго Членовъ сажаетъ онъ и въ Сенатъ и въ Тайный Совѣтъ и въ Избирательныя Коллегіи! —

Важныя дѣла и перемѣна Конституціи не мѣшаютъ Консулу заниматься

Лондонскими Журналами. Въ *Монитёрѣ* напечатана спрашная *выходка* не только пропявъ ихъ дерзоспи, но и пропявъ самаго Англійскаго Министерства. Грубый и рѣзкій тонъ сей пѣсы удивителенъ для тѣхъ людей, которые привыкли воображать Министровъ и государственныхъ правителей скромными. Вотъ ея любопытнѣйшя мѣста: „Лондонскій „Журналъ *Таймсъ*, который называютъ „*Министерскимъ*, безпрестанно поноситъ „Францію, злословитъ и клеветаетъ на „ея Правленіе. Какая дѣль? Кипо пла- „шилъ деньги Журналисту? На кого хо- „пятъ дѣйснвоать? Одиннадцать Епи- „скоповъ соединились въ Лондонѣ подъ „руководствомъ злобнаго Араскаго Епи- „скупа и сочиняютъ пасквили. Островъ „Джерсей наполненъ злодѣями, которые „осуждены на смерть во Франціи, и ко- „торыхъ укрываютъ Англичане въ про- „тивность Авиенскому трактату. Раз- „бойникъ Жоржъ носитъ въ Лондонѣ кра- „сную ленту, полученную имъ въ награду „за адскую машину, которая взорвала „улицу въ Парижѣ и умертвила 30 мир- „ныхъ гражданъ. Не заславляетъ ли это „думать, что онъ получилъ бы и Орденъ „*Подвязки*, естли бы ему удалось лишить „жизни Консула? . . Послупки нашихъ

„сосѣдовѣ чудны! . . . Для того ли мирятся
 „два великіе народа, чтобы вредить
 „другъ другу, нанимать убійцъ и кле-
 „ветниковъ? Развѣ свободное книгопеча-
 „таніе состоитъ въ злословіи? развѣ за-
 „коны Парламента не запрещаютъ оскорб-
 „лять союзныхъ Державъ и самыхъ ихъ
 „Министровъ? Говорятъ, что Ришелье
 „способствовалъ Англійской Революціи и
 „бѣдственной смерти Карла I; Мини-
 „стры Людовика XVI безъ сомнѣнія возму-
 „тили Америку: но Англійское Мини-
 „стерство умѣло опмстить за то ужас-
 „нымъ образомъ; оно произвело Парижскія
 „убійства 9 Сентября, способствовало
 „гибели Людовика XVI и разоренію
 „первыхъ городовъ нашихъ, гдѣ были
 „фабрики: Ліона и проч. Не лучше ли
 „оставить коварство и жить дружно?
 „И чего хотятъ Министры? развѣ они
 „не знаютъ, что Французское Правленіе
 „нынѣ шверже Англійскаго? развѣ дума-
 „ютъ, что мы не можемъ плашиться имъ
 „такимъ же зломъ? Но что пользы? . . .
 „Или Англійское Правленіе способствуемъ
 „злоствамъ (что несообразно съ че-
 „стію Британніи), или оно не можетъ
 „удержать ихъ, и тогда мы скажемъ,
 „что въ Англїи нѣтъ правленія.“ Воистъ
 страшная дилемма! Чинопатели могутъ

судить, помирились ли Французы съ Англіею въ душѣ своей!

Принцъ Генрихъ Прусскій скончался въ Рейнсбергѣ скоропоспихною смертію. Бывъ нѣкогда однимъ изъ славнѣйшихъ военачальниковъ Европы, онъ давно уже велъ скромную жизнь Философа, считалъ себя только зрителемъ въ политическомъ свѣтѣ, наслаждался дружбою и благодушельностію. Генрихъ всегда спраспно любилъ великіе умы и таланты: извѣстны дружескія связи его съ Французскими Авторами, особливо съ Бюффономъ. Онъ вообще любилъ Французовъ, и во время самой Революціи не переставалъ ревностно заниматься ихъ судьбою, удивляя своими разсужденіями шѣхъ людей, которые имѣли право на его искренность. Сей Принцъ явно осуждалъ союзъ Фридриха Вильгельма съ Австріею и войну его съ Республикою; старый Министръ великаго Фридриха, Герцбергъ, думалъ такъ же. Остроумный Буфлеръ, выгнанный изъ опечѣства Революціею, нѣсколько лѣтъ жилъ въ Рейнсбергѣ, пользуясь искреннею дружбою Принца. Генрихъ, какъ Философъ, не боялся смерти: приготовилъ для себя могилу, любилъ смотрѣть на

нее изъ оконъ своихъ , и самъ написалъ слѣдующую эпитафію , копорую вырѣзали пеперь на его гробъ : „Своимъ рожденіемъ преданный вихрю суешности , копорую народъ именуетъ славою и величіемъ , но копорая ничтожна для мудраго ; „подверженный всѣмъ слабостямъ чловѣчества ; перзаемый страспями другихъ , „безпокоймый собственными ; предметъ злословія и несправедливости ; пораженный смертію милыхъ родственниковъ , „исшинныхъ и вѣрныхъ друзей , но часто „ушѣшаемый дружбою ; щасливый своими размышленіями , еще стократъ „щасливѣе услугами отечеству и спраждающимъ : таковъ былъ Генрихъ , сынъ „Фридриха Вильгельма I , Короля Прусскаго , и Софіи - Доротеи , дочери Георга „I , Короля Англійскаго. Спранникъ ! „помни , что нѣтъ на землѣ совершенства. Я не былъ лучшимъ изъ людей , „но не былъ и злымъ. Укоризна и хвала не „прогають чловѣка въ объятіяхъ вѣчности ; но сладкая надежда украшаетъ „последнія минуты того , кто исполняетъ свои должности : она пеперь со мною.“ — Шпага , съ копорую онъ служилъ отечеству и славу , по его собственному приказанію отвезена къ Королю.

Другія Европейскія новости не важны. — Малые Кантоны Швейцаріи хотѣли оплодиться отъ большихъ и составили особенную Республику. — Въ сѣверной Америкѣ открыли страшный заговоръ Негровъ, которые хотѣли перерѣзать всѣхъ Бѣлыхъ. — Славный Авторъ Лагарпъ прощенъ Консуломъ и возвратился въ Парижъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ 1809.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Истинное происшествіе.

(Изъ *Souvenirs de Felicie.*)

Одинъ изъ несчастныхъ питомцевъ Аббата л'Епе, именемъ Дармансъ, сынъ Норманскаго дворянина, лишился отца на двадцатомъ году жизни, имѣлъ 10 тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода и поселился въ прекрасномъ сельскомъ домикѣ близъ Парижа. Рожденный глухимъ и нѣмымъ, онъ заимствовалъ отъ добродѣтельнаго наставника все то, что могло нѣкоторымъ образомъ утѣшить его въ семъ несчастіи. Сама Природа хотѣла, казалось, наградить Дарманса за свою несправедливость, осыпавъ его рѣдкими благодѣяніями. Онъ былъ прекрасенъ

лицомъ, уменъ, чувствителенъ и великодушенъ; страстно любилъ чтение и рисовалъ очень хорошо; но удалялся отъ людей, чувствуя свои недостатки, и думая, что судьба осуждаетъ его на вѣчное уединеніе. „Я не могу (разсуждалъ онъ) говорить съ людьми; могу только быть имъ полезенъ дѣлами. И такъ буду искать единственно тѣхъ, которые имѣютъ нужду въ благодѣяніяхъ; бѣдный, принимая ихъ отъ меня, пойметъ мысль мою, хотя и не умѣю выразить ее. Несчастный, котораго не могу утѣшить, увидитъ по крайней мѣрѣ слезы мои.“ Такія мысли служили оправдоу великодушному Дармансу, и составили бы для него нѣкоторый родъ счастья, безъ горестной мысли, что никогда любезная подруга не раздѣлитъ съ нимъ уединенія. Видя прекрасную женщину, онъ всякой разъ приходилъ въ меланхолію; не смѣлъ глядѣть на нее, и думалъ съ грустію: *она будетъ любить не меня!*

Въ одно ясное Майское утро Дармансъ сидѣлъ подъ деревомъ въ Венсенскомъ лѣсу и смотрѣлъ въ задумчивости на алею противъ себя. Показывается молодая женщина — идетъ тихими шагами и ведетъ за руку мальчика лѣтъ двѣнадцати. Она

казалась милостивою, и Дармансъ вздохнулъ. Уединеніе и глубокая пишина въ лѣсу располагали его къ нѣжной чувствительности. Каждый новый шагъ открывалъ ему новую пріятность въ незнакомкѣ. Вдругъ она спотыкается и падаетъ . . . Дармансъ лепишь къ ней на помощь и видитъ ее лежащую на правѣ въ обморокѣ. Она вывихнула себѣ ногу. Мальчикъ плакалъ и говорилъ; но Дармансъ, не разумѣя его, вынулъ изъ кармана спиртъ и далъ его нюхать незнакомкѣ. Она черезъ минушу открыла глаза — большіе и прекрасные; но въ нихъ, вмѣсто удивленія (ибо молодой человѣкъ стоялъ подлѣ нее на колѣняхъ) изображались одно равнодушіе и меланхолія. Дармансъ, не зная, что она вывихнула ногу, хочетъ поднять ее, беретъ за руку и видитъ, что незнакомка удивляется и краснѣетъ. . . Сердце его зашрепешало: онъ догадался, что она слѣпа . . . Жалость и симпатія несчастія въ одну минушу навѣки привязываютъ его къ милостивой незнакомкѣ. Дармансъ вынимаетъ бумагу, пишетъ нѣсколько строкъ и подаетъ мальчику, который умѣлъ читать и писать. Тутъ они разумѣютъ другъ друга, и молодой человѣкъ узнаетъ, что прекрасная Эрминія повредила себѣ ногу

и не можешъ ийти; что мальчикъ есть брашъ ея и называется Леономъ; что домъ ихъ не далеко отсюда. Дармансъ пишешъ: *укажи мнѣ дорогу*, беретъ на руки Эрминю (не смотря на ея легкое сопротивленіе) и несетъ съ такимъ пріяннымъ чувствомъ, которое было для него еще ново. Минутъ черезъ десять Леонъ оспанавливается у воротъ маленькаго, уединеннаго домика, спучитъ, и старая служанка отворяетъ ихъ. Онъ бѣжитъ предупредить свою бабушку. . . Дармансъ идетъ за нимъ въ маленькую, низенькую горницу и сажаетъ Эрминю на большія кресла, съ которыхъ встала испуганная старушка, чтобы встрѣтить внуку свою. Леонъ цѣлуешъ молодаго челоѣка, изъясняя ему сердечную благодарность. Дармансъ нѣжно обнимаетъ его и скрывается. — Домикъ былъ чистъ, но показывалъ бѣдность и недоспапокъ: сіе замѣчаніе могло только усилить нѣжную склонность добраго сердца. „Она бѣдна и прекрасна, думалъ молодой челоѣкъ: еслили не буду супругомъ ея, то по крайней мѣрѣ могу дѣлать ей добро. Не знаю, какъ открышь ей мои чувства, какъ намъ изъясняться; но еслили душа ея чувствительна, то мы вѣрно найдемъ способъ угадывать и разумѣть другъ друга.“

На другой день Дармансъ послалъ къ Эрминіи корзинку съ плодами и розами. Она приняла ихъ съ невинною радостію. Уже Эрминія брала живое участіе въ судьбѣ Дарманса, жалѣла объ его несчастіи, и чувствовала цѣну его добродушія. Сверхъ того Леонъ съ воспоргомъ описывалъ ей красоту, милый взглядъ и любезность молодаго человѣка. . . . Эрминія ослѣпла на шринадцатомъ году. Медики сказали, что ей можно возвратитъ зрѣніе посредствомъ операціи, когда она придетъ въ совершенный возрастъ, то есть, будетъ семнадцать лѣтъ. До сего назначеннаго срока оспавалось тогда мѣсяцевъ шесть. Вдова, мать ея, воспитывала ее съ великимъ попеченіемъ; но за два года передъ тѣмъ умерла, и бѣдная Эрминія чувствовала всѣ бѣдствія сиротства. Живучи во всегдашнемъ уединеніи, она сохранила всю невинность дѣтства, но сдѣлалась только задумчивѣе и грустнѣе; оплакивала мать свою съ такимъ же горемъ, какъ въ первые дни сей ужасной потери; ибо ничто не могло разсвѣять ея печальныхъ мыслей. Вѣчная тьма и вѣчное, унылое единообразіе въ жизни не давали ей чувствовать никакой перемены въ свѣтѣ, и время казалось Эрминіи неподвижнымъ.

Дармансѣ въ тотъ же день пришелъ къ ней. Осьмидесятилѣтняя спарушка сидѣла на своихъ креслахъ, а внука (которой спало между пѣмъ гораздо легче) бречала на старомъ, разстроенномъ клавиинѣ и пѣла; но вдругъ остановилась и покраснѣлась. . . . Она услышала, что растворили дверь, почувствовала духъ амбры, которую Дармансѣ клалъ въ свою пудру; догадалась, что онъ пришелъ, и назвала его именемъ. . . * Маленькой братъ ея удивился, и начавъ свою переписку, сказалъ о томъ Дармансу. Эрминія изъяснила имъ, что она узнала его по ароматамъ, и примолвила, что эготъ духъ для нее всѣхъ лучше. Молодой человекъ въ тотъ же вечеръ прислалъ ей коробочку съ амброю. Она спрячала и сказала: боюсь къ ней привыкнутьъ; тогда не буду узнавать Дарманса; не буду чувствовать, когда онъ приблизится ко мнѣ или удалится. — Часто Эрминія безъ Дарманса открывала коробочку, нюхала и говорила: *ахъ! мнѣ кажется, что онъ здѣсь!* Между пѣмъ изъ глазъ ея капились слезы; но плакать было для нее любить: она столько плакала о матери! Уже давно въ ея сердцѣ и воображеніи любовь была нераздѣльна съ горестію. Тогда новое чувство оживило свѣтъ для Эрминіи; узнавъ

Дарманса, она стала различать дни; по-упру ждала съ неперпѣніемъ вечера; а ночью, закрывая глаза, думала о завшрашнемъ днѣ.

Дармансъ съ своей стороны занимался только Эрминіею. Свѣдавъ отъ Леона всѣ обстоятельство ея жизни, онъ веселился мыслию, что лестъ и похвала были ей неизвѣсны, и что она сама не знала своихъ прелестей. Дармансъ слышалъ съ радостію, что Эрминія надѣялась снова получить зрѣніе; съ восторгомъ представлялъ себѣ эту минушу, въ которую она увидитъ его; и съ другой стороны боялся сей минушы, думая: „погда Эрминія будетъ совершенна; погда не останетъ никакого сходства между нами; я покажусь ей только несчастнымъ . . . а мнѣ уже мало сожалѣнія!“ Въ присутствіи Эрминіи исчезали сіи безпокойныя мысли. Всѣ сердца любили его въ ужинѣ. Онъ давалъ деньги служанкѣ, шелкѣ спарушкѣ (которая вязала прекрасныя кошельки), игрушки Леону и цвѣты Эрминіи. За то весь домъ былъ въ движеніи, когда приходилъ Дармансъ. Служанка бросалась отпирать двери; Леонъ бѣжалъ на встрѣчу, обнималъ его, садился къ нему на колѣни; спарушка развеселялась, Эрминія краснѣлась и взды-

хала. Всякое упрѣ она получала отъ него букетъ фїялокъ, и носила его весь день. Ввечеру пили вмѣстѣ чай: Дармансъ прѣбывалъ назадъ своего букета; Эрминія снимала его съ груди; онъ обрывалъ цвѣты, клалъ ихъ въ воду и пилъ съ чаемъ.

Дармансъ пихонько велѣлъ наспроить Эрминїинъ клавесинъ. Леонъ просилъ ее играть. Нѣтъ, сказала она: я уже не люблю музыки. — Для чего же? спросилъ Леонъ: голосъ твой очень прїятенъ. — „Что пользы! ошвѣчала Эрминія со вздохомъ: теперѣ я хотѣла бы имѣть *другой* шалантъ; и еслили Богъ когда нибудь возвратитъ мнѣ зрѣнїе, то прежде всего выучусь *писать*.“ — — Дармансъ, узнавъ о семъ разговорѣ, спѣшилъ въ Парижъ къ добродѣтельному наставнику слѣпыхъ, и выпросилъ у него шу машину, посредствомъ копорой можно писать *вылуклыми* буквами и чипать *осязанїемъ*. Эрминія, слыша съ неописанною радостїю о семъ изобрѣшенїи, сдѣлалась ученицею Дарманса: дивисься ли ея быспрымъ успѣхамъ? Она стала писать, изображать всѣ буквы, начертала имя Дарманса — и скоро могла съ нимъ изъясняться. Какое живѣйшее удовольствїе для обоихъ! Они наслаждались

совершеннымъ щаспїемъ двухъ любовниковъ, которые наконецъ видяпся послѣ долговременной разлуки. Имъ не нужно было лучше узнавать другъ друга: уже давно сердца ихъ заключили союзъ нѣжності. Но преграда исчезла между ими: они имѣли удовольствіе сообщать другъ другу всѣ мысли и чувства свои. Такъ прошло мѣсяцъ. Эрминія съ неперпнїемъ ожидала Октября. „Черезъ нѣсколько дней, думала она, я увижу Дарманса, или навсегда потеряю надежду видѣшь его!“

Дармансъ взялъ на себя сыскашь лекаря для сей важной операціи, и въ назначенный день привезъ лучшаго Парижскаго Оккулиста, велѣвъ ему взять съ собою ученика своего, молодаго, прекраснаго человѣка; ибо онъ хотѣлъ испытать чувство Эрминіи. Любовь суевѣрна; чудеса не удивляютъ ее: она считаешь все возможнымъ. Дармансъ надѣлъ такой же кафтанъ и спалъ подлѣ молодаго ученика. Операція имѣла щасливѣйшій успѣхъ: Эрминія получила зрѣніе, и слѣдуя первому движенію, бросилась обнимать свою бабушку, Леона. — искала глазами своего друга, и увидѣла двухъ человѣкъ, равно милостивыхъ, въ одинакихъ кафтанахъ; глаза ихъ были

одного цвѣту, но взоры ихъ не одно изобразали: Эрминія въ ту же минушу сняла съ груди своей букетъ фїялокъ и подала его — Дармансу, который съ радостію, въ воспоргѣ схватилъ ея руку и поцѣловалъ съ сердечными, сладкими слезами.

Эрминія скоро выздоровѣла: щастіе естъ самый надежный лекарь. Дармансъ хотѣлъ, чтобы она не смогрѣлась въ зеркало безъ него, и прежде совершеннаго выздоровленія. Въ домѣ было полько одно маленькое зеркало, въ которое смогрѣлись и спарушка и служанка и Леонъ. Эрминія не велѣла носить его къ себѣ. Дармансъ, еще болѣе прежняго влюбленный, болѣе прежняго и безпокоился. „И такъ она не сохранитъ уже любезнаго невѣдѣнія своихъ прелестей! думалъ онъ: узнаетъ себя и можетъ возгордиться красотою; по крайней мѣрѣ удивится ей; по крайней мѣрѣ увидитъ ея дѣйствіе во всѣхъ глазахъ; а я, видя ее предметомъ общаго удивленія, не могу слышать, что ей скажущь, и что она будетъ отвѣчать; могу все вообразить, всего спрашиться!“ . .

Огорченный сими мыслями, и боясь сдѣлать любовницу свою несчастною, Дармансъ открылъ ей сердце свое, и при-

знался, что будетъ ревнивъ. „Нѣтъ, нѣтъ! (писалъ онъ) я не достоинъ быть твоимъ супругомъ. Позволь мнѣ только, любезная Эрминія, называть тебя милою сестрою, и спарашься о твоёмъ благополучіи.“ . . . Ахъ! долго ли успокоишь, долго ли разувѣришь человека, когда истинно любишь его! Сердце скажетъ, что надобно говорить, и дастъ всякому слову особенную силу. Эрминія двумя спроваками успокоила Дарманса; клялась отказатьсь отъ всѣхъ удовольствій, которыхъ не могла дѣлать съ нѣжнымъ другомъ своимъ; неперпѣливо хопѣла удалиться отъ свѣта, отъ людей, и просила его ѣхать съ нею навсегда въ Нормандію, гдѣ было у него помѣстье.

Черезъ два дни послѣ того Дармансъ пришелъ къ Эрминіи въ 7 часовъ утра; поставилъ на столъ большое закрытое зеркало; взялъ ее за руку и сорвалъ покрывало . . . Эрминія, взглянувъ, ахнула отъ удивленія! . . . „Какъ я выросла!“ сказала она, и смолпѣлась съ видомъ удовольствія, которое терзало безпокойнаго любовника. „Какъ она радуется собою! думалъ онъ: какое пріятное вниманіе во всѣхъ чертахъ лица! Ахъ! суетность есть живѣйшая страсть женщины!“ . . .

Эрминія не спускала глазъ съ зеркала; но вдругъ заплакала, и взглянувъ на Леона, сказала: „нпеперь вижу, что я похожа на мамушку!“ Эрминія ничего болѣе не замѣтила... Леонъ изъясняетъ Дармансу сіе прогашельное движеніе. Нѣжный любовникъ въ воспоргѣ чувствительности упадаетъ на колѣни передъ нею: въ сію минушу она казалась ему Ангеломъ!

Дармансъ женился на Эрминіи, и поѣхалъ вмѣстѣ съ ея семействомъ въ Нормандію. Эрминія въ уединеніи наслаждается щастіемъ и добродѣтелями своими. Дармансъ, нѣжный супругъ и родитель, не жалуется на Природу, но всякой день изъ глубины сердца благодаритъ Небо!

II.

Историческое извѣстіе о Голландскомъ Профессорѣ Нейландѣ, необыкновенномъ челсвѣкѣ.

Петръ Нейландъ родился 5 Ноября 1764, въ Димермерѣ, маленькой деревенькѣ близъ Амстердама. Отецъ его былъ искусный плотникъ, зналъ ариеметику,

разумѣль Эвклида, собралъ нѣсколько хорошихъ книгъ, и читалъ ихъ въ свободное время. Скоро примѣшилъ онъ въ сынѣ своемъ необыкновенныя дарованія. Сей младенецъ не любилъ забавъ дѣтскихъ, и занимался только разсмаприваніемъ эстамповъ, копорые показывала ему мать. Ихъ было около пятидесяти: она изъсняла содержаніе, и всякой разъ читала вслухъ Голландскіе стихи, подъ ними напечатанные. Сколь удивилась она, когда прехлѣпный сынъ ея вдругъ безъ малѣйшей ошибки прочиталъ ей наизустъ всѣ сіи надписи, по естъ около прехъ сотъ стиховъ!

Пяти лѣтъ онъ уже зналъ Библію, а черезъ два года могъ рассказывать содержаніе всѣхъ книгъ отца его. Голландскія стихотворенія, путешествія, Исторія, великія происшествія, характеры славныхъ людей, свойства живописныхъ и нравъ, описываемыхъ путешественниками — все впечатлѣлось въ его памяти. Скоро Нейландъ сдѣлался самъ Поэтомъ, и безъ всякаго труда, играя, сочинялъ стихи, достойные вниманія знамоковъ. Вотъ переводъ одной строфы изъ его Гимна Всевышнему, сочиненнаго имъ десяти лѣтъ: „О Божество неизъяснимое! „какою славою блиспаешь Ты въ твореніи!

„какъ огромна Твоя вселенная! какъ
 „великолѣпны Твои солнца! Съ востор-
 „гомъ взираю на сводъ небесный; но и сей
 „червь, который во прахѣ исчезаетъ подъ
 „моею ногою, не есть ли чудо Твоей
 „премудрости и благости?“ — и проч.

Сверхъ таланта пѣщического Нейв-
 ландъ имѣлъ удивительную способность
 къ Математицѣ, и скоро превзошелъ въ
 ней отца своего. Осми лѣтъ онъ понялъ
 совершенно славную теорему Пифагорову,
 и на девятомъ году съ величайшею ско-
 ростию и вѣрностию рѣшилъ самыя мудре-
 ныя задачи Профессора Энея, который
 желалъ увѣришься, правду ли говорили
 ему о семъ удивительномъ мальчикѣ.
 Нейландъ, отвѣчая на трудные вопросы
 его, въ то же самое время смотрѣлъ на
 своихъ товарищей, игравшихъ въ саду.
 На большихъ стѣнныхъ часахъ спояла ма-
 ленькая деревянная спатуя. Можешь ли
 сказать мнѣ, спросилъ у него Эней, сколько
 въ этой фигурѣ кубическихъ дюймовъ?
 Могу, отвѣчалъ онъ, только съ услови-
 емъ. — „Съ какимъ?“ — Чтобы вы дали
 мнѣ кусокъ того дерева, изъ котораго она
 сдѣлана. — „Для чего?“ — Я приведу его
 въ кубической дюймъ, сравню тягость
 его съ тягостию фигуры, и скажу вамъ
 тогда безъ ошибки.

Это безъ сомнѣнiя покажется едва вѣроятнымъ ; но свидѣтели живы : люди ученые и правдивые. Надобно вспомнить, что Генхенъ чепырехъ лѣтъ зналъ Историю и Географiю , а Бараше на седьмомъ году Еврейской , Греческой , Латинской , Французской и Нѣмецкой языкъ. Удивительной Нейвландъ не зналъ еще тогда никакого языка , кромѣ своего природнаго ; онъ не имѣлъ выгодъ того воспитанiя , которымъ пользовались Гроци , Эшени , Барашеры ; но скоро одинъ славный Липператоръ взялся быть его учителемъ , и Нейвландъ сравнялся съ ними въ знанiи древнихъ языковъ.

Съ нѣкотораго времени всѣ говорили о сынѣ плотника ; ученые люди безпрестанно любопытствовали видѣть его , давали отцу совѣты , а сыну книги. Г. Бошъ также пришелъ къ нему съ братомъ своимъ , и видя чудный разумъ мальчика , желалъ взять его къ себѣ въ домъ , чтобы дать ему всѣ возможные способы просвѣщенiя. Отецъ согласился , и Нейвландъ одиннадцати лѣтъ переселился въ Амстердамъ.

Онъ хотѣлъ узнать всѣ науки , и во всѣхъ успѣлъ ; Философiя , Литература , Исторiя , все сдѣлалось ему извѣстно. Генiй его всего болѣе дѣйствовалъ

въ Математикѣ; онѣ умѣлъ самѣ собою относить ея правила и вычисленія къ Физикѣ, Механикѣ, Астрономіи. Учитель его, Фанъ Свинденъ, бывшій Директоръ Башавской Республики, говоритъ, что Нейландѣ скоро превзошелъ его во всемъ, что называется *математическимъ Геніемъ*; что онѣ дивился великому дѣйствию сего необыкновеннаго ума, и радовался такимъ ученикомъ, который могъ быть его учителемъ.

Нейландѣ, имѣя щасливую память и рѣдкую проникаемость, читалъ книги по-своему: безпрестанно перевертывалъ листы, смотрѣлъ вдругъ на двѣ страницы, и черезъ нѣсколько минулъ зналъ все не хуже того, кто читалъ съ великимъ вниманіемъ — что онѣ доказалъ одному изъ лучшихъ Голландскихъ проповѣдниковъ, взявъ въ руки большую проповѣдь его на пять минулъ, и рассказавъ ему потомъ ея содержаніе съ величайшею подробностію.

Извѣстно, что Нейландѣ сочинялъ книги свои, и даже математическія, въ однѣхъ мысляхъ: не писалъ ни слова, и такимъ образомъ рѣшилъ самыя трудныя задачи. Геометрическія фигуры и Алгебраическіе знаки были у него всегда въ головѣ: онѣ дѣлалъ исчисленія свои

на улицѣ, во многочисленныхъ собраніяхъ, среди Амстердамскаго шума. И съ такою же легкостью выучивался языкамъ: зналъ хорошо Греческой, Латинской, Французской, Испаліянской, Англійской и Нѣмецкой. Всего же болѣе занимался теоріею языковъ, разбирая ихъ сходства, происхожденіе и розницу нарѣчій. Опъ того Гишпанскій, Португальскій и Шведскій языки не имѣли для него никакой трудности: онъ разумѣлъ всѣ книги, на нихъ писанныя. Нужно ли замѣпить выгоду сего знанія въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ всякой Авторъ пишетъ на своемъ языкѣ? Безъ сомнѣнія никто изъ нашихъ современниковъ не читалъ столько, какъ Нейвландъ.

Онъ имѣлъ все нужное для великаго Поэта: пламенное воображеніе, совершенное знаніе Натуры, Исторіи, лучшихъ стихотворныхъ произведеній и наконецъ языка своего, который въ его сочиненіяхъ богатъ оппѣнками, силою и даже пріятностями. Онъ перевелъ на Голландской стихами все то, что Греческіе и Латинскіе Поэты говорятъ о *состояніи души послѣ смерти*. Извѣстно, какъ мудро выражашъ на другомъ языкѣ пишическія красноты Древнихъ: Нейвландъ на девятнадцатомъ году умѣлъ подражашъ

Пиндару, Гомеру, Анакреону, Токрипу и Виргилію.

Всѣ такія блестящія дарованія украшались въ немъ еще болѣе кротостію характера и благонравіемъ. Онъ любилъ Религію, сердцемъ и душою обожалъ Провидѣніе; въ щастіи былъ смиреннымъ, и скромнымъ въ славѣ.

Казалось, что всегдашнія похвалы въ самомъ дѣтствѣ могли бы уже испорчить его. Всякой любопытной шель видѣшь малолѣтшаго ученаго, который безъ сознѣнія говоритъ только то своихъ знаній и стихахъ; но всякой съ удивленіемъ находилъ простаго, смирнаго мальчика, котораго невинный и кроткій видъ изображалъ скромность и чистосердечіе; мальчика, который, доказавъ чудесный разумъ свой, спѣшилъ къ товарищамъ играть и рѣзвиться какъ другіе.

Въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ никогда не гордился умомъ, и хотя не могъ не чувствовать превосходства своего, но относилъ его къ благодати Всевышняго, и хранилъ въ себѣ чувство смиренія. Передъ людьми, менѣе его учеными, онъ никогда не хотѣлъ блистать знаніями, а съ простыми говорилъ какъ ребенокъ. Казалось, что только одинъ человекъ не знаетъ цѣны Нейвланда — и сей чело-

вѣкъ былъ самъ Нейландъ. Онъ поручалъ говорить за себя хорошимъ сочиненіямъ и дѣламъ своимъ.

Всѣ уважали и любили Нейланда. Друзья находили его всегда постояннымъ, великодушнымъ, готовымъ къ услугамъ. Онъ съ охотою принималъ и съ величайшею оспороженностію давалъ совѣты, когда ихъ требовали; всякой могъ надѣяться на его скромность.

Одинъ знаменитый человѣкъ въ Америкѣ звалъ его въ Республику Соединенныхъ Областей, чобы способствовать тамъ успѣхамъ Наукъ и завести Академіи. Нейландъ отвѣчалъ: „Я не могу „оставить Европы безъ увѣренія, что „буду очевидно и существенно полезенъ „въ Америкѣ; что не оскорблю тамъ „самолюбія людей, и никому ни въ чемъ „не помѣшаю.“

Благочестіе и любовь къ роду человѣческому были единственнымъ источникомъ его дѣятельности; онъ дѣлалъ добро не для славы, а по требованію сердца; не любилъ роскоши, и считалъ умеренность должностію, ибо она давала ему способъ благотѣлствовать. Онъ всегда хотѣлъ помогать другимъ; самымъ незнакомымъ сообщалъ плоды своихъ ученыхъ открытій, и забывалъ ихъ неблаго-

дарность, когда они употребляли во зло его добродушие; помнилъ одно добро, которое ему люди дѣлали.

Нейландъ нравился во всѣхъ обществахъ. Знапные уважали его, хотя онъ никогда не льстилъ имъ; ученые наслаждались его разговорами, и самые неученые любили быть съ нимъ. Онъ говорилъ складно, умно; рассказывалъ пріятно и ксшаши; никого не оскорблялъ колкими словами и насмѣшками, хотя умѣлъ шутить, и весьма забавно; охотно исполнялъ волю тѣхъ, которые въ обществѣ просили его написать стихи, задавая ему содержаніе, рѣмы и мѣру; сочинялъ прекрасныя пѣсы въ семь родѣ, украшая ихъ легкоспїю, остроуміемъ и шонкими отношеніями къ извѣстнымъ происшествіямъ; но рѣдко списывалъ ихъ для себя, и забывалъ какъ бездѣлицы; однимъ словомъ, всячески спарался заслуживать прїязнь людей, и совершенно успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо всѣ искренно оплакивали смерть его. Такъ бываетъ всегда, когда великой человекъ умѣетъ иногда скрывать опмѣнный разумъ свой; когда Философъ съ мудроспїю соединяетъ любезность, а съ пріятнымъ остроуміемъ скромность и благонравіе — подобно Нейланду.

Такой любезной человекѣ достоинъ былъ имѣнь любезную супругу: онъ имѣлъ нѣжную, чувствительную, умильную и прелестную. Они другъ для друга были созданы; сердца, нравы, самыя лица ихъ представляли великое сходство. Щасливый философъ думалъ только о щасіи супруги своей, жилъ съ нею какъ въ раю — и лишился милой подруги. Ея кончина надолго разспроила мирное спокойствіе его сердца. Анна Нейландъ умерла двадцати-двухъ лѣтъ, оставивъ одну дочь, которая пережила ее только двумя днями.

Нейландъ былъ пораженъ симъ ударомъ. . . Съ нею исчезло все его блаженство; но скоро вооружился твердостью, скрывалъ отъ друзей слезы свои, и только въ уединеніи проливалъ ихъ. Тамъ въ прекрасныхъ стихахъ онъ написалъ къ подругѣ своей: „Любовь, которая въ сердцѣ моемъ пылала къ тебѣ, о нѣжный другъ! не угасла съ своею жизнью; она съ тихой крепостію обратится теперь на людей и нашихъ ближнихъ. Тамъ, гдѣ покоится милый прахъ твой, я часто буду лишь слезы подъ кровомъ ночи; и естли голова моя когда нибудь украсится лаврами, то посвящу ихъ твоей безцѣнной памяти. Кшо

„черезъ нѣсколько быспрыхъ лѣтъ вспо-
 „мнишь еще о Нейвландѣ, тогда будетъ
 „знать, что онъ, любимый своею подру-
 „гою, обожалъ ее — лишился, и не за-
 „былъ никогда. Въ сей надеждѣ возвра-
 „щаюсь къ трудамъ моимъ. Скоро и я
 „буду свободенъ! минующая спраданія,
 „и вѣчность приметъ горестнаго въ нѣдра
 „свои. Тамъ мы увидимся; тамъ, ука-
 „зывая меня своей дочери, ты скажешь:
 „*вотъ отецъ твой! полетимъ къ нему въ*
 „*объятія; мы будемъ жить съ нимъ!*“

Образъ супруги былъ у него всегда
 передъ глазами; всякой шагъ, всякое мѣ-
 сто напоминало ему милую, и возобно-
 вляло ежечасно горестъ его. Онъ рѣшил-
 ся на нѣсколько времени оставить Гол-
 ландію, и поѣхалъ въ Готу, гдѣ жилъ
 другъ его, славный Аспрономъ Цахъ.
 Скоро онъ нашелъ тамъ и многихъ дру-
 зей: всѣ узнали и полюбили его. Вла-
 дѣпельная Принцесса изъясляла особен-
 ное къ нему уваженіе.

Нейвландъ занимался въ Готѣ одною
 Аспрономіею, и всякой день трудился
 надъ опредѣленіемъ разстоянія и движе-
 нія небесныхъ тѣлъ. Обогащенный новы-
 ми знаніями, онъ возвратился въ оше-
 чество, исполняя должности, ввѣрен-
 ные ему согражданами. Нейвландъ учился

всему , чтобы въ разныхъ обстоя-
тельстввахъ и во всякомъ мѣстѣ быть
полезнымъ Республикѣ. Онъ выбралъ спе-
рва Литтературу , знаніе древностей ,
языки и Критику въ главный предметъ
своихъ упражненій ; но когда Адмирал-
тейство сдѣлало его Членомъ Комиссіи ,
долженствующей издавать вѣрнѣйшія
морскія карты и опредѣлять долготу
мѣстъ , тогда Нейландъ , думая , что
гражданину надобно всѣмъ жертвовать
своимъ обязанностямъ , простился навсегда
съ Поэзіею , древностями и Критикою ;
умѣрилъ свою прилѣжность къ вышней
Математикѣ , и занялся одною Астро-
номіею въ отношеніи къ мореплаванію .

Въ тотъ же годъ Утрехтское на-
чальство предложило ему мѣсто Профес-
сора Философіи и Математики въ тамош-
немъ Университетѣ : ибо два славнѣй-
шіе Математика въ Голландіи объявили
Бургомистрамъ , что Нейландъ всѣхъ
достоинѣе такого важнаго мѣста . Къ
нещастью въ самое то время начались
раздоры въ Республикѣ , и всѣ опредѣленія
Утрехтскаго Магистрата были уничто-
жены . Хотя Нейландъ никогда не мѣ-
шался въ дѣла народныя , однакожь ему
надлежало вмѣстѣ съ другими поперлѣтъ
опъ общихъ безпорядковъ . Черезъ два

года наименовали его Лекторомъ Математики, Астрономіи и мореплаванія въ Амстердамскомъ Академіи.

Успѣхъ трудовъ, порученныхъ ему Адмиралтействомъ, дозволилъ ему наконецъ возвратиться къ математическимъ умозрѣніямъ, которыми онъ могъ бы сдѣлать имя свое безсмертнымъ. Другъ его Даманъ, не любившій хвалить излишно, писалъ къ нему, что онъ уже въ нѣкоторыхъ частяхъ превзошелъ Эйлера. Но Нейландъ хотѣлъ быть лучше полезнымъ гражданиномъ, нежели славнымъ ученымъ, и внутреннее одобреніе совѣсни предпочиталъ славѣ. „Я уже не могу сдѣлаться Эйлеромъ, говорилъ онъ: такъ и быть! могу по крайней мѣрѣ заслужить имя Дальримпля Белгій.“

Новый Профессоръ старался всего болѣе о ясности, и представлялъ вещи такъ хорошо, что самые глупые ученики понимали его. Онъ въ то же время началъ заниматься Химіею, скоро узналъ совершенно ея теорію, былъ принятъ въ Члены Химическаго Общества и писалъ журналъ его на Французскомъ языкѣ.

Уже шесть лѣтъ Нейландъ съ успѣхомъ и славою отправлялъ должность Лектора, когда Лейденской Университетъ предложилъ ему мѣсто Профессора Физики.

Надлежало опять заняться новымъ предметомъ и пожертвовать вкусомъ своимъ общей пользѣ. Онъ разумѣлъ Физику, и могъ хорошо учить ей; но хотѣлъ сдѣлаться славнымъ въ сей наукѣ, зная, что отъ имени Профессоровъ зависитъ слава Университета, и что онъ потеряетъ ее, когда его Профессоры считаются обыкновенными людьми въ своемъ родѣ.

Нейландъ съ неутомимою ревностію читалъ все, что на какомъ нибудь языкѣ писано о Физикѣ и сообщалъ съ великою ясностію ученикамъ своимъ, которые имѣли въ немъ не только рѣдкаго Профессора для науки, но и рѣдкаго наставника для образованія ихъ сердца и нравовъ, сколько ученіемъ добродѣтели, сколько и примѣромъ. Онъ любилъ ихъ какъ дѣтей своихъ, и говорилъ съ ними какъ съ равными, однакожь былъ чрезмерно уважаемъ, а еще болѣе любимъ. Къ несчастію преждевременная смерть лишила Голландію сего знаменитаго гражданина. Нейландъ умеръ 14 Ноября 1794, на тридцать первомъ году отъ рожденія.

Сочиненія его могутъ сослужить 7 или 8 томовъ; мы означимъ титулы нѣкоторыхъ: *Поэма Оріонъ*, одно изъ лучшихъ произведеній Голландской Поэзіи — о разлитой важности теловѣческихъ

знаній — сравненіе Наукъ съ Литтературою — о средствахъ просвѣтити народъ — о любви къ отечеству, первой и святой должности — о благодѣянїяхъ мореплаванія для теловѣческаго роду — мысли древнихъ о состоянїи души послѣ смерти — объ истинномъ и ложномъ Генїѣ — о чувствительности — о системѣ Лавуазьеровой — и проч. Всѣ произведенія ума его достойны вниманія и хвалы; но онъ сдѣлалъ еще весьма важное открытіе, которое одно могло бы прославить ученаго; а именно, Нейландъ нашелъ физическую причину уклоненія Эклиптики, неизвѣстную Невтону, Эйлеру, д'Аланбергу и Клерошу. Онъ производитъ сей феноменъ отъ привлекательной силы, и началъ доказывать по вѣрнымъ исчисленїямъ; смерть не дала ему окончить ихъ. Математики, читая извѣстіе объ его открытіи въ журналѣ Г. Боде, должны удивляться глубокомыслию сего молодого челоука; и еслили кто нибудь довершитъ Нейландово открытіе, то Философъ Голландскій займетъ свое мѣсто подлѣ тѣхъ, которые умѣли изъяснить образованіе міра, и потомство будетъ славить въ немъ не только великаго Математика, но и великаго Генія.

(Изъ *Mag. Encyclop.*)

III.

Рыцарь нашего времени.

(Продолженіе Романа, котораго начало помѣщено было въ 13 Нумерѣ *Вѣстника*.)

Г л а в а VI.

*Успѣхи въ ученіи, въ образованіи
ума и чувства.*

И такъ лепящее время обтерло своими крылами слезы горестныхъ, и всякой снова принялся за свое дѣло: отецъ за хозяйство, а сынъ за часовникъ. Сельской дьячекъ, славнѣйшій грамошей въ окологдѣ, былъ первымъ учителемъ Леоныча, и не могъ нахвалиться его пониманіемъ. „Въ три дни“ — рассказывалъ онъ за чудо другимъ грамошѣямъ — „въ три дни зашвердитъ всѣ буквы, въ недѣлю всѣ склады; въ другую разбирашь слова и шиплы: это не видано, не слыхано! Въ ребенкѣ будетъ пушь.“

Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ необыкновенное понятіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ читать всѣ церковныя книги какъ *Отче нашъ*; такъ же скоро выучился и писать; такъ же скоро началъ разбирать и печать свѣтскую, къ удивленію

сосѣдственныхъ дворянъ, при которыхъ отецъ не рѣдко заставлялъ читать Леона, чтобы радоваться въ душѣ своей ихъ похвалами. Первая свѣтская книга, которую маленькой Герой нашъ, читая и пишая, наизусть вышвердилъ, была Езоповы Басни; отъ чего во всю жизнь свою имѣлъ онъ рѣдкое уваженіе къ безсловеснымъ тварямъ, помня ихъ умныя разсужденія въ книгѣ Греческаго мудреца, и часто, видя глупости людей, жалѣлъ, что они не имѣютъ благоразумія скоповъ Езоповыхъ.

Скоро отдали Леону ключъ отъ желшаго шкапа, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери, и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ: важная эпоха въ образованіи его ума и сердца! Даура, восточная повѣсть, Селимъ и Дамасина, Мирамондъ, Исторія Лорда Н., все было прочтено въ одно лѣто, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ живымъ удовольствіемъ, которое могло бы испугать инаго воспитателя, но которымъ отецъ Леоновъ не могъ нарадоваться, полагая, что охота къ чтенію, какихъ бы то ни было книгъ, есть хорошій знакъ въ ребенкѣ. Только иногда по вечерамъ говаривалъ онъ сыну: „Леонъ! не

испорти глазъ. Завтра день будетъ; усяѣешь начитаться.“ А самъ про себя думалъ: „весь въ мапъ! бывало, изъ рукъ не выпускала книги. Милой ребенокъ! будь во всемъ похожъ на нее; только будь долголѣшнѣ!“

Но чѣмъ же романы плѣняли его? Не уже ли картина любви имѣла столько прелестей для осьми-или девятилѣшняго мальчика, чшобы онъ могъ забывать веселыя игры своего возраста и цѣлой день просиживать на одномъ мѣстѣ, впиваясь, такъ сказать, всѣмъ дѣшскимъ вниманіемъ своимъ въ нескладицу Мирамонда или Даиры? Нѣтъ, Леонъ занимался болѣе происшествіями, связію вещей и случаевъ, нежели чувствами любви романической. Напура бросаетъ насъ въ міръ какъ въ темный, дремучій лѣсъ, безъ всякихъ идей и свѣдѣній, но съ большимъ запасомъ любопытства, которое весьма рано начинаетъ дѣйствовать во младенцѣ, тѣмъ ранѣе, чѣмъ природная основа души его нѣжнѣе и совершеннѣе. Вопръ то бѣлое облако на зарѣ жизни, за копорымъ скоро является свѣпило знаній и опытовъ! Еслили положимъ на вѣсы, съ одной стороны тѣ мысли и свѣдѣнія, которыя въ душѣ младенца накаплиются въ теченіе десяти недѣль, а съ другой

идеи и знанія, пріобрѣтаемыя зрѣлымъ умомъ въ теченіе десяти лѣтъ: по перевѣсѣ окажется безъ всякаго сомнѣнія на споронѣ первыхъ. Благодѣтельная Намура спѣшитъ надѣлать новорожденного всѣмъ необходимымъ для мірскаго снранствія: разумъ его лепитъ орломъ въ началѣ жизненнаго проспекта; но тамъ, гдѣ предметомъ нашего любопытства становится уже не истинная нужда, но только суемудріе, тамъ полетъ обращается въ пѣшеходство, и шаги дѣлающагося часъ отъ часу труднѣе.

Леону открылся новый свѣтъ въ романахъ; онъ увидѣлъ, какъ въ магическомъ фонарѣ, множество разнообразныхъ людей на сценѣ, множество чудныхъ дѣйствій, приключеній — игру судьбы, дошолъ ему совсѣмъ неизвѣстную. . . (но тайное предчувствіе сердца говорило ему: *ахъ! и ты, и ты будешь нѣкогда ея жертвою! и тебя схватитъ, унесетъ сей вихоръ . . . куда? . . . куда?*) . . . Передъ глазами его безпрестанно поднимался новой занавѣсъ: ландшафтъ за ландшафтомъ, группа за группою, являлись взору. — Душа Леонова плавала въ книжномъ свѣтѣ, какъ Христофоръ Колумбъ на Атлантическомъ морѣ, для открытія . . . сокрышаго.

Сіе чтеніе не только не повредило его юной нравственности, но было еще весьма полезно для образованія въ немъ моральнаго чувства. Въ Даирѣ, Мирамондѣ, въ Селимѣ и Дамасинѣ (знаешь ли ихъ читатель?) однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ желнаго шкапа, Герои и Героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, оспаютъ добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе наконецъ какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣннымъ образомъ, но буквами незагадимыми, начерталось слѣдствіе: „и такъ любезность и добродѣтель одно! и такъ зло безобразно и гнусно! и такъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!“ Сколь же такое чувство спасительно въ жизни, какую твердою опорой служитъ оно для доброй нравственности, нѣтъ нужды доказывать. Ахъ! Леонъ въ совершенныхъ лѣтахъ часто увидитъ противное, но сердце его не разстанется съ своею утѣшительною моралью; вопреки самой очевидности онъ скажетъ: „нѣтъ, нѣтъ! торжество порока есть обманъ и призракъ!“

Нѣтъ, нѣтъ! не буду ослѣпленъ

Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!

Драконъ на время усыпленъ ,
 Но самый сонъ его ужасенъ !
 Злодѣи на Эпиъ строитъ домъ ,
 И пепелъ подъ его ногами ;
 (Тама лава устлана цвѣтами ,
 И въ тишинѣ таится громъ).
 Пусть онъ не знаетъ угрызенья !
 Онъ не достоинъ знать его .
 Безчувственность есть адъ того ,
 Кто зло творитъ безъ сожалѣнья !

Съ какими живымъ удовольствіемъ
 маленькой нашъ Герой, въ шесть или
 семь часовъ лѣтняго утра, поцѣловавъ
 руку у своего опца, спѣшилъ съ книгою
 на высокой берегъ Волги, въ орѣховые
 кусточки, подъ сѣнь древняго дуба! Тамъ,
 въ бѣленькомъ своемъ камзолчикѣ бро-
 саясь на зелень, среди полевыхъ цвѣтовъ
 самъ онъ казался прекраснѣйшимъ, оду-
 шевленнымъ цвѣтомъ. Русые волосы, мяг-
 кіе какъ шелкъ, развѣвались вѣтеркомъ
 по розамъ милаго личика. Шляпка слу-
 жила ему столикомъ: на нее клалъ онъ
 книгу свою, одною рукою подпирая голо-
 ву, а другою перевертывая листы, въ
 слѣдъ за большими, голубыми глазами,
 которые лепѣли съ одной страницы на
 другую, и въ которыхъ, какъ въ ясномъ
 зеркалѣ, изображались всѣ спрасти, худо
 или хорошо описываемыя въ романѣ:

удивленіе, радость, страхъ, сожалѣніе, горестъ. Иногда, осматривая шхуну, смотрѣлъ онъ на синее пространство Волги, на бѣлые парусы судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, коиорые изъ-подъ облаковъ дерзко опускающаея въ пѣну волкъ, и въ то же мгновеніе снова парятъ въ воздухъ. — Сія карпина такъ сильно впечатлѣлась въ его юной душѣ, что онъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, въ кипѣннн спрашей, въ пламенной дѣяпельности сердца, не могъ безъ особливаго, радостнаго движенія видѣть большой рѣки, плывущихъ судовъ, летающнхъ рыболововъ: Волга, родина и безпечная юность пошчасъ представлялись его воображенію, прогали душу, извлекали слезы. Кто не испыталъ нѣжной силы подобныхъ воспоминаній, тотъ не знаетъ весьма сладкаго чувства. Родина, Апрель жизни, первые цвѣты весны душевной! какъ вы милы всякому, кто рожденъ съ любезною склонноснію къ меланхоліи!

Г л а в а VII.

Провидѣніе.

Въ сіе же лѣпо Леоново сердце вкусило живое чувство Міроправителя, при шкомъ случаѣ, о копоромъ онъ дѣлалъ

во всю жизнь свою не могъ воспоминашь равнодушно. Идея о Божествѣ была одною изъ первыхъ идей его. Нѣжная родительница наилучшимъ образомъ старалась утвердить ее въ душѣ Леона. Срывая для него весенній луговой цвѣпокъ или садовый лѣпнѣй плодъ, она всегда говорила: „Богъ даетъ намъ цвѣты, Богъ даетъ намъ плоды!“ — *Богъ!* повторилъ однажды любопытный младенецъ: *кто Онъ, маленька?* — „Небесный Отецъ всѣхъ людей, Который ихъ питаетъ и дѣлаетъ имъ всякое добро; Который далъ мнѣ тебя, а тебѣ меня.“ — *Тебя, милая? Какой же Онъ доброй!* *Я стану всегда любить Его!* — „Люби, и молись Ему всякой день.“ — *Какъ же Ему молиться?* — „Говори: Боже! будь къ намъ милосивъ!“ — *Стану, стану, милая! . . .*

Леонъ съ того времени всегда молился Богу. Ахъ! онъ молился Ему со слезами въ болѣзнь родительницы своей! Но судьбы Вышняго неисповѣдимы. — Такова была Религiя нашего Героя до сего лѣта и до случая, который теперь описать желаю.

Въ одинъ жаркой день онъ, по своему обыкновенiю, читалъ книгу подъ сѣнiю древняго дуба; спарикъ дядька сидѣлъ на правѣ въ десяти шагахъ отъ него. Вдругъ нашла туча, и солнце за-

крылось черными парами. Дядька звалъ домой Леона. „Погоди,“ отвѣчалъ онъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнія, загремѣлъ громъ, пошелъ дождикъ. Старикъ непремѣнно хопѣлъ ишпи домой. Леонъ завернулъ книгу въ плапокъ, вспалъ и посмотрѣлъ на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молніи, и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ густаго лѣсу выбѣжалъ медвѣдь, и прямо бросился на Леона. Дядька не могъ даже и закричать отъ ужаса. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго друга отъ неизбежной смерти: онъ задумался, и не видя опасности; еще секунда, двѣ — и несчастный будетъ жертвою яростнаго звѣря. Грянулъ спрашный громъ . . . какого Леонъ никогда не слыхивалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и что молнія обвилась вокругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать: „Господи!“ черезъ полминушы взглянулъ — и видитъ передъ собою убишаго громомъ медвѣдя. Дядька насилу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудеснымъ образомъ Богъ спасъ его. Леонъ стоялъ все еще на колѣняхъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствія электрической силы; наконецъ устремилъ глаза

на небо, и не смотря на черныя густыя лучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ шамъ присутствіе Бога - спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился во глубинѣ души своей, съ пламенною ревностію, необыкновенною во младенцѣ; и молитва его была . . . благодарность! — Леонъ не будетъ уже никогда атеистомъ, если прочитаетъ и Спинозу и Гоббеса и *Систему Природы*.

Чипашель! вѣрь или не вѣрь: но эпошъ случай не выдумка. Я превратилъ бы медвѣдя въ благороднѣйшаго льва или шигра, если бы они . . . были у насъ въ Россіи.

Г л а в а VIII.

Братское общество провинціальныхъ дворянъ.

Знаю, что все идетъ къ лучшему; знаю выгоды нашего времени и радуюсь успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи; однакожь съ удовольствіемъ обращаю взоръ и на тѣ времена, когда наши дворяне, взявъ отсрочку, возвращались на свою родину съ тѣмъ, чтобы уже никогда не разстаться съ ея мирными Пенатами; рѣдко заглядывали въ городъ; доживали вѣкъ

свой на свободѣ и въ безпечности; правда, иногда скучали въ уединеніи, но зато умѣли и веселиться при случаѣ, когда сбѣзжались вмѣспѣ. Ошибаюсь ли? но мнѣ кажется, что въ нихъ было много характернаго, особеннаго, оригинальнаго — чего теперь мы уже не найдемъ въ провинціяхъ, и что по крайней мѣрѣ занимательно для воображенія. — Просвѣщеніе сближаетъ свойства народовъ и людей, равняя ихъ какъ деревья въ саду регулярномъ.

Капитанъ Радушинъ, отецъ Леоновъ, любилъ угощать добрыхъ пріятелей, чѣмъ Богъ послалъ. Сынъ всякой разъ съ великимъ удовольствіемъ бѣжалъ сказать ему: „батюшка! ѣдушъ гости!“ а Капитанъ нашъ отвѣчалъ: „добро пожаловать!“ надѣвалъ круглой парикъ свой и шелъ къ нимъ на встрѣчу съ лицомъ веселымъ. Способъ наскучить людьми есть бытъ съ ними безпрестанно; способъ живо наслаждаться ихъ обществомъ есть видѣться съ ними изрѣдка. Провинціалы наши не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь Полипика и Липпература, а разсуждали, спорили и шумѣли. Деревенское хозяйство, охота, извѣстныя тяжбы въ Губерніи, анекдоты спарины, служили богащою матерією

для разсказовъ и примѣчаній. . . Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, выпязи С* *скаго уѣзда, вѣрные друзья Капитана Радушина! Лебрюнъ и Лампи не сохранили для насъ вашего образа; но я не даромъ Авторъ Леоновой исторіи; зеркало памяти моей ясно. Какъ теперь смотрю на себя, заслуженный Маіоръ Оадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ камзолѣ, съ корпикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ Татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнагахъ знатныхъ господъ, спучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣспъ издали громкимъ своимъ голосомъ, копорому нѣкогда ропа Ландмилиціи повиновалась, и копорый въ яркихъ звукахъ своихъ не рѣдко ужасалъ дурныхъ Воеводъ провинціи! Вижу и себя, сѣдовласый Рѣшмистръ Буриловъ, протрѣленный насквозь Башкирскою стрѣлою на степяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но швердый душою; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ швоего эскадрона или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого нибудь

недостойнаго дворянина въ вашемъ уѣздѣ! Гляжу и на важную осанку твою, бывший Воеводскій товарищъ Прямодушинъ, и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя Секретарь провинціи, ибо совѣсь умнѣе крючкотворства; вижу, какъ ты, рассказывая о Биронѣ и Тайной Канцеляріи, опираешься на длинную палку съ серебрянымъ набалдашикомъ, которую подарилъ тебѣ Фельд-маршалъ Минихъ. . . . вижу всѣхъ васъ, достойные мажоры провинціи, которыхъ бесѣда имѣла вліяніе на характеръ моего Героя; и чтобы представить разительное все благородство сердець вашихъ, сообщаю здѣсь условія, заключенныя вами между собою въ домѣ отца Леонова, и написанныя рукою Прямодушина. . .

Договоръ братскаго общества.

„Мы нижеподписавшіеся клянемся
 „честію благородныхъ людей жить и уме-
 „реть братьями, стоять другъ за дру-
 „га горою во всякомъ случаѣ, не жалѣть
 „ни трудовъ, ни денегъ для услугъ вза-
 „имныхъ, поступать всегда единодушно,
 „наблюдать общую пользу дворянства,
 „вступаться за притѣсненныхъ и по-
 „мнить Рускую пословицу: *тотъ доря-
 „нинъ, кто за многихъ одинъ*; не боясья

„ни знашныхъ , ни сильныхъ , а только
 ; Бога и Государя ; смѣло говоришь пра-
 „вду Губернашорами и Воеводами ; нико-
 „гда не бышь ихъ прихлебателями , и не
 „такать пропивъ совѣси. А кто изъ насъ
 „не сдержитъ своей клятвы, тому будетъ
 „спыдно, и того выключитъ изъ брашскаго
 „общества.“ — Слѣдуетъ восемь именъ.

Хотя пайная Хроника говоритъ мнѣ
 на ухо, что сей дружеской союзъ нашихъ
 дворянъ заключенъ былъ въ день Леонова
 рожденія, которое отецъ всегда праздно-
 валъ съ великимъ усердіемъ и съ опмѣн-
 ною роскошью (такъ, что посылалъ въ
 городъ даже за свѣжими лимонами); хотя
 чипатель догадается, что въ такой ве-
 селой день, особливо къ вечеру, хозяинъ
 и гости не могли бышь въ обыкновен-
 номъ расположеніи ума и сердца; хотя

Въ восторгахъ Бахуса намъ море по колѣно,

И съ рюмкою въ рукѣ мы всѣ богатыри;
 однакожь Исторія, которая лжетъ только
 изъ году въ годъ (первое Апрѣля и
 еще 29 Февраля), увѣряетъ, что они,
 проснувшись на другой день, снова чипали
 трактатъ свой, снова утвердили его и
 (что не всегда дѣлаютъ и великія Державы
 Европейскія) старались исполнить во всей
 точности. Одна смерть разрушила и въ
 брашскую связь. . . . Здѣсь хочется мнѣ

заглянуть впередъ. Долго еще ждаль времени; а можеть быль тогда, въ богатствѣ случаевъ, и забуду сѣю любезную черпу. И такъ скажу. . . Когда Судьба, нѣскольکو времени игравъ Леонѣмъ въ большѣмъ свѣтѣ, бросила его опять на родину, онъ нашель Маѣора Громилова сидящаго надъ больнымъ Прямодушнымъ, который лежалъ въ параличѣ и даже не владѣль руками — (всѣ прочіе друзья ихъ были уже на помѣ свѣтѣ). Громиловъ кормиль больнаго изъ рукъ своихъ, плакаль горько и сказалъ Леону: *тошно, тошно быть сиротю на старости! . . .* Добрые люди! миръ вашему праху! Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣлствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словохотливую, онъ васъ занимовалъ Руское дружелюбіе, онъ васъ набрался духу Рускаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находиль даже и въ знатныхъ боярахъ: ибо спесь и высокомеріе не замѣняютъ ее; ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ челоуѣка отъ подлости и дѣль презрительныхъ. — Добрые старики! миръ вашему праху! П. Ф.

(Продолженіе впрѣдъ.)

IV.

С М Ъ С Ъ.

Давидъ Юмъ, славной Англійской Историки и Философъ, жилъ въ Единбургѣ. Однажды, переходя черезъ болошное мѣсто по узенькой доскѣ, Философъ нашъ обступился и упалъ въ шину. На крикъ его прибѣжала старая женщина; но какъ же испугался бѣдной Юмъ, когда она, посмотрѣвъ на него, хотѣла бѣжать прочь, говоря: *ахъ! это онъ! это безбожникъ Юмъ!* „Нѣтъ, нѣтъ!“ закричалъ Философъ, сидя по уши въ шинѣ: „я не безбожникъ! добрая старушка! не вѣрь злословію: я Христіанинъ, Христіанинъ!“ — Когда такъ, опивчала она, что прочитай наизусть *Вѣрую во Единого!* — Юмъ началъ, и къ счастью не ошибся ни въ одномъ словѣ. Старушка успокоилась, и сказавъ: *теперь вижу, что меня обманули, и что ты доброй глоскъ,* вышатила его изъ болоша.

На одного Англичанина донесли, что онъ женатъ на двухъ женахъ: преступленіе, которое по Англійскимъ законамъ очень строго наказывается. Въ продолженіе суда явилась еще третья жена; а шамъ и четвертая. „Нещастный!“ ска-

залъ ему главный судья: „долго ли тебѣ женишься?“ — *Пока найду хорошую жену, отвѣчалъ судимый.*

Давно уже шумящъ надъ Докторами, которые, въ общеніе за то, не рѣдко шумящъ надъ больными. Медики и женщины имѣютъ одну участь: мы бранимъ ихъ, и не умѣемъ безъ нихъ жить. Заглянувъ по случаю въ избранныя стихотворенія Нидерландскихъ Поэтовъ, нашелъ я тамъ слѣдующій анекдотъ. Николай Грудіусъ, стихотворецъ, занемогъ опасною болѣзнію. Докторъ, другъ его, прибѣжалъ къ нему и началъ его бранить за то, что онъ не далъ ему знать о своей болѣзни. Грудіусъ задумался — спросилъ карандашъ — написалъ дрожащею рукою два стиха:

*Я для того, мой другъ, тебя не призывалъ,
Что завѣщанія еще не подлисалъ —
и въ ту же минуту умеръ.*

Турецкой анекдотъ.

Эшекъ дайма эшекъ дуръ.
Оселъ всегда оселъ.

Одинъ порпной имѣлъ привычку красить что нибудь опо всякой матерія .

кошерую давали ему на кафшаны. Однажды пришло къ нему, что онъ споймъ на спрашномъ судѣ, и что Ангель показавъ ему ужасной величины знамя, свинное изъ всѣхъ украденныхъ имъ лоскутовъ. Этомъ сонъ чрезвычайно испугалъ его; и на другой день, рассказавъ его ученикамъ своимъ, онъ клялся быть съ того времени честнымъ портнымъ; „но ешьли, примолвилъ, я забудусь и по старой привычкѣ опять что нибудь украду, то ради Алла напомнише мнѣ знамя!“ Черезъ нѣсколько дней портной въ самомъ дѣлѣ забылъ сонъ, и отрѣзалъ для себя большой лоскутъ сукна. „А знамя, масперъ Абдуль?“ сказали ему ученики. *Тише, тише!* отвѣчалъ онъ: *я всломнилъ, что этого лоскута на немъ не было!*

Сочинители Парижской Декады, объявляя о переведенной съ Англійскаго языка *Флорѣ для нѣжнаго пола*, говорятъ: „Ботаника есть въ самомъ дѣлѣ пристойная для женщинъ наука, имѣя въ себѣ нѣчто кроткое и сердцу милое; она пребуешъ тонкости наблюдений и вѣрнаго, разборчиваго взора, которымъ женщины справедливо славятся. Полезно, и для самой нравственности благо-

„дѣлательно пріучишь ихъ, въ самой цвѣтущей юности, въ тихимъ упражненіямъ сей науки и къ пріятнымъ, уединеннымъ прогулкамъ, которыя могли бы укрѣпить ихъ здоровье, оживить прелести, обогатить разумъ и питаешь душу нѣжными впечатлѣніями. Такое занятіе полезнѣе чтенія глупыхъ романовъ и вѣтренныхъ забавъ, которыя ничего пріятнаго не оснавляютъ въ сердцѣ.“

ПОЛИТИКА.

I.

*Исторія Англійскаго Министерства
съ 1788 году.*

Господинъ Пипшъ уже четыре года отправлялъ должность Министра съ равнымъ успѣхомъ внутри и внѣ государства, какъ вдругъ, въ концѣ 1788 году, горестный случай привелъ его въ опасное затрудненіе, бывшее предпечю многихъ другихъ, копорья, надлежало ему побѣдить славно. Георгъ III занемогъ и сдѣлался неспособнымъ къ дѣламъ. Сте обстоятельство возобновило споръ, который начался между Пипшомъ и его противниками въ 1783 году и кончился въ Мартѣ 1784 гаденіемъ Г. Фокса. Парламенты собрались сами собою 20 Ноября 1788 году, безъ Королевскаго повелѣнія; открыли свои засѣданія безъ Депутатовъ Короны, и были въ самомъ дѣлѣ истиннымъ Конвеншомъ, подобнымъ тому, который собирався въ 1688 году во время побѣга Іакова II и пришедшья Вильгельма III. Парламенты не думали заниматься обыкновенными дѣлами, но спали немедленно

разсуждать о слѣдующемъ: „можетъ ли въ насъ происходящихъ обстоятельствѣхъ Принцъ Валлисскій быть законнымъ Регентомъ Великобританнїи? и на какихъ условїяхъ? съ какими правами? Пиппъ и другіе Члены правленія останутся ли Министрами? или друзья Фоксовы и Герцога Норланда займутъ ихъ мѣста?“

Вся нація, вся Европа устремила вниманіе на сію великую сцену политическаго волненія, котораго слѣдствія еще болѣе утвердили власть Пиппову. Фоксъ объявилъ въ Сенатѣ Британскомъ, что въ случаѣ естественной неспособности Короля законный наслѣдникъ имѣетъ неоспоримое право быть Регентомъ. Пиппъ не успрашивалъ сказать, что такая мысль есть *государственная измѣна*; что наслѣдникъ прена въ сихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ равенъ съ подданными и не имѣетъ никакого права на власть исполнительную; что власти законодательныя, Парламенты, должны именемъ народа взять спасительныя, лучшія мѣры. Съ обѣихъ сторонъ спорили съ великимъ жаромъ. Герцогъ Йоркской и Комберландской были начальниками партїи Принца Валлисскаго. Мнѣніе Господина Пиппа утверждалось всеми Министрами, ихъ Парламентскимъ вліяніемъ, многими зна-

менистыми людьми и наконецъ добродѣтельной Королевою. Пишшь воспорядковалъ, и Парламентъ, слѣдуя его мнѣнію, опредѣлилъ, что Валлисскій Принцъ не есть рожденный Правитель государства; что только законодательная власть можетъ сдѣлать его Регентомъ, и что Парламентъ въ такомъ случаѣ выберетъ совѣтниковъ, которые вѣсятъ съ нимъ, и согласно съ Конституціею, будутъ хранителями правъ Королевскихъ.

Медленное и торжественное печеніе сего дѣла ознаменовало въ Парламентахъ начало 1789 году. Они наименовали Принца Регентомъ; но Пятшъ ограничилъ для него власть Королевскую: не далъ ему права жаловать въ Перы, опредѣлять пенсіи, — выбирать главныхъ государственныхъ Чиновниковъ и располагать Королевскими помѣстьями. Королева должна была имѣть попеченіе о супругѣ своемъ и могла раздавать мѣста при Дворѣ, по сношенію съ Совѣтомъ, для нее избраннымъ. Напрасно прошивники Министровъ доказывали, что такое рѣшеніе оскорбительно для особы Принца Валлисскаго, для народа, самаго Парламента. Между тѣмъ, какъ главные города Англїи изъявляли за то благодарность законодательнымъ властямъ, многіе Лорды

въ Верхнемъ Парламентѣ утверждали, что такое ограниченіе власти Регента есть *грабежъ, разбой, убійство, уничтоженіе правъ Короны.*

Геній Англїи не дозволилъ исполнить сего рѣшенія, которымъ столь многіе были недовольны, и которое имѣло свои великія опасности. Самъ Питтъ хотѣлъ удалить сію эпоху; старался только выиграть время, съ пользою употребленное для возстановленія Георгова здоровья. Наконецъ, 10 Марта, Король торжественно объявилъ Парламентамъ, что онъ можетъ снова вступить въ правленіе — и такимъ образомъ кончилось сіе опасное бореніе для Англійскаго Министерства. Питтъ, одержавъ побѣду надъ своими многочисленными и знаменитыми противниками, надъ самимъ Наслѣдникомъ прона, являлся во всемъ блескѣ славы и Королевской милости. Парламентъ, созванный въ его Министерство, отъ 1784 до 1790 году ни въ чемъ ему не отказывалъ; всѣ тогдашнія политическія явленія Англїи были слѣдствіемъ Питтовой системы.

Въ новомъ Парламентѣ, который открылся въ Ноябрь 1790 году, онъ имѣлъ еще болѣе вліянія и сдѣлалъ въ немъ друга своего Орапоромъ. Сей другъ — нынѣшній Министръ, Г. Аддингтонъ —

въ отправленіи своей должности скоро заслужилъ всеобщую похвалу; слава его раждалась, но онъ всегда съ величайшею скромностію занималъ блестящее свое мѣсто.

Спорона Министровъ усилилась еще весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ; а именно, славный Эдмондъ Боркъ, послѣ Фокса первый Герой ея прошивниковъ, и во время болѣзни Короля оказавшій непоколебимую твердость, въ 1791 году присталъ къ Министрамъ. Онъ въ Парламентѣ жарко спорилъ съ Фоксомъ о Французской Революціи, и торжественно объявилъ, что отказывается отъ прежнихъ друзей своихъ. Фоксъ съ трогательнымъ краснорѣчіемъ изъяслялъ сожалѣніе, и говорилъ со слезами, что ему горестно разорвать двадцатипятилѣтнюю дружбу; но Боркъ не смягчился, и съ жестокостію повторилъ, что навсегда оставляетъ такъ называемую *Оллозицію*. Министры не только пріобрѣли важнаго защитника, но и нашли хитрый способъ обезоружить Фокса, безпрещанно открывая въ рѣчахъ его мнимое Якобинство, такъ, что сей бывший Министръ долженъ былъ наконецъ отказаться отъ великихъ своихъ намѣреній.

Лордъ Нортъ, виновникъ несчастной Американской войны, умеръ въ Августѣ

1792 году ; то есть въ самое бурное время Французской Революціи. Въ послѣдніе годы жизни своей онъ уже мало занимался дѣлами ; но смерть его достойна примѣчанія тѣмъ , что она соединила Норшову партію съ Фоксовою , которыя ссорились между собою во время Американской войны. Будучи совсѣмъ несогласнаго образа мыслей , онѣ условились единодушно дѣйствовать противъ Министровъ. Но когда въ 1795 году Революція открыла свои ужасы и кровь полилась рѣкою во Франціи , тогда друзья Норшова оставили Фокса и прислали къ Министрамъ. *Олпозиція* , потерявъ важнѣйшихъ членовъ своихъ , состояла только изъ вѣрныхъ друзей Фоксовыхъ , имѣла въ Нижнемъ Парламентѣ не болѣе пятидесяти голосовъ , а въ Верхнемъ шесть или семь. Г. Пипшъ въ десятый годъ своего Министерства увидѣлъ себя окруженнаго тѣми , которые нѣкогда были злѣйшими его врагами. Онъ старался еще болѣе привязать ихъ къ себѣ благодареніями. Лордъ Лоборо , ревностный другъ Норшовъ , былъ сдѣланъ Великимъ Канцлеромъ , когда Лордъ Торло отказался отъ сего мѣста , имѣя неудовольствіе на Пипша. Герцогъ Портландъ съ самаго начала войны съ Франціею прислалъ также къ Министрамъ , и за то не только самъ

получилъ мѣсто Государственнаго Секретаря внутреннихъ дѣлъ, но и всѣ друзья его вошли въ Министерство: Графъ Фицъ - Вилліамъ сдѣлался Президентомъ Совѣта, Графъ Спенсеръ Тайнымъ Канцлеромъ, а Виндамъ Секретаремъ военнымъ. Въ слѣдующій годъ произошла нѣкоторая перемѣна въ Министерствѣ. Графъ Чатамъ, старшій Пиштовъ братъ, уступилъ мѣсто Лорда Адмиралтейства Спенсеру, который отдалъ ему въ замѣну тайную печать свою; а Графъ Фицъ - Вилліамъ былъ пожалованъ въ Ирландскіе Намѣстники, уступивъ Президентство Совѣта Графу Мансфильду. Не исполнивъ въ Дублинѣ предписаній Королевскихъ, онъ лишился своего мѣста и сталъ противникомъ Министерства. Въ 1796 году Король распустилъ сей достопамятный Парламентъ, въ которомъ властвовалъ Пиштъ, и ничтожность *Оллозицѣи* была безпримѣрна.

Въ началѣ 1797 году друзья Фоксовы хотѣли воспользоваться замѣшательствомъ Банка, и подкрѣпляемые жалобами разныхъ городовъ, храбро наступили на Министровъ; но, не имѣвъ успѣха, вышли изъ Парламента: Герцогъ Бедфордъ, Фоксъ, Шериданъ, Грей, Тарлепонъ, Фицпатрикъ и еще 40 Членовъ, такъ,

что въ Оппозиціи осталось только 15 голосовъ. Тогда Ораторомъ ея сдѣлался Тирней, богатый владѣлецъ, другъ независимости и врагъ Пипшовъ. Оскорбленный нѣкоторыми словами сего Министра, онъ въ 1798 году вызывалъ его на поединокъ, который однакожь не имѣлъ никакихъ слѣдствій. Между тѣмъ Фоксъ и друзья его оставались праздными зрителями; единственнымъ мѣстомъ собранія ихъ былъ Клубъ Независимыхъ. Герцогъ Порпландъ велѣлъ вычеркнуть имя свое и всѣхъ его родственниковъ въ списокъ членовъ сего Клуба.

Пипшъ, бывъ 17 лѣтъ первымъ Министромъ съ великою славою и не имѣя никакого извѣснаго неудовольствія, вдругъ удалился отъ дѣлъ. Изъ десяти перемѣнъ Министерскихъ, бывшихъ въ царствованіе Георга III, ни копорая такъ не удивляла, какъ сія, совершенно непонятная. Публика донинѣ не могла свѣдать, что заставило его выйти изъ Министровъ вмѣстѣ съ другими товарищами. Мѣсто ихъ заняли не враги (какъ прежде бывало), а друзья, одного образу мыслей съ ними; не система, а только люди перемѣнились. Пипшъ увѣнчалъ славу свою тѣмъ, что, сложивъ съ себя званіе Министра, еще нѣсколько

недѣль опправляяль его должность (за бо-
лѣзнію Короля), и сошелъ шихо съ вели-
кой, шумной сцены.

(Изъ Фран. Вѣд.)

II.

*Таблица рѣшеній уголовныхъ судовъ
во Франціи въ теченіе одного
мѣсяца (*).*

Всѣ Французскія уголовныя судилища
въ теченіе мѣсяца рѣшили 800 дѣлъ,
оправдали 405 человекъ, а осудили 752
за слѣдующія преступленія:

За злоумышленіе противъ Респу- блики	-	-	-	2 чел.
— дѣпоубійство	-	-	-	11
— убійство	-	-	-	106
— оправленіе ядомъ	-	-	-	2
— убійство неумышленное	-	-	-	4
— бунтъ	-	-	-	10
— зажигательство	-	-	-	11
— разбой	-	-	-	250
— домашнее воровство	-	-	-	15
— простое воровство и обманы	-	-	-	99
— драку	-	-	-	62

(*) Сія таблица есть барометръ преступленій
въ нынѣшней Франціи.

За дѣланіе фальшивой монеты	-	5	чел.
— распространеніе фальшивой монеты		21	
— подложныя записи всякаго роду	-	30	
— ложное свидѣтельство	- -	4	
— украденныя деньги	- -	6	
— взятки (*)	- - -	1	
— супружеское	- - -	2	
— насиліе	- - -	4	
— воровское банкротство	- -	1	
— побѣгъ изъ - подъ стражи	- -	9	
— тайную лопатерю	- -	1	
— нарушеніе законовъ въ разсужденіи свободнаго богослуженія	-	2	
— нарушеніе другихъ законовъ	-	3	
— вывозъ запрещенныхъ товаровъ	-	2	
— ввозъ запрещенныхъ товаровъ	-	9	
— оставленіе младенца	- -	1	
— жизнь бродяги	- -	31	
— отбываніе отъ суда	- -	1	
— непристойныя поступки въ раз- сужденіи начальства	- -	4	
— преступленіе законовъ въ разсуж- деніи лѣсовъ	- -	21	
— преступленіе законовъ въ разсу- жденіи охоты	- -	2	
— преступленіе сельскихъ уставовъ		16	
— преступленіе законовъ благонравія		4	

(*) Какъ мало!!

Изъ сихъ прѣступниковъ осуждено			
на смерть	-	-	103 чел.
— заключеніе	-	-	219
— денежный штрафъ	-	-	117
— ссылку	-	-	3
— цѣпи	-	-	290.

III.

Взятіе Серингапатама и смерть славнаго Типпо-Саиба, описанныя очевидцемъ, Англійскимъ Маіоромъ Алланомъ ().*

Скоро по взятіи укрѣпленій Серингапатама примѣнилъ я съ южнаго вала, что во дворцѣ собирались многіе люди, которые по одеждѣ и виду казались знашными; изъ чего можно было заключить, что, послѣ сраженія на стѣнѣ, самъ Типпо-Саибъ заключился шамъ съ главными своими Офицерами.

Солдаты наши были въ крайней усталости, и требовали отдохновенія прежде прислуна къ укрѣпленному жилищу Сулшана, гдѣ мы ожидали сильнаго сопроти-

(*) Изъ Англ. Журнала. — Хотя Алланъ и не мясшеръ писать, однакожь это извлеченіе изъ его извѣстій о взятіи Серингапатама показалося мнѣ довольно любопытнымъ.

вленія отъ непріятеля. Однакожь я спѣшилъ сообщить свое примѣчаніе Генералу Берду, которой велѣлъ мнѣ съ двумя ропами ийти ко дворцу и объявить Индѣйцамъ, что они для спасенія жизни своей должны немедленно сдаться. Привязавъ бѣлой плапокъ къ спонсону, я пошелъ туда — увидѣлъ множество людей на балконѣ и черезъ переводчика сказалъ имъ о требованіи Генерала. Ко мнѣ сошли съ террасы Килледаръ, знатной Чиновникъ, и другой придворной, которые были въ крайнемъ замѣшательствѣ, не могли ни на что рѣшиться, и по видимому надѣялись при наступленіи ночи спастись бѣгствомъ. Я доказывалъ имъ необходимость рѣшительнаго оповѣща, и вызвался самъ ийти съ ними во дворецъ; они согласились. На террасѣ встрѣшилось намъ множество вооруженныхъ людей, копорымъ я объявилъ, что бѣлое знамя есть знакъ мира въ рукѣ моей; если не будетъ сопротивленія; и чтобы ихъ еще болѣе успокоить, то отдалъ имъ мою шпагу. Килледаръ и другіе Индѣйцы увѣряли меня, что во дворцѣ одни дѣши Султановы, а его самого нѣтъ. Я подтвердилъ имъ, что всякая медленность можетъ имѣть гибельныя слѣдствія, и что наши солдаты нещепѣливо желаютъ

взять приступомъ послѣднее ихъ убѣжище. Килледаръ скрылся, и во всемъ дворцѣ сдѣлалась превеликая тревога. Мы окружены были воинами Типпо - Саиба, которые смотрѣли на насъ не дружескими глазами. Товарищъ мой совѣтовалъ мнѣ взять назадъ шпагу; но я не хотѣлъ подать имъ ни малѣйшаго подозрѣнiя. Между тѣмъ стоявшiе на перрасѣ Индѣйцы просили меня держать знамя такъ, чтобы наши солдаты могли видѣть его и не приступали бы къ ворошамъ. Я послалъ въ другой разъ сказать Принцамъ, чтобы они опвѣчали скорѣе, и что мнѣ нѣтъ времени ждашь. Наконецъ они велѣли объявить, что меня позовутъ, какъ скоро будетъ готовъ коверъ въ ихъ комнатѣ. Черезъ минушу пришелъ за мною Килледаръ.

Я нашелъ двухъ Принцовъ, сидящихъ на коврѣ среди десяти или пятнадцати придворныхъ. Они просили меня сѣсть съ ними. Я зналъ одного изъ нихъ, Моица - Дина, копорой вмѣстѣ съ другимъ братомъ былъ аманатомъ у Маркиза Корваллиса. Нещасная переменна судьбы первыхъ Индѣйскихъ Принцовъ, ихъ горестъ и ужасъ, напрасно ими скрываемый, пронули меня до глубины сердца. Я взялъ за руку Моица - Дина, копорому Килле-

даръ и другіе оказывали опмѣнное уваженіе, и увѣрялъ его, что никто изъ нихъ не будетъ жаловаться на жестокосердіе Англичанъ, естли онъ скажетъ, гдѣ отецъ его, котораго симъ однимъ способомъ можно было спасти отъ смерти. Моицъ - Динъ, поговоривъ съ своими друзьями, отпѣчалъ, что Султана нѣтъ во дворцѣ. Я просилъ его, чтобы онъ велѣлъ отворить ворота. Всѣ Индѣйцы пришли въ изумленіе отъ такого предложенія, и Моицъ - Динъ никакъ не хотѣлъ сдѣлать того безъ дозволенія Султана. Но я обѣщаль имъ оставить во дворцѣ собиравшихъ ихъ солдатъ, и только къ воротамъ приспавить Англичанъ; увѣрялъ, что безъ моего позволенія никто не войдетъ къ нимъ; что я немедленно возвращусь, и буду съ ними до прибытія Генерала Берда. Наконецъ они согласились, и къ моему великому удовольствію во всемъ положились на меня.

У воротъ встрѣтилъ я Генерала Берда, донесъ ему объ успѣхъ моего посольства, и возвратился во дворецъ, чтобы представить Генералу Типповыхъ дѣшей. Нещастные пошли со мною. Между тѣмъ начальникъ нашъ узналъ, что Типпосаибъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ варварски умертвилъ всѣхъ Европейцовъ,

которыя попались къ нему въ руки. Сіе извѣстіе, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ 'его собственнаго долговременнаго плѣна въ стѣнахъ Серингапашама, крайне раздражило Г. Берда; но видъ бѣдныхъ Принцовъ пронулъ его; и Герой, которой въ часъ приступа не думалъ о жизни, доказалъ при семъ случаѣ нѣжную чувствительность своего сердца. Онъ принялъ ихъ со всѣми знаками уваженія; повпорилъ нѣсколько разъ, что они въ совершенной безопасности, и отправилъ ихъ въ главную кварширу. Наши полки, мимо которыхъ они шли, отдавали имъ честь.

Генеральъ послалъ солдатъ во дворецъ, чтобы во внутреннихъ комнашахъ искать Типно - Саиба. Стража Сулшанова была немедленно обезоружена. Мы приступали къ Килледару, чтобы онъ открылъ намъ, куда скрылся его Государь. Сей чиновникъ положилъ руки свои на ефесъ моей шпаги, и клялся, что Сулшана нѣтъ во дворцѣ; что онъ былъ раненъ во время приступа и лежитъ у сѣверныхъ воротъ крѣпости. Килледаръ вызвался вести насъ туда. Самъ Генеральъ, пошелъ за нимъ — и мы увидѣли шамъ болѣе ста труповъ, лежащихъ одинъ на другомъ. Ужасно было смотрѣть на нихъ, и темноша вечера мѣшала видѣть ихъ лицо. Но важныя

политическія обстоятельства требовали, чтобы мы увѣрились въ смерти Сулпановой, и Генераль велѣлъ зажечь факелы. Долго искалъ Килледарь, и не находилъ. Наконецъ подъ носилками Типпо - Саиба увидѣли мы раненаго человѣка; узнали, что это Рая Канъ, первой любимецъ Сулпана, и спросили у него, гдѣ его Государь. Онъ указалъ намъ мѣсто, и Килледарь тотчасъ узналъ трупъ несчастнаго Типпо - Саиба. Мы положили его на носилки, и отнесли во дворецъ, гдѣ всѣ евнухи и придворные увѣряли единогласно, что это Сулпанъ.

Когда его подняли съ земли, онъ еще не закрывалъ глазъ и нѣсколько минутъ сохранялъ въ себѣ теплошу; но скоро пульсъ и сердце перестали биться. Онъ былъ раненъ въ високъ и еще въ трехъ мѣстахъ; пуля вошла въ голову выше праваго уха, и остановилась въ щекѣ. На немъ были шаравары изъ бумажной цвѣтной матеріи и короткое бѣлое, полотняное полукафтанье, подпоясанное шелковымъ краснымъ кушакомъ; черезъ плечо, на шемѣ, висѣлъ прекрасной кошелекъ. Тюрбанъ спалъ съ головы его во время сраженія. На рукѣ носилъ онъ *амулетъ* или *шалисманъ*, безъ всякихъ другихъ украшеній.

Типпо - Саибъ былъ низкаго рослу, широкъ плечами и полстѣ въ пуловищѣ, но въ рукахъ и ногахъ очень худъ. Большіе глаза его сіяли огнемъ; брови были тонкіе, дугою; носъ орлиной; цвѣтъ лица смуглой, а осанка величественная и видъ грозной.

 IV.

С ж ѣ с в.

Въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ слѣдующее: „Россійская Американская Компанія ревностно печется о распространеніи сей торговли (которая со временемъ будетъ для Россіи весьма полезна) и теперь занимается великимъ предпріятіемъ, важнымъ не только для коммерціи, но и для чести Рускаго народа. А именно, она снаряжаетъ два корабля, которые нагрузятся въ Петербургъ сѣстными припасами, якорями, канатами, парусами и проч., и должны плыть къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки (черезъ южной океанъ, мимо южнаго Американскаго мыса), чпсбы снабдить сими потребностями Рускія колоніи на Алеупскихъ островахъ, на-

грузиться тамъ мѣхами, обмѣнятъ ихъ въ Кишаѣ на товары его, завести на Урупѣ, одномъ изъ Курильскихъ острововъ, колоніи для удобнѣйшей торговли съ Япономъ, ийти отсюда къ мысу Доброй Надежды и возвратиться въ Европу. На сихъ корабляхъ будутъ только Рускіе. Императоръ, одобревъ планъ, приказалъ выбрать лучшихъ флотскихъ Офицеровъ и мапрозовъ для успѣха сей экспедиціи, которая будетъ *первымъ путешествіемъ Рускихъ вокругъ свѣта*. Начальство поручается Господину Крузеншперну, весьма искусному Офицеру, копорой долго былъ въ Оспиндіи. Для заведенія колоніи на Урупѣ общество наняло въ Пепербургѣ одного Англичанина на три года, съ жалованьемъ по 15000 рублей въ годъ, сверхъ двадцати тысячъ, копорыя дадутся ему въ награжденіе за успѣхъ. Онъ будетъ строить тамъ корабли. Прежде всѣ нужные матеріалы возили туда сухимъ путемъ съ чрезвѣчными издержками. Чпобы не потерять времени, сіи два корабля будутъ куплены въ Гамбургѣ, и выдутъ изъ Пепербурга въ Октябрѣ мѣсяцѣ. “

Славный Берлинскій Аспрономъ Боде объявляешъ въ Газетахъ, что нѣко изъ Аспрономовъ не предсказывалъ явленія Кометы въ опредѣленный день будущаго мѣсяца; и что они ни мало не думали спращать людей опасностями, будпо бы соединенными съ симъ явленіемъ. Въ наше время всякой любопытной легко можешъ пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія о зданіи міра, копорыя не дозволяютъ вѣрить такимъ нелѣпымъ слухамъ, выдумкѣ невѣждъ и глупцевъ.

Г. Оливаріусъ, Кильскій Профессоръ, Издашеть Журнала *le Nord littéraire*, желаетъ, чтобы слѣдующее его объявленіе было напечатано въ Вѣстникѣ:

Archives générales du Nord.

C'est sous ce titre que paraîtra, au 1er Janvier 1803, un journal rédigé par l'auteur du *Nord littéraire, physique, politique et moral* (le Professeur *Olivarius*), qui s'engage à publier un cahier toutes les six semaines, ou huit cahiers par an, moyennant le prix d'abonnement de 20 liv. pour le midi de l'Europe, et de 4 écus, argent courant de Hambourg, pour le nord.

Dans le dessein de remplir toute l'étendue du titre qu'il a adopté, le rédacteur mettra à contribution non seulement toute l'Allemagne, le Danemarck, la Suede et l'empire de Russie, mais encore la Hollande et la Grande - Bretagne.

Le plan des *Archives* &c. est le même que celui du *Nord littéraire* &c.; plan qui a obtenu le suffrage des littérateurs éclairés comme celui des simples amis des sciences et des arts. Le nouveau journal réunira, ainsi que le *Nord littéraire* &c. l'a toujours fait, au mérite de l'universalité des objets, celui d'une extrême exactitude dans les choses et de la plus scrupuleuse impartialité dans les jugemens. Un aperçu général de la situation politique des différens pays du nord terminera chaque numéro.

Cet ouvrage doit être considéré comme faisant suite au *Nord littéraire* &c., qu'on continuera régulièrement jusques à la dite époque du 1er Janvier prochain, où il sera remplacé par les *Archives générales du nord*.

On peut s'abonner chez l'auteur à Kiel, ainsi que chez les principaux libraires des grandes villes de l'Europe et de l'Amérique.

Г. Неккеръ издалъ новую книгу подъ титуломъ: *Послѣднія мысли о политическомъ и хозяйственномъ состояннн Франціи, предложенныя Французскому народу Г.м. Неккеромъ.* — „Такъ, говоритъ
 No 18. 9

„Авпоръ, сїи мысли супъ *последнїя* ;
 „эпо слово отвѣствуешъ моимъ лѣ-
 „шамъ и слабочу здоровью. . . Я дока-
 „зываю политическую неудобность сей
 „робкой смѣси Монархїи съ Республикою;
 „смѣси, въ которой нѣтъ ни величе-
 „ства первой, ни одушевленнаго движе-
 „нїя второй. Я осмѣлился начертать
 „два плана: одинъ подъ именемъ наслѣд-
 „ственной умѣренной Монархїи, а вто-
 „рой подъ именемъ Республики, основан-
 „ной на законѣ возможнаго равенства.
 „Въ концѣ сообщаю нѣкоторыя мысли о
 „государственномъ хозяйствѣ, какъ для
 „нынѣшняго, такъ и для будущаго вре-
 „мени.“ — Эта книга вышла уже поз-
 „дно: Конституція Франціи утверждена;
 и Парижскїе Журналисты, которые
 не могутъ терпѣть Неккера, будутъ
 только имѣть случай надъ нимъ по-
 смѣяться.

V.

Извѣстія и Замѣчанїя.

Германїя.

Ни въ какой землѣ нѣтъ теперь столько движенїя, какъ въ Германїи: марши войска, зняшіе городовъ, перемежа въ

политической судьбѣ ихъ, служатъ тамъ предметомъ общаго вниманія. Между тѣмъ, какъ Прусскія и Баварскія войска вступають въ новыя владѣнія ихъ Государей, Австрійцы, какъ будто бы наскучивъ быть праздными зрителями сего явленія, также пришли въ движеніе и заняли Пассау, къ изумленію Французскаго и Прусскаго Министра въ Регенсбургѣ: ибо сей городъ, по заключенному условію въ Парижѣ, отданъ Курфирсту Баварскому.

Наконецъ общій планъ вознагражденій, который долженъ рѣшить и навсегда утвердить судьбу Нѣмецкой Имперіи, обнародованъ въ Парижѣ. Въ введеніи къ нему сказано, что „неисполненіе одного изъ важнѣйшихъ артикуловъ Люневильскаго мира оставляло Германію и всю Европу въ безпокойной неизвѣстности; что Его Величество, Императоръ Россійскій, и Первый Консулъ согласились вступить въ дѣла Нѣмецкой Имперіи, сочинить общій планъ и предложить его Чинамъ Имперскимъ, дабы произвести въ дѣйствио то, чего Европа напрасно бы ожидала отъ рѣшенія Регенсбургскаго Сейма. Разсмотривая сей планъ, всякой увидишь стараніе удалишь отъ непо-

„средственнаго сообщенія двѣ Державы,
 „которыя чаще другихъ обогрѣли Европу
 „кровію, и которыя, заключивъ нынѣ
 „искренній союзъ дружества, желаютъ
 „предупредить всѣ случаи раздора. —
 „Сіе же правило заставило по возможно-
 „сти отдалить новыя пріобрѣшенія Ко-
 „роля Прусскаго отъ Франціи и Бата-
 „віи. Такимъ образомъ всѣ владѣнія Ав-
 „спри соединяются; Домъ Баварскій сдѣ-
 „лался сильнѣе; а Пруссія, какъ и пре-
 „жде, составляетъ въ Германіи необходи-
 „мое основаніе равновѣсія. Впорокласныя
 „вознагражденія опредѣлены также въ
 „сообразности съ общею пользою. Баден-
 „скій Домъ получаетъ болѣе другихъ,
 „для того, чпобы усилить округъ Шва-
 „біи, опдѣляющей сильныя Державы
 „Германіи отъ Франціи. Россія и Фран-
 „ція, принужденныя взять духовныя
 „владѣнія за основаніе удовлетвореній,
 „къ удовольствію своему могли сохра-
 „нить въ Имперіи одного духовнаго Кур-
 „фирста. “

Въ *Вѣстникѣ* уже было сказано, что
 получаетъ Король Прусскій и Курфирствъ
 Баварскій. Упомянемъ только о важнѣй-
 шихъ удовлетвореніяхъ, чпобы не испу-
 гать Читателей нашихъ множествомъ

именъ, которыя безъ сомнѣнiя не остануся въ ихъ памяти.

Бывшiй Герцогъ Тосканскiй получаетъ Зальцбургъ, Триденцъ, Бриксенъ и часть Пассау; Герцогъ Моденскiй Бризгау и Ортенау; бывшiй Шпашгалтеръ Фульду, Кѳрвейское Епископство, Доршмундъ, Аббатство Венгартенское и нѣкоторыя другiя; Марграфъ Баденскiй Епископство Констанцское, часть Шнеерскаго и Базельскаго, Мангеймъ, Гейдельбергъ, часть Графства Лихтенбергскаго, Имперскiе города Оффенбургъ, Цель, Иберлингенъ, Биберахъ и проч. вмѣстѣ съ разными Аббатствами; Герцогъ Виртембергскiй Эльвангенъ и города Имперскiе Веиль, Рейшлингенъ, Ропвейль, Гаильбронъ, и проч.; Ландграфъ Гессен - Дармшпатскiй Вестфалiю, Линденфельсъ, Гернсгеймъ, часть Вормскаго Епископства и проч. За симъ слѣдуютъ вознагражденiя менѣе важныя; никто не забылъ изъ самыхъ маленькихъ Князей Нѣмецкихъ, которые чего нибудь лишились отъ завоеванiй Французскихъ; многiе должны помѣняться владѣнiями для общей пользы и лучшей удобности; однимъ словомъ, сей планъ есть слѣдствiе безчисленныхъ соображенiй, которыя требовали совершеннаго знанiя Нѣмецкой

Имперіи, всѣхъ ея полипическихъ отношеній и часпныхъ выгодъ. Въ самомъ дѣлѣ однѣ сильныя и безпристрастныя Державы могли такимъ образомъ опредѣлить участи Князей Нѣмецкихъ, ко славѣ Россіи и Франціи, къ удовольствію Пруссіи и, можетъ быть, къ досадѣ Вѣнскаго Кабинета, копорой въ семъ важномъ дѣлѣ не имѣлъ чести посредства, и который своими возраженіями безъ сомнѣнія не многому помѣшаетъ. — Духовнымъ Курфирстомъ долженъ оспаться Маинцкій; столица его будетъ въ Регенсбургѣ; изъ прежнихъ владѣній своихъ онъ сохраняетъ Ашаффенбургъ, и съ новыхъ пріобрѣпеній, разныхъ Аббатствъ, получишь доходу милліонъ флориновъ. Марграфъ Баденскій, Герцогъ Виртембергскій и Ландграфъ Гессен-Кассельскій будутъ Курфирстами. Епископство Оснабрикское опдается Курфирсту Ганноверскому, т е. Королю Англійскому, за то, чтобы онъ отказался отъ своихъ правъ на Гильдесгеймъ, Корвей и Текстеръ. Свободными Имперскими городами оспаются Любекъ, Гамбургъ, Бременъ, Вецларъ, Франкфуртъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Регенсбургъ; они увольняются отъ всякаго участія

въ войнахъ , которыя можетъ имѣть Нѣмецкая Имперія.

Парижъ отъ 20 Августа.

Въ самый день рожденія Наполеона , 15 Августа , праздновали въ Парижѣ утвержденіе его всегдашняго Консульства и новое образованіе Конспиративной Пушечной гвардіи , молебствіе въ соборѣ Богоматери , концерты , иллюминація , ознаменовали сей веселой день для Французовъ. Бонапарте въ теченіе его долженъ былъ выслушать болѣе двадцати поздравительныхъ рѣчей , отъ Депутатовъ Законодательнаго Корпуса , Трибунала , войска , главныхъ судилищъ и проч. Духовенство изъявило также свое усердіе , и многіе Епископы обнародовали *пасторскія увѣщанія* , въ которыхъ они толкуютъ народу благодаренія великаго ихъ Консула. — Надобно также замѣтить , что ввечеру на соборной церкви сіяла буква V , въ знакъ того , что Бонапарте родился подъ созвѣздіемъ *дѣвы* , *Vierge* ; но эта честь была несправедливо оказана сему созвѣздію : на другой день Астрономы Парижскіе объявили , что Бонапарте родился подъ знакомъ Льва. Стихотворцы написали множество остроумныхъ стиховъ на сію ошибку.

Въ *Монитёрѣ* напечатано вѣрное исчисленіе всѣхъ суммъ, которыя Алжирскій Дей въ 6 мѣсяцовъ собралъ съ разныхъ Европейскихъ Державъ: онѣ составляютъ около двухъ милліоновъ пиастровъ. Видно, что Бонапарте твердо рѣшился унять сихъ разбойниковъ, ежегодно налагающихъ дѣпи на тысячи Европейцовъ и торгующихъ ими какъ... Неграми! Европѣ стыдно откупаться деньгами отъ горсти Африканскихъ варваровъ, такъ, какъ нѣкогда Цари откупались отъ *Горнаго Старика* (le Vieux de la Montagne), столь извѣстнаго въ Исторіи среднихъ вѣковъ. Пишутъ, что изъ Тулона пошла эскадра къ берегамъ Африканскимъ. Султанъ, нынѣ ревностно желающій дружбы Французовъ, конечно не постоитъ за Алжирцовъ, не смотря на ихъ Магометанство. Ему теперь не до нихъ, а до себя. Слухи о мнимомъ раздѣлѣ Турецкіи безъ сомнѣнія опдались и въ Константинополь и могли потревожить Диванъ, хотя ихъ вѣроятность исчезла послѣ отъѣзда Лорда Гакесбури и статьи напечатанной недавно въ *Монитёрѣ*, гдѣ сказано, что великія Державы не думаютъ нынѣ о завоеваніяхъ; что Франція для пользы своей должна блюсти дѣлостъ Оштоман-

скихъ владѣній; и что всѣ извѣстїя о неустройствахъ въ Турецїи шолько опчасни справедливы. Какъ великодушны и незлопамятны Христїянскїя Державы! . . Французскїе Журналы снова называютъ Паскана Оглу мяшежникомъ; но между шѣмъ сей гордый Паша все еще спокойно царствуетъ въ Виддинѣ, окруживъ себя блестящею гвардією, и по видимому не боится Капитан - Паша, который споль медленно собирается вшорично отвѣдать прошивъ него щасїя.

Бонапарте судитъ шеперь малые Кантоны Швейцарїи съ большими; первые умоляютъ его, чтобы онъ позволилъ имъ составить особенную Республику, и доказываютъ несходство ихъ нравовъ съ обычаями другихъ Кантоновъ, говоря, что *въ слугахъ не удачнаго супружества разводъ остается единственнмъ спасенїемъ!* Ландманъ Редингъ есть душа и глава ихъ. Жаль, что пакїе жестокиє властолюбцы имѣютъ влїдїе на судьбу сихъ добрыхъ, но простыхъ людей, которые сполько вѣковъ жили щасливо въ союзѣ съ большими Кантонами, а шеперь, слѣдуя внушенїю одного злобнаго эгоиста, шребуютъ раздѣленїя!

Скоро Бонапарте переѣдетъ изъ скромнаго Мальмезона въ огромный Сен - Клу,

который можно назвать его *завоевателемъ*. Известно, какъ года за три передъ симъ онъ выгналъ отсюда Французскихъ законодательей революціонной школы, которые въ ярости своей кричали: *à bas le Dictateur! hors de loi!* Но завоеватель Египта, сказавъ: *и такъ они заставляють меня слѣдовать моей фортунѣ!* отважно сшупилъ черезъ Рубиконъ. — Пишущъ, что и Версальскій дворецъ будетъ отдѣланъ для Консула. Братъ его Лудвигъ купилъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ въ Парижѣ; другой братъ, Лудвіанъ, также. Министръ Шапшаль далъ 200000 франковъ за известный замокъ Шанслу Герцога Шуазёля. Республиканцы умѣютъ богатѣть! Массена какъ Лукуллъ живетъ въ пышномъ Рюэль. Мюра и другіе Генералы сыплютъ деньгами. Надобно ли спрашивать, куда пошли контрибуціи, взяшыя съ Италіи и Германіи?

Опечеству служу, карманы набивая;

Лишь только въ старину хвалились нищетою!

Парижъ ошъ 23 Августа.

„Вчерашній день Бонапарте въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ Сенатѣ. Онъ въ 11 часовъ выѣхалъ изъ Тюльери съ двумя Консулами. Передъ ними

ѣхали Министры, Государственные Советники и Секретарь въ пяти каретахъ четвернями; а Бонапартиева карета была въ восемь лошадей. Адъютанты, Генералы и начальникъ дворца ѣхали впереди верхомъ; а за всякою каретою гусары. Войско стояло по улицамъ въ два ряда. Депутаты Сенапа вышли встрѣтить Консула у крыльца.“ *Изъ Франц. Журн.* — По сему можно судить о Консульской пышности!

Туссеня Лувертюра везуть изъ Бреста въ Парижъ — для того, говорящъ насмѣшники, что Бонапарте намѣренъ пожаловать его въ придворные Арапы!

Славный Фоксъ въ Парижѣ. Онъ былъ въ спектаклѣ и сидѣлъ въ ложѣ противъ самаго Бонапарте. Они взглядывали другъ на друга!.. Вѣроятно, что Гражданинъ Фоксъ по Англійской своей гордости не захочетъ быть представленъ Гражданину Консулу.

Госпожа Бурдикъ, прежняя Маркиза д'Отремонъ, умерла скоропостижно. Она лучше всѣхъ другихъ женщинъ писала стихи во Франціи. Къ ней — то написалъ Вольшеръ: *Chantez, aimez: Phaon fera fidele.*

Лондонскія извѣстія не любопытны. — Въ трактатѣ Франціи съ Оттоманскою Портою, напечатанномъ въ Вѣдомостяхъ,

сказано, что всё прежнiе пракпанты между ими возобновляющяся; что объ Державы возмуть мѣры для освобожденiя морей отъ разбойниковъ, и что Французы должны имѣть свободное кораблеплаванiе на Черномъ морѣ. — Въ Дожи Лигурiйской Республики избранъ Сенаторъ Дураццо. — Генераль Ланъ, Французскiй Посланникъ въ Лиссабонѣ, разсердился на шамошнее Минисперсво и немедленно уѣхаль. Причиною его неудовольствiя было, говорящъ, то, что Лиссабонская шаможня дозволила себѣ осмотрѣть вещи, присланныя на имя сего Генерала. Онъ скучаль своимъ мѣстомъ, которое магло ему казаться ссылкою, и воспользовался первымъ случаемъ неудовольствiя, чтобы оставить Португаллiю, къ изумленiю Принца Регенша, а можетъ бытъ и самого Бонапарте. — Спрашныя болѣзни все еще продолжающяся въ Сен - Доминго, и двѣ шреши Французской армiи сдѣлались ея жертвою. Туссень Лувершюръ отвезенъ въ Безансонскую крѣпость, съ однимъ слугою его, Негромъ. — Всѣ Англiйскiя газеты подвержены теперь строгой ценсурѣ во Францiи. Лондонскiе Журналисты, послѣ грозной статьи *Монитёра*, такъ разбранили Консула, что онъ вышелъ изъ терпѣнiя.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

<i>страни. строк.</i>	<i>налет.</i>	<i>типай.</i>	
97	8	изъснялъ	изъяснялъ
111	13	околодкѣ	околошкѣ
116	5	шача лава	шамъ лава
143	24	объ успѣхѣ	объ успѣхѣ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

О К Т Я Б Р Ъ 1802.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Превращенія, или исторія мошки.
Нравоучительная сказка.*

Переводъ изъ Декады.

Я сидѣлъ ввечеру за сполникомъ и хотѣлъ сочинять; но — что не рѣдко случается съ Авторами — у меня не было мыслей; напрасно ломалъ голову, нюхалъ табакъ, вертѣлся на креслахъ; разсердился на самого себя и пошелъ спать, въ надеждѣ, что сонъ освѣжитъ мое воображеніе.

Чего ждалъ, то и случилось; едва закрылъ глаза, и воображеніе представило мнѣ самый чудный сонъ. Прошу не требовать изъясненія: сны всегда темны и безпорядочны; въ нихъ вольнодумецъ не рѣдко бываетъ набожнымъ,

и шопъ, кпо ничему не вѣришь, съ закрытыми глазами вѣришь самымъ нелѣпостямъ.

Мнѣ привидѣлось, что я все еще сижу за своимъ столомъ, ищу мыслей, и не нахожу ихъ — какъ вдругъ говорятъ мнѣ тихо и нѣжно: „возьми перо, и пиши, что скажу тебѣ.“ . . . Я осмотрѣлся вокругъ себя, и не видя никого, вообразилъ, что сей невидимка естъ или мой Геній или самъ Аполлонъ; схватилъ перо и написалъ подъ дикшатурою слѣдующее:

„Я былъ сынъ богатаго сельскаго дворянина, и спростной охотникъ до собакъ; ошъ утра до вечера правилъ зайцевъ и скакалъ безъ памяти по оврагамъ. Однажды лошадь моя споткнулась: я ударился головою объ пень, и вѣ шу же секунду . . . умеръ! . . . Продолжай; испорія моя только начинается.

„Вообрази мое удивленіе, когда я, снова открывъ глаза, увидѣлъ себя зайцемъ! Первые минуты сего новаго бытія веселили меня. „Лучше быть живымъ зайцемъ, нежели мертвымъ человекомъ,“ думалъ я, и прыгалъ ошъ радости; но скоро ужасъ заступилъ ея мѣсто въ моемъ сердцѣ, когда въ лѣсу залаяли собаки . . . бѣгу: онѣ за мною . . . ухожу,

опдыхаю; но черезъ нѣсколько часовъ опять та же испорія, и жизнь сдѣлалась мнѣ несносна. Я узналъ, что ничего нѣтъ хуже, какъ безпреспанно жить въ страхѣ, и завидовалъ собакамъ, копорыя меня спращали; однажды, вышедши изъ перпѣнїя, бросился прямо въ глаза моимъ непрїятелямъ, далъ себя растерзать на мѣкїя части, и такимъ образомъ оспавилъ въ лѣпописяхъ примѣръ зайца - не пруса.

„Судьба хопѣла доказать мнѣ, что и тѣ, копорыхъ многіе боялся, не всегда щаспливы: она переселила мою душу въ прекрасную Датскую собаку и оспавила меня въ услуги сельскому тракпирцику, копорый нѣкогда самъ былъ слугою ошца моего, и копорый обошелся со мною очень ласково; но желая (по словамъ его) сдѣлать меня еще прекраснѣе, опрѣзалъ мнѣ уши и хвостъ. Эта мука была ничто въ сравненїи съ тѣмъ, что я терпѣлъ ежедневно отъ семилѣтняго сына его. Сей злой мальчикъ любилъ меня — ширанилъ съ ушра до вечера, билъ, обливалъ горячею водою, и жалкимъ моимъ визгомъ забавлялъ своихъ нѣжныхъ родителей. Однажды, видя, что слѣпая покорносшь не есть способъ усовѣстить безсовѣстныхъ, я взду-

сталъ перемѣнить тонъ , и до крови укусилъ маленькаго негодяя . . . Страшной шумъ въ домѣ ! Хватаютъ саблю , рогатину . . . Бѣгу со двора ; за мною гонятся верхомъ ; бѣгу какъ сумасшедшій , не смотря на жаръ ; теряю силы и вспрѣчаюсь на дорогѣ съ охотниками , которые , видя красные глаза мои и пѣну у рта , сочли меня бѣшеною собакою и застрѣлили.

„Въ ту же минуту я очутился въ гнѣздѣ , подъ крылошкомъ у прекрасной коноплянки , вмѣстѣ съ двумя другими голенькими пшеницами , и радовался мыслию , что наконецъ оставилъ землю , сирію жестокихъ людей , и буду жить съ любезною матерью въ странахъ воздушныхъ . Обманчивая надежда ! и Философы не даромъ бранятъ ее : она не только людей , но и коноплянокъ обманываетъ . Рука дерзкаго школьника задушила въ гнѣздѣ мать мою , а насъ сиротъ заключила въ узлы рабства . Мы какъ нѣжныя дѣти оплакали ея кончину и рѣшились , будучи въ душѣ Республиканцами , умереть съ голоду въ неволѣ ; братья мои въ самомъ дѣлѣ умерли ; но я , признаюсь , не имѣлъ твердоспи друга Плиніева , и на другой день началъ клевать по немножку , орошая пищу свою горькими

слезами. Недѣли черезъ двѣ мать пирани моего опнесла меня въ подарокъ двадцати - лѣтней госпожѣ своей, которая была прекрасна какъ Ангелъ, любила Стерна и во всемъ околѣнкѣ славилась чувствительностію.

„Въ семь новомъ состояніи неволя имѣла для меня нѣкоторую прелесть. Уже я не боялся жестокости шалуна, котораго ласки были такъ же опасны, какъ досада, и сравнивалъ себя съ Римлянами, щасливѣеи Траяновою милостию послѣ гнусаго Домиціана. Я жилъ въ большой клѣшкѣ, близъ свѣтлаго окна, и наслаждался пріятною картиною полей. Часпо нѣжная рука ласкала меня; часпо любезная госпожа милымъ голосомъ читала оды къ *Жалости* и проливала слезы; я слушалъ, и препенаніемъ своихъ крылошекъ изъяслялъ умиленіе.

„Но вдругъ на бѣду прѣзжаетъ къ намъ въ гости знатная дама изъ столицы; на бѣду я полюбился ей; на бѣду она захотѣла видѣшь меня вблизи, вынула изъ клѣшки, взяла на руку, цѣловала въ головку, въ носикъ, и называла разными милыми именами. Желая изъяснить мою чувствительность къ такимъ ласкамъ, я запѣлъ . . . Гостыя, услы-

шавъ голосъ мой, пришла въ восторгъ, и сказала хозяйкѣ, что я пою прекраснѣе, а буду пѣть еще лучше, еслии она прикажетъ выколошь мнѣ глаза и всякой день играшь подѣ моею клѣпкою на сенинѣтѣ. Любезная госпожа моя послушалась, взяла булавку и собственною рукою совершила операцію. Я ослѣплъ, и не могъ даже плакать; но, подобно слѣпцу Гомеру и Мильпону, хотѣлъ уже запѣть съ грусти въ ту самую минушу, какъ большая кошка взяла штурмомъ мою клѣшку и проглотила меня.

„Я опять съ радостію увидѣлъ себя на волѣ, летающаго по саду въ образѣ жука; но господинъ сада, примѣтивъ меня въ правѣ, схватилъ рукою и закричалъ маленькому сыну своему, копорый ѣздилъ верхомъ на палочкѣ: „сюда! вопѣ тебѣ птица!“ Мальчикъ принялъ меня съ восклицаніемъ адской радости, и въ ту же минушу, слѣдуя мудрымъ наставленіямъ своей мамки, посадилъ живаго на колѣ; но есть, прокололъ насквозь иголкою и, привязавъ къ нипкѣ, пустилъ на землю. Для забавы его мнѣ надлежало летать во время смерпельныхъ мукъ; и когда я опѣ слабости не могъ уже дѣйствовать крыльями, ему

велѣм раздавить меня, какъ ни на что негоднаго.

„Изъ жука я превратился въ червяка, и жилъ спокойно въ навозной кучѣ, упѣшаясь мыслию, что время гонений моихъ прошло, и что гораздо лучше быть лежнемъ, нежели бѣгать по лугамъ и летать по воздуху, спрашивать или веселить людей: два дѣйствія, равно опасныя! Я былъ увѣренъ, что вся скрозная жизнь моя протечетъ въ тишинѣ и въ философическомъ спокойствіи; но. . . . вдругъ сдѣлалась страшная тревога во всей моей навозной кучѣ. Я съ любопытствомъ поднялъ вверхъ голову, чтобы узнать причину, и человекъ, который искалъ въ землѣ червей для невинной забавы уженья, взялъ меня и бросилъ въ черепокъ вмѣстѣ съ другими несчастными товарищами. На другой день онъ пошелъ съ нами на берегъ рѣки, и запѣвъ веселую пѣсню, всунулъ одного изъ моихъ короткихъ прятелей на острое желѣзо, такъ, что оно вошло въ хвостъ, а вышло въ голову. Бѣднякъ вернѣлся на окровавленной удѣ и спрдалъ такъ ужасно, какъ одинъ червякъ спрдавать можетъ, имѣя равную жизнь и чувствительность во всемъ шлѣ. Въ семь соспояннхъ впустили его въ воду,

чтобы служить приманкою для рыбъ. Я смотрѣлъ, ужасался, и думалъ, какъ велика разница между забавою удить рыбу и несною мукою бѣдныхъ живописныхъ, служащихъ привадою! но скоро такая же мука вывела меня изъ глубокой задумчивости, и черезъ минушу я вмѣстѣ съ удою попался въ брюхо карпа.

„У тебя не достанетъ бумаги для описанія всѣхъ моихъ бѣдствій и варварства людей, въ то время, какъ я былъ пулардою, ракомъ и просенкомъ. Меня колесовали, жгли, сѣкли до смерти, чтобы сдѣлать вкуснымъ для нѣкоторыхъ обжоръ. Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ ужасно воспоминашь такія подробности!“

Сонъ мой все еще продолжался. Вдругъ что-то укусило меня въ руку: я взглянулъ, увидѣлъ мошку и раздавилъ ее. Она исчезла, и передъ споломъ моимъ явилась женщина рѣдкой, неописанной красотою.

„Жестокой!“ сказала она: „что ты сдѣлалъ? Ты опять превратилъ меня, и въ этомъ новомъ образѣ подвергаешь еще ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ. Уже не могу опъ людей скрываться; не могу спастись опъ гоненій. Взоры желанія не оставяшь меня въ покоѣ; спыдъ, угрызеніе совѣсти будущъ моимъ жребіемъ —

и (что еще страшнѣе) собственное сердце мое войдетъ въ заговоръ противъ меня съ вѣчными врагами невинности !

„Напечатай мою исторію. Естли она образумитъ нѣкоторыхъ людей, которые онѣ безразсудности мучатъ слабыхъ пварей; естли она вселитъ въ нихъ жалоснѣ, то спраданія моя были не безполезны. Желаю еще, чпобы нѣжныя красавицы сдѣлались оспорожнѣе, а мужчины совѣстнѣе, и переспали играющъ ролю спраспныхъ любовниковъ, не имѣя истинной любви въ сердцѣ — переспали губитъ нѣжную красоту, легковѣрную отъ невинности !“

Я слушалъ прелестную со вниманіемъ, и сердце мое сильно билось; хотѣлъ отвѣчать — и проснулся.

Съ Французскаго.

II.

Волшебной фонарь или картина Парижа.

Во всѣхъ газетахъ писали о страшномъ волненіи, которое произвела въ Парижѣ.. не новая Бонапартиева Консписуція, а Пикарова Комедія *les Provinciaux à Paris.*

Авпоръ представляетъ столицу Франціи со всѣхъ дурныхъ сторонъ; естли ему вѣришь, то она справедливо можетъ назваться столицею пороковъ. Журналисты немилосердо бранили сочинителя, а зрители свистали, однакожь шѣснились въ партеръ и въ ложахъ. Вотъ извлеченіе изъ первой сцены впораго акта, которое представляетъ нѣкоторыя черты дурной картины Парижа. Жеромъ показываетъ въ волшебномъ фонарѣ своемъ (*lanterne magique*) разныя сцены одному богатому жителю провинціи, Гулару, и дочери его, Фаншешъ, не давно прѣхавшимъ въ столицу. Театръ представляетъ темную комнату съ занавѣсомъ, на которомъ изображаются предметы, описываемые Жеромомъ.

Жеромъ. Хотя мы не имѣемъ власти Храмаго бѣса (*Diable boiteux*), который снималъ кровли съ домовъ, однакожь можемъ нѣкоторымъ образомъ подражать ему. (*На занавѣсѣ видѣнъ большой домъ въ пять этажей.*) Смотрите: въ этомъ домѣ болѣе жителей, нежели въ иной деревнѣ. Тамъ, въ анпрсолѣ, дають деньги на ручные заклады; въ первомъ этажѣ играютъ въ карты; во второмъ живетъ на одной сторонѣ Прокуроръ, а на другой Адвокатъ; въ третьемъ ворожея и Жур-

написъ , въ четвертомъ портретной живописецъ и актеръ , въ пятомъ Савояры , разнощики и слуги . Передняя стѣна въ минушу исчезнетъ , и вы потчасъ увидите , что дѣлается въ каждомъ эшажѣ .

Гуларъ. Боже мой ! эштошь домъ есть совершенной Ноевъ ковчегъ ! — *(На полотнѣ изображается комната лихонлица .)*

Жеромъ. Здѣсь , государи мои , занимаются деньги . Смотрише — чего шумъ нѣтъ ! какая смѣсь ! Бриллианты и рубашки , каршины и старые кафпаны , дорогія кружева и худой тафпяной передникъ , часы и запонки ! Смотрише , какъ гордо прикащики слушають бѣдныхъ людей , которые хотятъ занятъ ливровъ 12 и по - нѣскольку часовъ ждуть смиренно своей очереди ! Смотрише , какъ учтиво господинъ дому , лихонмецъ въ рыжемъ парикѣ , подаетъ кресла модной щеголихѣ , которая на 25 тысячъ закладываетъ бриллиантовъ ! Тутъ видите вы нѣжнаго Адониса , желающаго знать , сколько дадутъ ему на портретъ его любовницы , оправленный золотомъ ; тамъ бывший Эмигрантъ со вздохомъ распадается съ крестомъ Св. Лудовика , чпобы нынѣшній день не умереть съ голоду . Видите ли безпрестанное бѣганье между антрсодемъ и первымъ эшажемъ , гдѣ играютъ

въ карты? Такимъ образомъ сближаются люди, имѣющіе нужду другъ въ другѣ! Разсыльщики живутъ не далеко отъ Прокуроровъ, Аптекари отъ Докторовъ, торгующіе винами отъ красильщиковъ, а лихоимцы отъ игроковъ . . . Одинъ, проигравъ деньги, бѣжитъ заложивъ свою табакерку, чтобы отыграться; другой, взявъ *пароли*, спѣшитъ выкупить свой перстенъ, и смотритъ гордо какъ побѣдитель. . . . Теперь вожу васъ въ залу игры. На одной сторонѣ банкъ, на другой *квинтичъ* и *рулетъ* — изобрѣшенія адскаго духа! Кто съ полнымъ кошелькомъ отходитъ отъ одного стола, пошъ на другомъ оснавяетъ всѣ свои луидоры. На домѣ нѣтъ вывѣски; но онъ, къ несчастью, извѣстенъе приходской церкви. Замѣшите сихъ господъ, хорошо одѣтыхъ, кошерымъ дають въ день 56 ливровъ за ию, чтобы они въ картежныхъ домахъ разъ, сорокъ въ часъ повторяли слова: *faites votre jeu, le jeu est fait* (*ставьте — нельзя ставить* (*)). Взгляните со вниманіемъ на игроковъ; смотрите, какъ проворно эготъ зритель хватаетъ луидоръ, оснавленный на столѣ задумчивымъ игро-

(*) Это говоритъ банкиръ *рулетъ*, или кто заступается его мѣсто.

комъ; какъ равнодушно и гордо злпоть богачъ проигрываетъ пукъ своихъ ассигнацій и груды золота, и съ какимъ ошчаянїемъ Коммиссаръ шаможни спавишь на каршу послѣднїй талеръ свой!

Гуларъ. Подлѣ банкира сидишь крестьянинъ, безпреспанно вынимающїй деньги изъ коженаго кошелька.

Жеромъ. Онъ прѣхалъ въ городъ опдашь деньги за наемъ земли своей, но вмѣсто того ихъ проигрываетъ; а дочь его между тѣмъ чипаетъ романы; а машь умильно смопришь на работника, и проч. Такъ городъ дѣйспвуетъ на деревни, и нравы его мало по малу заражающъ сельскихъ жишелей. — Теперь перейдемъ во второй этажъ, въ комнашы Прокурора и Адвоката. Въ спарину писцы важнаго Прокурора бывали обыкновенно молодые люди богатыхъ фамилїй; шеперь они всѣ инвалиды. Между ими видите только одного моладаго человекъ, опданнаго родипелями къ нему въ науку: чтожь онъ дѣлаетъ? сочиняетъ *водевилли* для *булеваровъ*, и пишеть ошибкою послѣднїй каланбуръ свой на гербовой бумагѣ. Но что дѣлаетъ и самъ Прокуроръ? играетъ въ каршы у сосѣда своего, Адвоката, съ Ношарїусомъ и Докторомъ:

одинъ забылъ дѣла, а другой больныхъ своихъ...

Гуларъ. Можетъ быть они скорѣе отъ того выздорѣютъ. — (*На завѣсѣ представляется съ одной стороны Актеръ, а съ другой Журналистъ.*)

Фаншета. Ахъ! какъ ужасно кривляется этотъ человѣкъ!

Жеромъ. Онъ готовится играть роль нѣжнаго отца въ новой Драмѣ, гдѣ въ самыхъ жаркихъ сценахъ ему должно молчать и краснорѣчивою панпомимою прогнать зрителей до слезъ. Авторъ того хочетъ; а вы согласитесь, что это не легко. — Человѣкъ, который въ другой горницѣ пишетъ такъ скоро, есть Журналистъ. Онъ хвалишь всѣ новые романы одною фразою, говоря, что *Авторъ соединяетъ тонкость мыслей съ пріятностію выраженія*; и даже въ самыхъ безобразныхъ произведеніяхъ Госпожи Радклифъ сей добродушной слуга книгопродавцевъ находить *нѣжныя оптѣнки густительности*. Всякой Парижской Липтерапоръ есть для него великой человѣкъ; а ихъ 6663 по самому вѣрному исчисленію Полиціи.

Гуларъ. Боже мой! это цѣлая армія!

Жеромъ. Одинъ сочинилъ 10 романовъ, другой шараду, третій оперу или календарь. Поэты эпическіе, лирическіе,

водевиллисты, мадригалисты, эпиграммачислы, сочинители девизовъ и надписей для шинковъ — всѣ называются Литтераторами. Одни вмѣшиваютъ стихи въ прозу, другіе прозу въ стихи; у всякаго есть свой Лицей, свой Музеумъ, гдѣ онъ играетъ великую роль. — (*На завѣсѣ являея Пале - Рояль, называемое нынѣ Пале - дю - Трибуна.*)

Гуларъ. Ахъ! какъ я радъ, что вижу это зданіе! Объ немъ уже давно намъ прожужжали уши.

Жеромъ. Взгляните на аркады, кофейные дома, аукціонныя залы, большія вывѣски съ золотыми буквами, голубыя, красныя, желтыя, бѣлыя объявленія, которыми залѣплены стѣны; взгляните на портреты, висящіе надъ лавками: шупъ изображены бабушки въ *робъ - рондахъ*, дочери ихъ въ *полонезахъ*, внуки въ *туникахъ*, а дѣщи ихъ въ Мамелюкской одеждѣ; шупъ видите парикъ прехбукольной 1786 году подлѣ страшнаго пучка 1789 году, Типовой головы седьмага Республиканскаго лѣта, *фаворитовъ* и *лети - леровъ* девятого лѣта. — Замѣшьте эпова Ипаліянца съ огненными глазами, Англичанина съ наблюдапельнымъ взоромъ, Турка въ шараварахъ, Шопландца въ южкѣ, шолскаго поспавѣика, блѣднаго

заимодавца Республики, глубокомысленныхъ Полишиковъ, копорые грѣются на солнцѣ, и глупыхъ людей, копорые ихъ слушающъ со вниманіемъ — не справедливо ли назвали Парижъ столицею міра, а Пале-Рояль столицею Парижа?

Фаншета. Здѣсь люди тѣсняшся какъ у насъ въ церковныхъ дверяхъ, когда отойдетъ вечерня.

Жеромъ. Взгляните на высокаго человека въ поношеномъ кафтанѣ: эшо обѣдала. Прежде у нихъ былъ общій мундиръ: черной кафтанъ и бѣлые шелковые чулки. Они болѣе всего отличались искусствомъ прыгать съ камня на камень, не мара я ногъ въ грязи; за споломъ обыкновенно раздающъ кушанье; ѣдяшъ съ удивительною скоростію и плащяшъ за обѣдъ комплименстами. Говоряшъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ наши средспво большую часть дня проводятъ за споломъ: въ часъ являющся въ предмѣстїи Сен-Марсо, въ два часа идушъ въ Маре, въ при бѣгушъ въ улицу Сен-Дени, а шамъ въ Сенш-Оноре, и наконецъ въ 6 часовъ заключающъ дневный подвигъ свой въ Шоссе д'Анпень (*).

(*) Въ Сен-Марсо живутъ по большой части ремесленники и всегда обѣдаютъ въ часъ; Маре славится набожностію своихъ жителей.

Голаръ. Вотъ дѣйствіе Парижскаго воздуха! У насъ въ провинціи не умѣютъ такъ ѣсть.

Жеромъ. Взгляните на этого лавошника, котораго мѣряетъ фальшивымъ аршиномъ, но стыдился не заплашить денегъ въ срокъ по векселю. Для чего во всякомъ состояніи добродѣтельные люди служатъ исключеніемъ! Каждое ремесло имѣетъ правила для обмановъ и чести. Игрокъ плашитъ долги, но воруетъ въ картахъ; слуга крадетъ изъ пѣхъ денегъ, которыя вы даете ему на покупку, но не пронетъ кошелька, лежащаго у васъ на столѣ; самый разбойникъ грабитъ иногда по выбору! — Видите ли этого молодого провинціала, котораго лицо изображаетъ легковѣріе и спокойствіе безпечной невинности? онъ дожидается пушечнаго выстрѣла, чтобы повѣрить часы свои (*); а вокругъ его собираются между тѣмъ плуты, въ надеждѣ какъ нибудь обмануть неосторожнаго. Теперь часъ биржи. Всѣ улицы вокругъ

которыя садятся за столъ въ 2 часа, чтобы не опоздать къ вечернѣ; въ Сен - Дени живутъ лавошники, въ Сенш - Оноре богатые купцы, а въ Шоссе д' Аншенъ банкиры и нынѣшніе милліонщики.

(*) Тамъ въ полдень всегда стрѣляетъ пушка.

Пале - дю - Трибюна заспавлены карешами, фіакрами, кабріолешами. Съ шести часовъ ушра маклеры и цѣновщики скакали по всему Парижу; записныя книжки ихъ наполнены векселями на Гамбургъ, Лондонъ, Кадиксъ, а карманы пробями сахара, кофе, пшена, шоколада, и проч.

Голаръ. Ихъ можно назвашь подвижными лавками.

Жеромъ. Смотрите, какъ они ходятъ взадъ и впередъ; останавливаются и спрашиваютъ другъ друга съ безпкойнымъ видомъ. А шамъ видите ажѣстеровъ, шайныхъ маклеровъ, не имѣющихъ патента на свое ремесло. Они бѣгаютъ пѣшкомъ едва ли не скорѣе товарищей своихъ, которые ѣздятъ въ каретахъ; продаютъ, покупаютъ и снова продаютъ дома, земли, контракты; даютъ деньги за бумагу и бумагу за деньги. — Бьетъ шесть часовъ: они всѣ спѣшатъ къ ресторашерамъ, не жалѣютъ ни луидоровъ, ни желудковъ своихъ, и выбирая любыя изъ семидесяти - осьми блюдъ, не думаютъ, что можетъ бышь въ двухъ сажняхъ отъ нихъ умираешь челсвѣкъ съ голоду!

Фаншета. Какое удивительное мѣсто! какъ мнѣ хочется побывашь въ немъ!

Жеромъ. Честныя женщины въ ясной полдень едва смѣютъ шамъ показаться, и лю на минушу — и шо съ кѣмъ нибудь.

Фаншета. Чшо вы говорите! я вижу множество женщинъ, прекрасно одѣтыхъ — копорья шамъ гуляющъ.

Жеромъ. Я не могу и не хочу сказать вамъ всего. . . .

III.

О Воображеніи.

Воображеніе — *рука ума*, по словамъ Свифта, копорю мысленно касаемся до самыхъ отдаленныхъ предметовъ, и копорой волшебное осязаніе украшаетъ всякую вещь — естъ прелестъ, сила и мука жизни; причина и средство удовольствій, горестей, добродѣтелей и пороковъ, великихъ дѣлъ и преслупленій. Оно имѣетъ вліяніе на все, чему удивляемся, что ненавидимъ, любимъ и презираемъ.

Одно холодное равнодушіе и безсмысліе, одна старость или угрюмая мудрость, одни глупцы и больные свободны отъ его плѣнительныхъ очарованій и несчастій. Оно даетъ намъ иногда прозорливостъ, но всего чаще обманываетъ

насѣ излишнею надеждою. Воображеніе есть облако, въ которомъ таинся дождь плодотворный, гроза ужасная, молнія ослѣпляющая, громъ смертоносный. Оно творитъ будущее, воскрешаетъ минувшее, соединяетъ отдаленныя эпохи; цвѣтитъ, поритъ, разрушаетъ; образуется, усиливается, слабѣетъ; имѣетъ свои дни и часы, подобно лихорадкѣ; свои бури и мѣли, подобно Океану; свою силу и болѣзнь, подобно всему человѣческому. Оно уязвляетъ себя, исцѣляется, мучится, наслаждается, волнуется, упирается; изумляетъ насѣ своею слабостію и силою, блескомъ Генія и мракомъ глупости, величіемъ и ничтожностію. Царствуя въ мірѣ умственномъ, оно не рѣдко бываетъ рабомъ дурачества, которыя господствуютъ въ мірѣ существенномъ, и, по словамъ Вольтера, кажется бѣглецомъ изъ дома сумасшедшихъ.

Пифагоръ увѣрялъ, что онъ видитъ во снѣ души, не только мертвыхъ, но и живыхъ, оплывая всегда душу вдовую отъ души связанной тѣлесными узами.

Кеплеръ вообразилъ, что небесныя движенія размѣрены такъ же, какъ струны, которыхъ звуки составляютъ октаву.

Тихо - Браге, который справедливо шутилъ надъ забавнымъ мнѣніемъ уче-

наго Кеплера, съ ужасомъ шелъ домой, когда ему встрѣчался на дорогѣ заяцъ.

Великій Гугенсъ думалъ, что вся Астрономія заключается въ числѣ *ше-сти*, которое онъ называлъ *совершеннымъ*, ибо оно равно съ суммою часней своихъ: 1, 2 и 3.

Другіе — и при томъ славные люди — говорятъ, что Адамъ былъ изгнанъ изъ Эдема единственно за то, что онъ излишно плѣнялся умозрѣніемъ Метафизики. Декартъ приписывалъ свѣтъ дѣйствию шариковъ, разсѣянныхъ во вселенной и гнѣпущихъ наши глаза, когда солнце толкаетъ ихъ, такъ на примѣръ, говоритъ онъ, какъ одинъ конецъ палки гнететъ меня, еспли толкну ея къ себѣ съ другога конца. Парацельсъ увѣрялъ, что онъ нашелъ Философскій камень. Зенонъ не вѣрилъ движенію. Эмпедоклъ божился, что онъ былъ дѣвцею, мальчикомъ, деревомъ, пѣпухомъ и китомъ. Авторъ Провинціальныхъ Писемъ и трапаша о равновѣсіи жидкостей, Паскаль, тридцати - осьми лѣтъ видѣлъ безпрестанно ужасную бездну, и закрывалъ ее опъ глазъ своихъ спуломъ. Жанъ - Жакъ Руссо спрашилъ всякой ласки, находя въ ней злой умыселъ, и предпочиталъ ей всякую ядовитую брань

непріятелей, думая, что они по крайней мѣрѣ не кошяпѣ обольстятъ его!

Лейбницъ, читая медицинскую книгу, воображалъ, что онъ имѣетъ болѣзнь, въ ней описанную. Любезный Бернаръ всякое упрѣ перзалъ себя мыслю о томъ, что наканунѣ веселило его. Въ разговорѣ, который далъ ему способъ блиспаать умомъ своимъ и забавлялъ его друзей, онъ, подумавъ, находилъ множество причинъ беспокоиться. Улыбка одобренія, нѣжная хвала и знаки леснаго дружества порпились, такъ сказать, въ его воображеніи и казались ему ядовитсю насмѣшкою и знакомъ ненависни.

Науки физическія, сильныя идеи Генія, глубокая Философія, Липпература, нѣжныя и кропкія чувства, главная прелестъ жизни! вы даете огонь воображенію, которое, часто пылая, дѣлается или плѣнительнымъ чарованіемъ или Фурією; находить жезлъ Цирцеинъ или змѣй Мегериныхъ. Оно рѣдко пворитъ щастливыми пѣхъ, кого прославляетъ; имѣетъ слабости непонятныя, и гонитъ челоука въ могилу такою мыслю, которая размѣшила бы самага ребенка. Его жнимыя бѣдствія неопвратимы, мнныя язвы неисцѣлимы, какъ скоро ему преда-

дима. Болѣзнь воображенія есть самая ужасная.

(Переводъ изъ *Journal de Paris.*)

IV.

Нынѣшнiе Арабскiе сказочники, Поэты и мудрецы.

Изъ новаго Египетскаго путешествiя
гражданина Денона.

Генераль Дезе и я (говоритъ Г. Денонъ), умирая отъ скуки въ Жиржѣ, нашли забаву въ Арабскихъ сказкахъ. Арабы рассказываютъ медленно, и переводчики наши успѣвали повпоряпъ за ними каждую фразу. Они все такъ же любятъ повѣсти, какъ и въ спарину, по есть во время Султана Скъеразада и *Тысячи одной ноги*. Мы нѣкопорымъ образомъ играли ролю Султановъ. Память Генерала Дезе была такъ удивительна, что онъ могъ пересказывать слышанное отъ слова до слова. Въ надеждѣ на его обѣщанiе повпоряпъ мнѣ любую сказку съ начала до конца, я ничего не записалъ; однакожь вообще замѣтилъ, что Арабскiя испорiи не богаты истинными и шрогашельными подробностями (доспоинспво, которое

особенно принадлежатъ севернымъ повѣствователямъ); онѣ наполнены чрезвычайными происшествіями и сильными изображеніями страстей. Похищенія, замки, темницы, ядъ, кинжалы, ночныя сцены, ошибки, измѣны и все, что запутываетъ исторію и дѣлаетъ развязку трудною, употребляется ими разсказчиками съ великою смѣлостію; и, не смотря на то, исторія кончится всегда хорошо, ясно, удовлетворительно: вотъ достоинство изобрѣтателя; но разсказчикъ можетъ хвалиться складомъ и выраженіемъ, которые имѣютъ великую цѣну для слушателей. Бываетъ, что одну повѣсть разсказываютъ сряду трое или четверо съ равнымъ успѣхомъ: одинъ выражаетъ хорошо трагическія мѣста и любовныя чувства; другой описываетъ лучше сраженія и всякіе ужасы; а третій умѣетъ смѣшить — однимъ словомъ, эпоихъ спектакль; они безъ скуки слушаютъ повторенія, такъ какъ мы въ первой разѣ идемъ въ театръ для пьесы, а въ другой для игры актеровъ, и проч. Послѣ исторій обыкновенно начинаются разсужденія и споры, полезныя для талантовъ, которые не рѣдко бываютъ въ такой чести и славѣ, что составляютъ форшуну семейства и даже цѣлой орды.

Арабы имѣютъ и Поэтовъ, копорыхъ они зовутъ на свои пиршеснива, и копорые сочиняютъ стихи на всякой случай, безъ приговора. Народъ пѣвается ими; но я въ переводѣ ихъ стиховъ не нашелъ ничего, кромѣ вздорныхъ аллегорій и пусной игры словъ. Сии Поэты всегда отличаютъ себя сираиносиями, чины ихъ болѣе уважали; но намъ казались они сумасшедшими, опврашищельными и жалкими. Арабскіе расказики, по моему мнѣнію, гораздо лучше ихъ стихопорцевъ.

Генералъ Дезе распрашивалъ одного Арабскаго Ученаго о громѣ. Онъ опвѣчалъ ему съ видомъ увѣренія: „Мы знаемъ, „что это Ангель; но такой маленькой, „что его не лзя примѣнить въ воздухѣ, „хотя имѣетъ великую силу и паскаетъ „на плечахъ облака отъ средиземнаго „моря до Абиссиніи. Когда злоба людей „доходитъ до крайности, онъ гремитъ „своимъ голосомъ, ужасая злодѣевъ, и „въ доказательство, что можеть наказывать, „распоряетъ небесную дверь, изъ „копорой сіяетъ молнія. Но милосердіе „Божіе такъ безпредѣльно, что въ Вышнемъ Египтѣ гнѣвъ Его никогда не „имѣлъ дальнѣйшихъ слѣдствій.“ — Не лзя безъ нѣкопорого изумленія слышать

такую нелѣпую сказку отъ важнаго спарика съ длинною сѣдою бородою. Дезехотѣлъ ему иначе изъяснить сей феноменъ ; но Арабскому мудрецу показалось его изъясненіе совсѣмъ невѣроятнымъ!

V.

Б е р е з ъ.

Послѣ бури и волненья,
 Всѣхъ опасностей пуши,
 Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
 Въ приспань мирную войши.

Пусть она и неизвѣстна!
 Пусть ее на картѣ нѣтъ!
 Мысль, надежда имъ прелестна
 Тамъ избавишься отъ бѣдъ.

Естьли жь взоромъ открываютъ
 На берегу друзей, родныхъ,
О блаженство! восклицаютъ,
 И летятъ въ объятья ихъ.

Жизнь! ты море и волненье!
 Смерть! ты приспань и покой!
 Будетъ шамъ соединенье
 Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу . . . вы манише
 Насъ къ миспическимъ брегамъ ! . .
 Тѣни милыя ! хранише
 Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ !

 VI.

Старой левъ и звѣри.

Басня.

Всѣ звѣри на поклонѣ пришли ко леву въ
 пещеру ;
 Левъ былъ и старъ и дряхлѣ ; онъ шуму не
 любилъ ,
 Услужливыхъ гостей къ себѣ онъ не просилъ ;
 Не ко всему имѣлъ онъ вѣру ;
 Онъ былъ уменъ — и для него
 Покой милѣе былъ всего.
 Однакожъ принялъ левъ своихъ гостей учтиво.
 Всѣ въ голосъ начали кричать ,
 Бранишь другихъ , себя жъ какъ можно вели-
 чать ;
 Такое общество и межъ людьми не диво.
 Волкъ началъ говорить , что всѣхъ смѣлѣе онъ ;
 Лисица , что она хитрѣе ;
 Медвѣдь , что всѣхъ звѣрей конечно онъ сильнѣе.
 „Какіе дураки ! ворчалъ шихонько слонъ :
 Хомятъ блеснуть въ глаза и удивишь собою ;
 А кто изъ нихъ въ умѣ равняется со мною?“

И началъ слонъ болтать о подвигахъ своихъ.

„Что нужды мнѣ до нихъ?“

Сказалъ левъ наконецъ, все потерявъ шерсть: :

Спускайте по домамъ!

Вы очень всѣ умны — я знаю цѣну вамъ —

Но для меня ума дороже снисхожденъе.

Овечка милая останется со мной;

Она не хвалится своею острошюй ,

И вашихъ качествъ не имѣетъ;

Но мнѣ съ ней хорошо : она любитъ умѣетъ.“

Чипашель согласится самъ ,

Что въ спарости не умъ — а сердце нужно
намъ.

В. Пушкинъ.

VII.

*Ловля жемчужныхъ раковинъ на островѣ
Цейланѣ.*

Сія ловля въ шепи Кондачейской представляетъ весьма любопытное явленіе. Вообразите себѣ нѣсколько тысячъ людей изъ разныхъ земель и различныхъ видовъ, цвѣшомъ лица, языкомъ и поступками. У всякаго на берегу своя полашка, или шалашъ, и лавка съ раскладенными товарами. Къ сему надобно прибавишь

безпрестанное движеніе лодокъ, плывущихъ отъ берега или къ берегу. Такое зрѣлище есть совершенно новое для Европейца, особливо когда ввечеру всѣ лодки возвращаются. Всякой хозяинъ бѣжитъ безъ памяти на вспрѣчу, ожидая сокровищъ; неудача прошедшаго дня не мѣшаетъ надѣяться на будущій: ибо важные Браны увѣряютъ ихъ, что швердая надежда есть вѣрная порука щасья.

Малескіе воины и начальникъ ихъ соблюдаютъ порядокъ. Тутъ собирается множество ювелировъ, маклеровъ, всякаго роду купцовъ, практирщиковъ; но большая часть занимается жемчугомъ. Одни разбираютъ его по величинѣ, употребляя на то широкія мѣдныя лопатки, въ которыхъ сдѣланы разной мѣры отверстія; другіе продаютъ его на вѣсъ; иные провертываютъ въ жемчужинахъ дыры и снизываютъ ожерелья, которыя шутъ весьма дешевы.

Дурной запахъ отъ гнѣющихъ раковинъ такъ заражаетъ воздухъ и производитъ такое множество насѣкомыхъ, что людямъ непривычнымъ несносно быть тамъ. Дороговизна во всемъ бываетъ страшная; надобно покупать даже и хорошую воду, ибо тамошняя весьма нездорова. Чрезвычайный жаръ днемъ, холодъ ночи,

сильныя росы и запахъ гнилости раждающъ въ сихъ мѣспахъ опасныя болѣзни.

Многіе люди разоряются во время ловли, покупая дорогою цѣною раковины и часно не находя въ нихъ ничего. За то многіе и богатѣютъ. При мнѣ одинъ простой работникъ купилъ за мѣдной *факамъ* (копѣекъ семь) три раковины, и нашелъ въ одной изъ нихъ превеликую жемчужину:

Лодки не всѣ принадлежатъ Цейлану; многія приходятъ съ Коромандельскаго и Малабарскаго берега. Въ 10 часовъ вечера спрѣляютъ изъ пушки, и всѣ плывутъ въ море. На разсвѣтѣ водолазы опускаются и работають до самаго вечера. Приближаясь къ берегу, поднимаютъ на каждой лодкѣ флагъ для извѣщенія хозяина, и спараются все выгрузить за - свѣпло. Прилѣжные водолазы собираютъ въ день тысячь тридцать раковинъ.

На лодкѣ бываетъ 20 человекъ и пять камней для десяти водолазовъ. Сіи камни всегда гранишныя, округленныя снизу и сверху, вѣсомъ фунтовъ въ 30. Когда найдется ихъ болѣе пяти на лодкѣ, то людей строго наказываютъ.

Въ Европѣ напрасно думаютъ, что водолазы натираютъ себя масломъ, зажимаютъ ротъ, носъ и уши; они не зна-

юпѣ ни пузырей, ни гибкихъ трубокъ, посредствомъ которыхъ можно дышать въ водѣ. Сии Индѣйцы съ ребячесива привькающъ къ морю и глубинѣ. Водолазной камень и сѣтъ привязаны къ лодкѣ двумя веревками: человекъ спановится на нихъ ногами, берется правою рукою за веревки, а лѣвою запыкаетъ себѣ носъ и бросается въ воду. Ставъ на дно, обвязываетъ сѣтъ вокругъ шеи, и спѣшипъ наполняетъ ее раковинами, пока можетъ быть въ морѣ, по еспѣ минуты двѣ; наконецъ дергаетъ за веревку, и его вытаскиваютъ. Тутъ онъ выпускаетъ изъ себя воду, которая вошла ему въ носъ и въ ротъ, и ложится отдыхать; а другой на мѣсто его опускается. Изъ иныхъ льется даже кровь горломъ; но это не мѣшаетъ имъ снова работать. Каждой собираетъ раковинъ пятьдесятъ въ минуту, и опускается разъ шестьдесятъ, еспѣли что нибудь чрезвычайное не помѣшаетъ тому. Хозяинъ обыкновенно даетъ рабочникамъ четвертую часть раковинъ; иногда же платитъ и деньгами.

Славнѣйше водолазы бывающъ Малабарскіе; они такъ искусны, что опускаются безъ камней и за большую плашу остающъ въ водѣ минутъ семь. Все-

го страшнѣе для нихъ морскія собаки или акуллы. Правленіе нанимаеишь колдуновъ, чѣобы они заговаривали сихъ хищныхъ живоиныхъ. Колдуны произносаишь на берегу какія - то варварскія слова, и не веаишь работникамъ ничего ѣспъ во время ловли, дозволяя имъ однакожь пишь вино и водку. При мнѣ морская собака опорвала ногу у водолаза, и главноаго чародѣя поиребовали къ опшѣишу: онѣ сказаь, чѣо одна спарая волшебница, по зависии и злобѣ, уничпожила силу его заклинаній. Какъ скоро покажется морская собака, то водолазы подаюишь знакъ, и лодки удааюишься. Хозяинѣ продаеишь иногда раковины еше не открьвѣ ихъ; онѣ раскладываюишься на берегу или зарываюишься въ землю, чѣобы успирица въ нихъ умерла.

Люди, которыми должно разнимать раковины, всегда находятъ способъ воровать, какъ за ними ни смопряишь. Работники соглашаюишься между собою, чѣобы одинѣ изѣ нихъ нарочно показываь, будшо хочешъ украсишь: а между шѣмъ другіе въ самомѣ дѣлѣ крадуишь. Кшо находитъ большую жемчужину, тотѣ подаеишь знакъ поварищу, копорый явно прячешъ тогда маленькую жемчужину; надзирашеть и работники бросаюишься на

него ; а истинный воръ, пользуясь замѣшательствомъ , скрываетъ свою добычу , и послѣ дѣлился съ другими. Иногда работники еще и въ лодкѣ крадутъ лучший жемчугъ изъ раковинъ ; онъ бываетъ видѣнъ , пока устрица жива , и съ обѣихъ сторонъ окружаетъ ротъ ея. Индѣйцы страннымъ образомъ изъясняютъ его происхожденіе, говоря, что онъ рождается изъ капли росы и луча солнечнаго. Одинъ Брама сказывалъ мнѣ , что жемчугъ образуется въ Маѣ мѣсяцѣ , подѣ созвѣздіемъ *Соате*, когда устрицы выходятъ на поверхность моря. Мы сами еще не знаемъ вѣрно, какъ онъ дѣлается ; но мнѣніе Реомюра есть самое вѣроятнѣйшее : онъ думаетъ , что жемчугъ составляетъ подобно другимъ камнямъ во внутренности животныхъ изъ ихъ соковъ , которые , сливаясь съ чуждыми тѣлами , на примѣръ съ пескомъ , твердѣютъ слой за слоемъ. Иногда бываетъ въ одной устрицѣ 200 жемчужинъ. Самыя дорогія изъ нихъ въ Цейланѣ должны быть золотого цвѣта и блестящія. Я видѣлъ одну величиную съ пистолетную пулю.

Около 15 Апрѣля всегда начинаются сильныя вѣтры , и ловлю должно кончить. Почти всѣ водолазы Каполики, и по Воскресеньямъ не работаютъ , а ходятъ въ

селеніе Арипоо къ обѣднѣ. Морскія собаки и пакже не рѣдко мѣшаютъ работникамъ, и въ два мѣсяца ловли едва ли работаютъ водолазы дней 55 или 40.

По замѣчаніямъ и собраннымъ мною свѣдѣніямъ думаю, что жемчугъ созрѣваетъ лѣтъ въ семь. Жаль, что водолазы никогда не бросаютъ назадъ въ воду маленькихъ и пустыхъ раковинъ. Можно предвидѣть, что это небреженіе рано или поздно совсѣмъ истребитъ Цейланскую жемчужную ловлю, такъ, какъ она истребилась на берегахъ Персіи, южной Америки и Швеціи.

Кондачейская Провинція есть обширная, песчаная степь, по которой изрѣдка разсѣяны хижины. Въ сей части острова много пигровъ, кабановъ, Цейланскихъ армадилловъ и змѣй. — Натуралистъ, которій захотѣлъ бы провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Манарѣ, маленькомъ островкѣ близъ Яфны, нашелъ бы шамъ весьма любопытные предметы, никѣмъ еще не описанные.

VIII.

Описание примѣчанія достойной картины Французскаго живописца Жироде.

Дѣйствіе сей картины, написанной для Перваго Консула, удивительно. Художникъ доказалъ своимъ Эндиміономъ, что онъ можешь плѣнять простопою, когда хочешь; а теперь доказываетъ, что умѣешь изобрѣсти многосложную Поэму, и, слѣдуя правиламъ Искусства, соединишь всѣ части въ одно цѣлое.

Содержаніе картины есть слѣдующее: Руководствуемая Побѣдою, тѣни Французскихъ Героевъ, умершихъ за отечество, входящъ въ воздушномъ жилищѣ къ тѣнямъ Осіана и Героевъ его, которые торжествуютъ съ ними праздникъ дружества.

Надобно вспомнить, что, по древнему преданію Шотландскихъ Бардовъ, души или тѣни умершихъ воиновъ съ торжествомъ и при звукѣ арфъ соединяются съ тѣнями своихъ предковъ въ облачныхъ обителяхъ славы. Тамъ онѣ управляютъ стихіями и наслаждаются снова всѣми земными удовольствіями. Каледоніане (Шотландцы) воображали, что души имѣютъ еще нѣкоторое тѣлесное бытіе, могутъ являться въ образѣ людей, гово-

ришь, и, по словамъ Оссіана, исчезають въ туманѣ холмовъ, въ лучахъ мѣсяца, и проч. Воины всего болѣе спрашивались молчанія Бардовъ о дѣлахъ ихъ, думая, что пѣнь Героя, невоспѣпаго ими, должна скипаться вмѣстѣ съ пѣнями *робкихъ*, жить надъ болошами и сливаться съ ядовитыми парами ихъ. — Сими чертами сѣверной Миеологіи Гражданинъ Жироде воспользовался въ Поэмѣ своей такимъ образомъ:

Древній Бардъ Морвенскій, Фингалъ, лишенный *свѣта огей*, выступаетъ съ своими Героями; за нимъ бѣгутъ вѣрные лсы его; онъ опирается на копье свое и наклоняется обнять Генерала Дезе. Клеберъ подаетъ Фингалу руку въ знакъ союза, а другою несетъ, вмѣстѣ съ Генераломъ Дезе, трофеи Мамелюкского оружія. За ними является Кафарелли съ Турецкими разорванными знаменами. Марсо съ удивленіемъ взираетъ на Оссіана: Генералы Дампьеръ, Дюгомье, Гошъ, Шампіоне и Жуберъ выражаютъ такое же чувство; надъ ними развѣваются знамена Австрійскія. Побѣда ведетъ Французскіе легіоны, осѣненные трофеями; въ одной рукѣ держитъ она связку пальмъ и лавровъ, а другою съ улыбкою подаетъ Героямъ Каледоніанскимъ оливу; звѣзда

сіяетъ у нее надъ головою, и яркииъ лучемъ свѣта изображаетъ блестящій пучокъ ея. Лапуръ д' Овернь, первой гнадеръ Республики, видѣнъ во впоромъ ряду съ своими шоварищами; шапки ихъ увипны оливвами; они идупъ съ барабаннымъ боемъ. Въ прешемъ ряду споянъ Генералы Кильменъ, Марбо и Дюфо. Далѣе, въ вышней странѣ воздуха, сквозь шонкіе пары едва примѣпны гусары, изъ кошорыхъ иные забавляющся ловлею звѣрей, и проч.

На другой споронѣ картины стоиптъ Оскаръ, сынъ Оссіановъ, подлѣ Фингала, своего дѣда; за нимъ Кокуллинъ, Царь Донскарской, другъ Фингаловъ; копье его переломлено. Другіе воины показывають Французамъ трофеи побѣдъ своихъ: знамя, лапы и орла Легіоновъ Римскихъ. Надъ головою Царя Морвенскаго, кошораго шлемъ осѣненъ крыломъ орлинымъ и ярко освѣщенъ воздушнымъ метеоромъ, видны ряды предковъ его; они спускаются изъ вышнихъ странъ атмосферы. Комгалъ, отецъ Героя, держиптъ копье; сѣдые волосы вокругъ лица его развѣваются; воинъ трубиптъ въ рогъ; другой поетъ военную пѣснь; прочіе несутся, облокотясь на свое оружіе. Тренморъ, дѣдъ Царя Морвенскаго, опирается на скипешръ; на головѣ его корона;

вокругъ багровый метеоръ. Всѣ они съ удивленіемъ смотрятъ на Французскихъ Героевъ. Молодая Шотландки играютъ на разныхъ орудіяхъ; другія плещутъ вѣнки. Вдали, при свѣтѣ воздушнаго явленія, видны старый Бардъ и дочь его; они играютъ въ честь Французскимъ воинамъ, которые рукоплесканіемъ изъявляютъ свое удовольствіе. Молодая женщины, въ легкой шуманной одеждѣ, подаютъ гостямъ вѣнки; другія усыпаютъ ихъ путь цвѣтами; нѣкоторыя предлагаютъ имъ пише въ раковинахъ. Два воина, изъ которыхъ одинъ имѣетъ на лицѣ знаки глубокихъ ранъ, пьютъ здоровье Оссіана, и махая шляпами, украшенными оливою, славятъ миръ.

Эвираллина, супруга Оссіанова, и Мальвина, супруга Оскарова, стоятъ подлѣ Царей; руки ихъ прикасаются къ золотымъ арфамъ. Одна выражаетъ крепкое удивленіе, другая нѣжную стыдливость. Два свѣтлые метеора блистаютъ надъ ихъ головами, и лучи ихъ сливаются въ яркомъ свѣтѣ. За ними видны воины Лохлинскіе, которые напрасно хотятъ прервать шоржество мира; одинъ ударяетъ ефесомъ въ щитъ Морвенскаго воина, — другой, воспаленный злобою и завистію, движетъ мечъ въ рукѣ своей

и грозно смотритъ на Французскихъ Героевъ; но никто изъ нихъ не удостоиваетъ его вниманія.

Далѣе видѣвъ Царь Лохлина, свирѣпый Спарно, врагъ Фингаловъ, покрытый желѣзною броней; у него кинжалъ за поясомъ, на конторѣ виситъ черепъ, служащій ему сосудомъ для пивья. Онъ схватилъ за волосы и хочетъ ударить мечемъ Агандену, дочь свою, любовницу Фингалову, которая видѣвъ съ женами Морвенскими сдѣшала воспрѣпить Французовъ; но молодой Республиканецъ бросается къ ней на помощь — одною рукою удерживаетъ мечъ Спарновъ, а другою разитъ сего варвара, который, падая, въ ярости грызетъ оружіе, измѣнившее злобу его.

Орелъ летитъ сквозь облако, въ которомъ движущаяся всѣ сіи пѣни. Видя бдительную пшиду, которая есть символъ Республиканскаго Генія, и которая окружена блестящимъ сіяніемъ, онъ выпускаетъ изъ когтей голубя и съ ужасомъ летитъ прочь. Божественный пѣтель, вооруженный громовою стрѣлою и споящій на связкѣ пальмы, оливъ и лавровъ, которую несетъ Побѣда, распускаетъ крылья свои какъ спасительный щитъ, укрывая подъ ними невиннаго,

робкаго голубя. Звѣзда сіяетъ въ низу картины, означая вышнюю сферу атмосферы, въ которой представляется сіе зрѣлище, и которая освѣщена одними метеорами. Всѣ фигуры картины *местительны*, кромѣ символическихъ птицъ и Побѣды, изображенныхъ художникомъ въ дѣйствительномъ бытіи.

Мы не отваживаемся судить о такой картинѣ, а можемъ только говорить объ ея дѣйствіи на зрителя. Двѣ вещи поражаютъ его: великая сложность и чрезмѣрное сіяніе, слѣдствіе воздушныхъ метеоровъ, которыми освѣщена вся картина, и которые надъ воинами Морвенскими блѣдны, а надъ Побѣдою, предшественницею Французскихъ Героевъ, ярки и лучезарны. Чѣмъ касается до сложности, то она пребудетъ особеннаго вниманія; но разсмотрѣвъ части, зритель постигаетъ ихъ связь, остроумныя мысли художника и гармонію Поэмы, прѣвѣдственную для глазъ и разума.

Группа Французскихъ Героевъ исполнена души и жизни. Многія головы суть дѣйствительные портреты, такъ, что ихъ всякой узнаетъ. Художникъ изобразилъ лицо Генерала Клебера печальнымъ и горестнымъ; кажется, что онъ, бывъ жертвою подлаго убійцы, завидуешь слав-

ной смерти Генераловъ Дезе и Марсо, которые споянѣ рядомъ съ нимъ.

Спарецъ Оссіанъ, который встрѣчаетъ нашихъ Героевъ, изображенъ прекрасно. Отецъ его Фингалъ съ крыломъ орлинымъ и яркими лучами вокругъ шлема представляетъ въ себѣ нѣчто дикое и необыкновенное, сообразное съ пѣмъ характеромъ, который даетъ ему Оссіанъ въ Поэмахъ своихъ. Комгалъ, отецъ его, является въ отдаленіи и въ парахъ; еще далѣе и темнѣе показывается старый Тремморъ, предокъ Морвенскихъ Героевъ; подобно великому привидѣнію, онъ теряется въ облакахъ.

Сии двѣ воинскія группы различны между собою; но въ рѣзкой, совершенной и щастливой противоположности съ ними является любезная группа Морвенскихъ женщинъ, которыя встрѣчаютъ нашихъ Героевъ съ золотыми арфами и цвѣтами. Ихъ лица не Французскія милыя и не Греческія прекрасныя, хотя они и ближе къ симъ послѣднимъ; такія черты можно найти только въ Англійскихъ или Шотландскихъ красавицахъ. Видно, что художникъ, взявъ ихъ за образецъ, дошелъ въ мысляхъ своихъ до совершенства красоты, свойственной ихъ климату во времена героическія. Какъ бы

по ни было, но сію любезную часть картины своей онъ такъ одушевилъ выраженіемъ, красками и формами, что зритель всегда съ новымъ восторгомъ усматриваетъ на нее глаза свои.

Можетъ быть въ нѣкоторыхъ частяхъ сложность и разнообразіе дѣйствій производятъ замѣшательство... Видно, что живописецъ работалъ въ пылу воображенія, желая съ одной стороны представить весь пѣнический міръ Оссіановъ, а съ другой всю славу Республики. Естли онъ ошибся, то мы скажемъ: „щасливы и рѣдки художники, которые могутъ такимъ образомъ ошибаться!“

Изъ Декады.

IX.

О ревности.

Не многія спрасти такъ ослабляютъ человека и вовлекаютъ его въ такія заблужденія, какъ ревность. Она малѣйшее подозрѣніе обращаетъ въ увѣренность; видитъ вездѣ фаншомы и любитъ умножать собственныя безпокойства; граничитъ съ завистію, и происходитъ болѣе отъ гордости, нежели отъ нѣжнаго чувства.

Щаспливые прелестники знаютъ, что есть только одинъ способъ утвердить сердце въ вѣрности; а именно: честные поступки, благообразныя убѣжденія, великодушная довѣренность — ихъ только они бояшся, и считающъ правиломъ, что трудность свиданія дѣлаемъ побѣду легкою; что спротивъ надзирающаго рождаемъ снисхожденіе въ красавицѣ, а подозрительность ухищремъ ее въ обманахъ. *Недовѣрчивость*, сказалъ одинъ Авторъ, *клицетъ измѣну*; и въ шѣхъ земляхъ, гдѣ запираютъ женщинъ, первый знакъ благосклонности есть безмолвное дозволеніе быть дерзкимъ при первомъ случаѣ.

Можно присматривать за женщиною; но сохрани Богъ, еслии она это узнаетъ! Безполезность ревности должна насъ предохранять отъ нее. Безъ Евноховъ и Сераля (также не всегда надежныхъ) принужденіе ни къ чему не служишь, особливо, еслии связь уже *готова въ сердцахъ*; оно мѣшаетъ глупцу, но умному знапоку даетъ способъ блеснуть талантомъ. Большая часть нѣжныхъ переговоровъ совершается на письмѣ въ кабинетахъ, и когда публика узнаетъ *предварительныя условія*, тогда уже самый *трактатъ* подписанъ. И сколько другихъ

адскихъ хитростей, о которыхъ самой тонкой человѣкъ не имѣетъ идеи, и которыми онъ часто помогаетъ, желая разрушить ихъ!

Если трудно помѣшать связи, то не легче и скрыть ее. Оснорожность не долговременна, и мало по малу обращается въ нескромность; благоразуміе засыпаетъ въ успѣхѣ. Сколько разъ все прошло даромъ! для чего и еще не пройти? Съ одной стороны оснорожности уменьшаются, а съ другой подозрѣніе увеличивается: смотрятъ, слушаютъ, примѣчаютъ — и минута все опкроетъ; тогда несчастіемъ цѣлой жизни надобно заплатить за нѣкоторыя удовольствія, купленные и безъ того очень дорого, то есть цѣною принужденія, страха, угрызений совѣсти. Положимъ, что женщина и сохранитъ любовь, почтеніе супруга; но будетъ ли она щастлива, зная, что недоспойна ихъ? Чѣмъ нѣжнѣе сердце, тѣмъ безцѣннѣе для него собственное уваженіе. Сверхъ того живыя удовольствія опвращаютъ насъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ пріятностей. Привычка къ шайношамъ, къ непостоянству, къ первымъ восторгамъ любви, опасна; средства ея долговременны — и когда мы ихъ

лишаемся, тогда всѣ другія чувства кажутся слабы; сердце помится въ волненіи и сохнетъ въ равнодушїи; всякую минушу нѣтъ для насъ чего - по необходимому - и воспоминаніе дѣлается мукою.

Молодая красавица, прельщаемая сими удовольствїями, должна подумашь: „Красавица не долговременна. Я могу блисташь ею нѣсколько лѣтъ и плѣняшь сердца, удовлетворяя моему вкусу и щеславїю; но вѣроятно, что самыя побѣды сдѣлаюшъ мнѣ горе, и минуша заблужденїя можетъ навсегда погубишъ меня. Не лучше ли удалиться отъ опасности и посвятить молодость на основанїе швердаго щастїя, которое не зависить отъ лѣтъ, не знаетъ раскаянїя и ведетъ за собою почтенїе людей, вмѣстѣ съ собственнымъ уваженїемъ?“

Ревносить мужа есть обида для жены, для него скромное признанїе, а для любовника самая лестная похвала; ибо мужъ другими словами говоритъ ему: „Я имѣю, прошивъ тебя выгоду старшинства, власти, обязанности и безопасной удобности, но боюсь, чтобы тебя не предпочли.“ Правда, что любовникъ имѣетъ также свои выгоды: новосить, запрещенїе и препятствїе.

Ревность мужчинамъ свойственнѣе, нежели женщинамъ — особливо нехорошимъ — особливо старикамъ; а всего свойственнѣе пѣмъ, которые сами бывали ея предметомъ. Она гораздо обыкновеннѣе въ нижнихъ классахъ общества, нежели въ первомъ; въ нихъ думаютъ, что женщина можетъ быть только любовницею; но свѣтской челоуѣкъ вѣритъ и другимъ пріятнымъ связямъ (хотя вѣритъ не слѣпо) и не только зависитъ отъ предрасудка, который невиннаго подвергаетъ стыду виноватаго. Въ свѣтѣ мы не рѣдко видимъ связи, которыя только похожи на любовь. Привязываются къ женщинамъ отъ лѣности, скуки, тщеславія, удобства; для того, чтобы пріятно кончить день, быть корешкимъ въ ея обществѣ, имѣть меньше обязанностей въ разсужденіи другихъ женщинъ и знать объ нихъ множество анекдотовъ. Такая связь есть дружеская, оборонительный и наступательный союзъ, а не любовь. Иногда другъ говоритъ языкомъ Селадона, но только изъ учтивости; иногда объявляетъ даже и требованія, но также изъ учтивости!

Можно иногда подивиться равнодушію мужа къ вѣтреностямъ жены; но пре-

зрѣніе къ челоуѣку, скука надзиранія, миролюбіе и желаніе бытъ свободнымъ дѣлають многихъ Философами.

(Сѣ Француз.)

Х.

О Самоубійствѣ.

Въ Парижѣ недавно вышла книга подъ титуломъ: *Разговоры о самоубійствѣ*. „Г. Гильйонъ, Авторъ сего полезнаго сочиненія (говоритъ Гж. Жанлисъ въ своемъ Журналѣ) взялъ за эпиграфъ три строки изъ приказа, отданнаго Первымъ Консуломъ 22 Флореаля: *Предаваться горести безъ сопротивленія, убивать себя, чтобы избѣжать ее, есть оставлять поле сраженія безъ лавра побѣды*. Какую силу должны имѣть сіи прекрасныя слова, когда Бонапарте говоритъ ихъ! Какой Философъ дерзнетъ назвать самоубійство героическимъ дѣйствіемъ, еслии Первый Консулъ признаетъ его малодушіемъ? Писатели - Филантропы исполняютъ священную должность, возставая противъ Софисповъ, развращителей народа; но одни Герои могутъ ознаменовашь стыдомъ нѣкошорыя дѣла, служащія иногда предме-

помѣ удивленія. Ихъ мнѣнїе должно быть оракуломъ. Единственная дань признательности, достойная благошворителей человѣчества, состоитъ въ томъ, чтобы способствовать имъ въ добрѣ и слѣдовать за ними на славныхъ путяхъ добродѣтели.

„Въ книгѣ Г. Гильюна много прекрасныхъ чувствъ и разсужденій. Жаль только, что Авторъ мало пользовался Исторіею; онъ могъ бы доказать ею 1) что тѣ не многіе изъ великихъ мужей древности, которые убивали себя, слѣдовали единственно движенію совершеннаго опчаянїя или порочнаго самолюбія; что мудрые современники осуждали ихъ, и что сіи самоубійства имѣли гибельныя слѣдствія для отечества; 2) что самоубійцы и въ древнїя и въ новыя времена были почти всѣ или злодѣи, или развратные люди, безъ правилъ, или юности, ослабленные страстію; 3) что книги, въ которыхъ оправдывается самоубійство, умножили число сихъ пресупниковъ. Несчастный, ненавидя жизнь, легко рѣшится умерщвить себя, когда Писатели, имъ уважаемые, хвалятъ такое дѣло. Я расскажу здѣсь примѣчанїя достойный анекдотъ, который доказываетъ сіе бѣдственное вліянїе.

„Бодчель, остроумный Англійскій Писатель, былъ родственникъ славнаго Аддиссона. Онъ вмѣстѣ съ нимъ писалъ *Зрителя* и другіе Журналы. Всѣ піесы, означенныя въ *Зрителѣ* буквою X, его сочиненія. Аддиссонъ старался обогатить Бодчеля; но онъ моталъ, разорился послѣ Аддиссоновой смерти, и бросился наконецъ въ Темзу, оставивъ въ компаніѣ своей слѣдующую записку: *What Cato did and Addison approv'd, cannot be wrong; то есть: то сдѣлалъ Катонъ и Аддиссонъ оправдывалъ, то не можетъ быть дурно.* Извѣстно, что Аддиссонъ сочинилъ трагедію, *смерть Катону*. Авторъ исполь нравоучительный не оправдалъ бы самоубійства въ Христіянинѣ, но дозволилъ себѣ хвалить его въ Катонѣ, и прекрасный монологъ: *It must be so... Plato, thou reasonst well,* избавилъ несчастнаго Бодчеля отъ угрызенія совѣсти, которое могло бы спасти его отъ самоубійства. Хорошіе Авторы! думайте о слѣдствіяхъ того, что вы пишете!“

XI.

Удивительное дѣйствіе воображенія.

Одинъ славный Физикъ, издавъ прекрасную книгу о дѣйствіяхъ воображенія, желалъ еще присоединить опытъ къ умозрѣнію, и Министръ дозволилъ ему сдѣлать его надъ преступникомъ, осужденнымъ на смерть. Нашъ Физикъ пришелъ къ сему несчастному (который былъ знашнаго рода) и сказалъ ему: „Государь мой! друзья вашей фамиліи выпросили у Министра, чѣобы васъ не казнили на эшафотѣ, а пустить вамъ кровь изъ четырехъ жилъ. Такимъ образомъ вы не почувствуете ужасовъ смерти.“ Преступникъ былъ тѣмъ доволенъ. Ему завязали глаза, положили его на столъ и шпихонько укололи въ четырехъ мѣсцахъ, поставивъ на столѣ четыре маленькіе фонтана, наполненные теплою водою, копорая текла на него. Осужденный, думая, что это кровь, началъ ослабѣвать мало по малу. Слѣдующій разговоръ двухъ Медиковъ, нарочно шуда приведенныхъ, еще болѣе утвердилъ его въ сей мысли. . . . „Какая чисная кровь! Жаль! онъ могъ бы жить долго“ Тише! сказалъ другой, и подошедши къ нему; спросилъ, пакъ, чѣобы преступникъ могъ слышать его: сколько крови въ человѣкѣ? —

„24 Фунта; теперь уже вытекло болѣе десяти; онъ скоро умреть.“ ... Послѣ чего Медики отошли далѣе. Молчаніе, которое царствовало въ комнатахъ, и журчаніе воды такъ сильно подѣйствовали на мозгъ сего несчастнаго, впрочемъ весьма твердаго сложеніемъ, что онъ угасалъ постепенно и наконецъ умеръ, не пошевавъ ни капли крови. —

(Изъ Фр. Журн.)

XII.

Замѣчаніе о громѣ.

Ученый Испаліянецъ, Г. Балипоро, пишетъ къ издапелямъ Декады слѣдующее:
 „Я замѣшилъ, что громъ никогда не падаетъ на сѣверную часть домовъ, башенъ, колоколенъ и проч. Долговременныя наблюденія меня въ томъ удостовѣрили.
 „Тридцать лѣтъ сряду я проводилъ весну и осень въ моемъ замкѣ, спаринномъ, высокомъ зданіи; — всегда, когда началась гроза, уходилъ въ сѣверный флигель его, и тѣмъ избавлялся отъ опасности: ибо молнія почти всякой годъ зажигала полуденную или воспочную сторону сего замка.“ — Наблюденія Французскихъ ученыхъ согласны съ симъ замѣчаніемъ, любопытнымъ и полезнымъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Политическіе отрывки гражданина Эшассерио (одного изъ лучшихъ политическихъ Авторовъ Франціи).

Народъ, живущій среди морей, беспре-
шанно стремится овладѣть ими. Флоты
составляющіе его силу; и границею его
торговли скоро будетъ граница міра.
Главное искусство такого народа есть
искусство богатѣть. Морскія силы, пра-
вила государственнаго хозяйства, законо-
дательство, честолюбіе, все, все устрем-
лено къ одной цѣли — къ превосходству
торговли. Ссорить Державы твердой зе-
мли, чтобы господствовали на моряхъ;
вездѣ заводить колоніи; сдѣлать другіе
народы данниками своей промышленности,
золотомъ покупать союзы и нанимать
арміи для поддержанія колосса силы своей:
вотъ его политика! Ему должно возвы-
шаться всѣми средствами богатства и
власти до послѣдней степени величія,
когда число его людей будетъ уже недо-
статочно для занятія и правленія всѣхъ
опущенныхъ странъ, имъ завоеванныхъ;

или когда внутреннее развращеніе нравовъ истребишь силу государственную, и сдѣлаешь его жертвою непріятелей. Такова была участь Картагена, и таковъ будетъ жребій всякой морской Державы, которая присвоиваетъ себѣ господство надъ Океаномъ.

Честолюбіе народовъ твердой земли бываетъ иного роду; на развитіе и періоды ихъ силы дѣйствуютъ другія причины. Островитяне, повелѣвающие морями, не знаютъ границъ, кромѣ береговъ; народъ твердой земли останавливаетъ всѣ народы, его окружающіе.

Только одинъ разъ судьба явила на землѣ примѣръ народа (*), который, не смотря на всѣ препятствія Натуры и на сопротивленіе цѣлаго свѣта, стремился овладѣть вселенною.

Нѣкоторые народы имѣютъ великія средства умножить силу свою, но не имѣютъ искусства ими пользоваться, и навсегда остаются въ ничтожествѣ. Другіе съ малыми средствами, но силою своего Генія и случаевъ быстро возвышаются.

Государство, заключенное самою Натурою въ тѣсныхъ предѣлахъ и долженствовавшее, для утвержденія бышя сво-

(*) Римскаго.

его, побѣдишь многочисленныхъ жестокихъ непріятелей, всегда стремишься испровергнуть все то, что можетъ противиться его щастію. Сосѣдственные народы, слабые и несогласные, будутъ ему повиноваться. Оно сдѣлается власполюбивымъ по системѣ; и чего не пріобрѣнешь оружіемъ, то покорить хитростію и союзами; почувствуешь нужду въ содержаніи многочисленнаго войска, въ мудромъ государственномъ хозяйствѣ и въ строгихъ правилахъ. Еслили начальники его великіе люди, — то оно безпрестанно должно возвеличиваться до самаго того времени, какъ забвеніе правилъ, утвердившихъ его силу, ошибки въ политикѣ, слабость правленія или опасности чрезмѣрнаго величія разсвоятъ его гармонію, испровергнутъ колоссъ и все обращать въ ничтожество.

Первый шагъ многолюднаго государства, которое просвѣщается, есть узнать силы свои; второй пріобрѣсти уваженіе союзами и великими планами; третій означить свое могущество завоеваніями и колоніями; а четвертый наконецъ есть увѣришься въ сей вѣчной истинѣ, что для всякой Державы назначена граница, за которую она не можетъ перейти безъ великихъ бѣдствій.

И въ древности и въ наши времена видимъ государства, служащія примѣромъ всѣхъ возможныхъ поспешностей щастія.

Державы, имѣющія великое влѣяніе, не всегда бывающъ излишно властоподобны. Даже и въ то время, когда онѣ возвышающяся симъ влѣяніемъ, слѣдствіемъ ихъ природныхъ выгодъ, — и въ иное время, говорю, судьба возвращаетъ имъ только ихъ истинныя права, упраченныя ошибками или слабостію Политики. Въ такомъ состояніи находится нынѣ Франція. Подобно рѣкѣ, которая спѣе быспраго спре-мленія вылилась на время изъ береговъ своихъ, она бѣ буряхъ Революціи и въ жару побѣдъ выступила изъ предѣловъ; но снова вошла въ нихъ, и должна тамъ остаться для своего щастія и спокойствія Европы. Чего ей теперъ желать? войны ли, новыхъ ли завоеваній? Войну начинающъ единственно для того, чпобы усилихся или обогатихся. Уже 50 милліоновъ людей повинующяся законамъ Республики: чего болѣе?.. Богатства ли желать ей, когда она владѣетъ самыми богатѣйшими и плодосенѣйшими странами въ Европѣ? Народы, живущіе въ изобиліи благъ земныхъ, не опасны для свободы другихъ. Они щасливы, и желаютъ только наслаждахся плодами своей

торговли, промышленности, свободы, гражданственности, искусствъ и наукъ. Вопль ихъ истинное величье и цѣль! Тогда единственно могутъ они выступить изъ своихъ предѣловъ, когда безумное властолюбие ослѣпитъ ихъ правителей, и когда забудутъ исторію Французской Революціи.

Въ Европѣ нынѣ при степени государствъ: одни по своей натурѣ стремятся къ возвышенію, другія довольны тѣмъ, что имѣютъ, и думаютъ единственно о своей защитѣ; а нѣкоторыя упадаютъ. Надобно прибавить къ нимъ еще тѣ государства, которыя остаются равнодушными зрителями приключеній и почти всегда должны плашить за революціи.

Я говорилъ о большихъ Державахъ: будемъ говорить о малыхъ. — Область, которая въ самомъ началѣ своемъ являетъ признаки сильнаго характера и съ успѣхомъ отражаетъ бѣдствія, гораздо опаснѣе старой, флегматической Державы, находящейся уже въ послѣдней эпохѣ бытія своего. Не лзя предвидѣть, до чего можетъ достигнуть первая съ помощію своего Генія, мудрыхъ Правителей и щасливыхъ обстоятельствъ.

Теперь нѣтъ въ Европѣ ни одной малой области, которая имѣла бы при-

знаки будущаго величія. Революція потрясла землю, и шакъ успрашила слабыя Державы, что все ихъ власполюбіе исчезло. Сильныя государства въ разсужденіи ихъ суть боги Олимпна, которые сражаются надъ головами смертныхъ.

Государство, имѣвшее нѣкогда блескъ и славу, но давно уже спящее неподвижно на одной степени, часно показывается, что оно лишилось начала дѣятельности и жизни, и преступило границу силы своей. Сія Держава должна скоро погибнуть, еслии чрезвычайный случай или какой нибудь великой человекъ не воскреситъ истиннаго духа ея.

Великія государства держатся только прудностію завоевать ихъ, а малыя легкостію быть завоеванными. Ревность и совѣспничество первыхъ хранитъ ихъ; когда же большія согласны, тогда начинаютъ дѣйствовать ихъ честполюбіе, и малыя дѣлаются его жертвою.

Безсильныя обласпи могутъ упѣшаться шѣть, что онѣ не имѣютъ честполюбія силы, всегда сопряженнаго съ безпокойствомъ и самою опасностію; могутъ упѣшаться мыслію, что онѣ были нѣкогда часно великихъ государствъ, и что необходимыя перемены въ вѣщахъ

человѣческихъ возвращаютъ ихъ со временемъ на прежнее мѣсто.

Нѣкоторыя государства держатся самымъ тщательнѣе, что разрушаетъ многія: древности учрежденій и нравовъ своихъ. Иногда предрассудки управляютъ разумомъ народовъ. Освященное временемъ противится разрушительному духу челоуѣка.

Есть немалыя области, которыхъ вліяніе на судьбу народовъ совсѣмъ неспрашно въ Полиники; а именно, *союзныя* (*). Почти всѣ онѣ родились отъ угнетенія, и духъ ихъ стремится единственно къ защитѣ и сохраненію бытія своего, которое можетъ быть долговременно, если судьба не вовлекаетъ ихъ въ революціи или не сближаетъ съ сильными государствами. Союзныя области имѣютъ три славныя эпохи: первую, когда онѣ свергаютъ иго тиранства; вторую, когда даютъ себѣ конституцію; а третью, когда граждане ихъ вооружаются за свободу отечества и нисходятъ во гробъ безсмертія. Ихъ революціи суть прекраснѣйшее зрѣлище для чувствительнаго Философа; а постыдная ихъ эпоха есть та, когда ино-

(*) На примѣръ, Швейцарія, Соединенныя Американскія Области, и пр.

спранныя Держава черезъ деньги присвоиваетъ себѣ власиь надъ ними, закупаая главныхъ чиновниковъ. Союзныя области могутъ удалить сию опасность одною строгою нравственностію. Между ими есть Республика, которая нынѣ обращаетъ на себя взоры всѣхъ друзей человечества, и должна дѣйствіемъ Природы и своихъ политическихъ учрежденій быть нѣкогда главою другой части міра.

Я не могу оставить сего предмета, не сообщивъ еще нѣкоторыхъ идей. — Характеръ и степень просвѣщенія различаютъ народы. Философы замѣтили при вещи, которыя дѣйствуютъ на ихъ политическое бытіе: климатъ, правленіе, народное воспитаніе. Я прибавляю къ нимъ еще другую причину, имѣющую великое вліяніе на ихъ судьбу; а именно, дѣйствіе войны, революцій и завоеваній. Нынѣ государства, которое въ продолженіе бытія своего не измѣнялось бы отъ сихъ прехъ необходимостей судьбы человеческой. Еслили они не поработаютъ земли, то утверждаютъ силу ея. Государство, которое долгое время имѣло междоусобную войну, дѣлается внѣ, страшнымъ; оно есть Геркулесъ, привычный къ побѣдамъ.

Государство, которое само собою произвело свою революцію, совершаетъ ее всегда съ великимъ блескомъ и щасливымъ успѣхомъ; но естли революція сдѣлана чужою Державою, то оно можетъ быть только на минушу свободно, и дѣлается жерпвою безначалія, самовластїя или другихъ государствъ: ибо великая *сила революціонная* находится не въ немъ, а внѣ его.

Нѣкоторыя Державы вовлекающя въ революціи отъ того, что онѣ хотящъ остановить ихъ: другія бывающъ сильно потрясены ими.

Завоеванія Аппилы, Тамерлана, Ченгисхана, Магомета и грозныхъ военачальниковъ пятого вѣка, свергнули мїръ въ варварство, суевѣріе и рабство. Исторія прокликаетъ сихъ разрушителей.

Геній нѣкоторыхъ завоевателей извлекъ многіе народы изъ рабства, образовалъ и просвѣтилъ ихъ. Древность оплакивала смерть Александрову и сожалѣла, что полководцы, бывшіе наследниками его великаго государства, не наследовали его Генія, имѣя не силу, а только безпокойство и слабость честолюбїя. Иначе страны, имъ покоренныя, отъ дѣйствїя революцій, пропекающихъ землю, не впади бы такъ скоро въ варварство.

Завоеванія сѣвера на югѣ испребили Искуссва и Науки; завоеванія юга на сѣверѣ просвѣтили землю.

Жалуются на завоевателей; но мы никогда не видали бы завоеваній, естли бы не было испорченныхъ или несогласныхъ народовъ. — Я кошѣлъ бы здѣсь упомянуть о другомъ челоѣкѣ, въ которомъ Природа воскресила, кажется, Героя Македонскаго, и который черезъ завоеванія и великія перемѣны полипическія имѣлъ на свой ѣѣкъ и на часпъ земли шакое же сильное вліяніе. . . . но онѣ споитѣ шеперь передѣ судилищемѣ попомства.

Двѣ вещи властвуютѣ надѣ народами и судьбою челоѣческой; онѣ, подобно доброму и злomu Началу, дѣлятѣ землю между собою: просвѣщеніе и невѣжество. Невѣжество ввергаетѣ народы въ рабство; просвѣщеніе возноситѣ ихъ ко слаѣ и щасшію. Господство варварскихъ народовъ естѣ знакѣ испребленія всѣхъ свободныхъ идей. Паденіе народа, просвѣщеннаго всѣми знаніями гражданспвенности, естѣ бѣдствіе для челоѣческаго роду. Оно два раза случилось въ мірѣ. Греки и Римляне, просвѣтилипели его, оспавили за паденіемѣ своимѣ двадцать вѣковѣ суевѣрія и рабства. Быше сихъ двухъ народовѣ

въ темной ночи варварства кажется лучемъ, сіяющимъ надъ могилами. Одно сильное напряженіе человѣческаго духа и щасливѣйшее соединеніе случаевъ, которое бываетъ только однажды въ мірѣ, могло вывести народы изъ сего печальнаго состоянія.

Великія происшествія и открытія перемѣняли отъ времени до времени образъ міра. Сіи перемѣны не отъ людей зависѣли. Я говорю здѣсь единственно о тѣхъ причинахъ, которыя находятся во власти и въ естествѣ человѣка, дѣйствующи въ всѣхъ вѣкахъ на судьбу народовъ и могутъ быть полезны для законодательей. Между сими причинами есть моральныя и физическія, которыя имѣютъ скорое или медленное вліяніе на государства, возвышаютъ или низвергаютъ ихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ суть дѣло рока; большая часть зависитъ отъ человѣческаго искусства и благоразумія.

Иногда государства гибнутъ или упадаютъ на многіе вѣки отъ ошибки въ Полипикѣ, отъ истребленія великихъ учрежденій или забвенія древнихъ правилъ. Другія возраждаются отъ Генія великаго человѣка или отъ одного установленія. Нѣкоторыя гибнутъ отъ злоупотребленія силы своей; иныя отъ из-

лишняго распространенія, или отъ того, что не умѣють пользоваться своимъ могуществомъ.

Правилиъ государствомъ труднѣе, нежели основаиъ его. Для послѣдняго нужно только мужество, для перваго сила Генія и великодушіе добродѣтели.

Въ жизни государствъ, подобно какъ въ человѣческой жизни, бываютъ трудныя положенія. Горе тѣмъ, копорыя необходимо должны быть завоевателями или поработченными, взявъ чью нибудь сторону, когда двѣ сильныя Державы воюють, или копорыя входяиъ во сферу великаго государства, начинающаго свою революцію! Одна необыкновенная мудрость Полипики можетъ тогда спасти ихъ бытіе или независимость.

Всего труднѣе для государства, дошедшаго до нѣкоторой степени щастія и силы, останоиться на ней; причина, копорая возвела его на сію степень, не рѣдко влечетъ его далѣе. Вся Полипика сей Державы должна устремлена быть на отраженіе случаевъ, побуждающихъ ее выйти изъ границъ своихъ. Истинное могущество находится въ умѣренной силѣ; за нею только опасности и бѣды. Есть слава, есть величіе, покупаемое

щѣнною щаспїя; мечты властолобїя кроушь подѣ собою бездну.

Всего ближе къ паденїю то государство, которое испоуцаетѣ всѣ способы свои для блеска и хочетѣ поддержать власпѣ свою насилїемъ.

Держава, вышедшая однажды изѣ обыкновенной сферы своей и достигшая до особеннаго величїя, удерживается на сей степени единственнo пѣми средствами, черезѣ копорыя она взошла на оную: сильнымъ народнымъ духомъ, швердостїю характера, патриотизмомъ гражданъ. Оптимизме сїи великїя средства, и Держава ниспадаетъ вѣ прежнюю сферу или гибнетѣ.

Нѣкоторыя государства возвышаются безѣ системы и правилъ, не мудростїю людей, а дѣйствїемъ случая. Никакое препятствїе, никакое явленїе не предусмотрено; никакое дѣло не обдуманно; все шеряется вѣ легкомыслїи и непостоянствѣ; видно одно слѣпое, ненадежное щаспїе.

Никакой народъ не имѣлъ такихъ мудрыхъ правилъ вѣ войнѣ и мирѣ, внѣ и внутри, какъ Римляне; ихъ прозорливость никогда не усыпала, и самыя нечаянныя обшпоятельства, самыя необыкновенныя опасности не изумляли ее.

Искусство, одно искусство обращало всё революціи въ пользу Рима и вознесло сей удивительной народъ выше всѣхъ другихъ тогдашняго міра; паденіе Римской Имперіи было эпохою забвенія сихъ правилъ.

Примѣчайте народъ: естли древнія правила, основавшія его благоденствіе, наблюдающіяся, по государство во всей силѣ своей; естли же ихъ ославляють, по оно клонится къ паденію.

Правила имѣють величайшую власть надъ мнѣніями и дѣлами, и сіяють во всемъ блескѣ, когда ихъ забвеніе произвело бѣдствія, и когда возобновеніе сихъ правилъ требовало великихъ жертвъ. — Нѣкоторые люди въ чрезвычайныя времена имѣють еще болѣе вліянія, нежели правила: люди, которые оказали опечесству великія услуги, одарены высокою добродѣтелію, были тинимы и начальствовали мнѣніемъ; и шѣ люди — хотѣль бы я прибавишь — которые въ спрашныя времена были ужасомъ народа. . . . но тогда надлежало бы признашь вліяніе злодѣйства. . . .

Чѣмъ болѣе слабѣють правила въ государствѣ, шѣмъ умнѣе должны бышь его властители. — Мы видимъ народы въ древности, которые управлялись старинными заблужденіями и великими пред-

разсудками. Просвѣщенные народы имѣютъ довѣренность къ однимъ правиламъ и великимъ дѣйствіямъ ума, симъ двумъ источникамъ свободы и гражданскаго просвѣщенія.

Люди сооружали храмы идоламъ, моральнымъ чувствамъ, предметамъ сираха и любви своей. На землѣ не было бы сполько угнетенія, революцій и бѣдствій, когда бы гражданскія общества изъявляли священное уваженіе къ правиламъ и чистымъ понятіямъ ума. Властители! законодатели! шамъ, гдѣ собирается совѣщъ вашъ, долженъ споятъ ихъ достоучимый образъ, еспьли вы любите свободу и народное щасіе.

Сильнѣйшіе на землѣ народы, дерзующіе поднимать голову въ полипическихъ буряхъ, суть тѣ, копорыхъ гражданская свобода зависить не отъ прапата, союза или чуждаго вліянія, но отъ силы ихъ учреждений. Они всегда отражаютъ завоевателей, пока хранятъ чистоту нравовъ, или пока время внупреннаго разрушенія еще не наступило. Учрежденія суть, шакъ сказать, гранишныя скалы, на копорыхъ ушверждается соспояніе гражданственности.

Къ симъ мыслямъ о разныхъ вещахъ, копорыя имѣютъ вліяніе на судьбу на-

родовъ, я прибавлю еще одну идею. Три вѣка терзала Европу зависть великихъ Державъ. Союзы и заговоры возбудили много бурь, произвели много бѣдствія; но сіи нещасія были кратковременны. Зависливыя Державы обагрjali землю кровію, и пишали раздоръ въ свѣтѣ. Присоединяя народы къ своему честолюбію, онѣ двадцать разъ вовлекали ихъ въ войну; двадцать разъ играли судьбою государствъ. Сіе нещасное соспоянiе могло бытъ слѣдствіемъ единственно того, что Европа не имѣетъ *правъ государственныхъ*, которыя должны ограничивать дѣйствія просвѣщенныхъ гражданскихъ обществъ, находящихся въ связи между собою. Недостатокъ въ вѣрныхъ законахъ народнаго права раждаетъ несогласныя мнѣнія, которыя раждаютъ политическія несогласія; а сіи производятъ войну, гибель конституцій и государствъ.

Древніе народы, которыхъ бытіе основывалось на войнѣ, слѣдовали законамъ самой жестокой Политики, спорили между собою о владычествѣ надъ извѣстными тогда часпями міра и не переспавали губить другъ друга. Нещаснымъ правиломъ ихъ было: *горе любъжденнымъ!* Храмъ Янусовъ не затворялся до испребленія врага. Не должно тому

дивитсья : они не имѣли средствъ убѣжденія и благодѣтельныхъ связей общаго блага.

Гораздо чуднѣе покажется, что народы, коихъ бытїе основано на искусствахъ и мирной промышленности ; которые почти всѣ имѣють одни нравы, одну Религію, одну пользу безопасности, щастїя и независимости — что сіи народы, говорю, воють какъ варвары, и будучи гражданами просвѣщенной Европы, находясь между собою въ сосѣянїи дикой Натуры.

Мысль ужасная для человѣчества . . .

Нѣтъ государства, страны, колонїи ; нѣтъ важнаго на земномъ шарѣ пункта, который не былъ бы предметомъ войны и страшнаго кровопролитїя — ибо народы не имѣють общихъ законовъ войны и мира ; до того времени не будетъ между ими согласїя, пока ихъ власнители не подпишутъ сего великаго устава — и еслили нынѣшняя эпоха не освятитъ его, то нѣтъ и надежды видѣть спокойствїе міра.

Къ щастїю есть сила, которая умѣряетъ сіе ужасное состоянїе, возстановляетъ гармонїю, хранитъ народы, сближаетъ и не даетъ имъ испреблять другъ друга ; она есть дѣйствїе торговли,

искусствѣ и наукѣ. Властители народовъ! будьте ихъ покровителями! онѣ суть твердѣйшая связь обществъ.

Всѣ упомянутыя мною причины имѣютъ разное вліяніе на разные народы. Ихъ дѣйствіе теряется, такъ сказать, по мѣрѣ удаленія. Въ сего круга видимъ народы, между которыми Полиника или Натура не дозволяетъ бытъ связямъ. Менѣе просвѣщенія, менѣе независимости; менѣе возможности усилився и менѣе причинъ разрушенія; менѣе честлюбія, но болѣе спокойствія и надежности: вотъ стихіи полипическаго бытія сихъ народовъ! Революціи бывають у нихъ рѣдко; гдѣ, что въ другомъ мѣстѣ потрясаетъ основаніе государствъ, едва трогаеть шамъ ихъ поверхность. Если теперь и были въ древности такіе на землѣ народы. Ихъ соспояніе можно перемѣнить завоеваніемъ, но и тогда ихъ нравы не перемѣняются.

Въ другомъ положеніи находятся тѣ народы, копорые сближены другъ съ другомъ плодородными землями, свойствомъ климата или иными случаями. Геній, просвѣщеніе, сильныя политическія спраспи, перемѣны, все сообщается, все распространяетъ свое вліяніе. Тутъ Философъ можеть въ великой картинѣ наблюдать

судьбу человѣческую , и видѣть какъ благошворныя дѣйствія общеспвеннаго состоянiя , шакъ и нещасныя слѣдствія полишической жизни ; видѣть въ государспвахъ напечатлѣнiя законодательспва , силу разныхъ учреждений , глубокiе и кровавые слѣды честолюбiя , власть предразсудковъ , ужасную игру народной ненависти и сраженiе несогласныхъ пользъ. Здѣсь - то дѣйствуютъ разныя причины успѣха , силы и паденiя государспвъ ; здѣсь несущся волны революцiй и совершаются великiя измѣненiя полишическiя ; здѣсь соединяющся для различнаго дѣйствiя великiя влiянiя и законы , копорымъ Творецъ физическаго мiра подвергнулъ, кажется, мiръ полишическiй. — Въ такомъ соспоянiи находится Европа , которая сдѣлалась главнымъ средопочiемъ народовъ , и въ которой рѣшился судьба земнаго шара. Сколь нужно , чшобы сiя часть мiра просвѣпилась всѣми благодѣштельными познанiями гражданскаго искусства !

II.

*О посредствѣ Россіи и Франціи въ
дѣлахъ Германіи.*

(Изъ Французскаго Журнала.)

Сь самаго того времени, какъ прапашъ Люневильскій сдѣлался извѣстенъ, можно было предвидѣшь, что седьмая спашья его будетъ маперією долговременныхъ переговоровъ. Германія, оспавленная на ея собственный произволь, могла ли когда нибудь ушвердитъ новый раздѣлъ свой? и какимъ образомъ? сего не знали самыя ученые Полипики. Медленность Имперскаго Сейма въ шеченіе осьмнадцати мѣсяцевъ никого не удивляла и была ничто иное, какъ новое повпореніе его всегдашней медленности. Несогласіе разныхъ выгодъ требовало посредниковъ. Франція и прежде съ мудроспью и славою брала учаспие въ дѣлахъ Нѣмецкой земли: Вестфальскій прапашъ оспался великимъ того монументомъ; а новѣйшій безъ сомнѣнія не уступитъ ему ни въ мудроспи, ни въ славъ.

Въ Минснерѣ и Оснабрикѣ Франція рѣшила судьбу Германіи вмѣстѣ съ Державою, которая послѣ того лишилась великаго вліянія, даннаго ей оружіемъ

Гуспава Адольфа. Нынѣ Франція рѣшитъ судьбу Нѣмецкихъ Князей съ Державою, копорая тогда была едва извѣстна, но давно уже занимаетъ первую степень въ Европѣ. Такъ Имперіи возвышаются и падають: Франція всегда остаешся. Исторія наполнена славными для нее воспоминаніями, и со временъ Бреннуса до Бонапарте народъ Французскій являешся во всѣхъ великихъ эпохахъ съ такимъ блескомъ и могущеспвомъ, надъ которыми и самое время не имѣетъ, кажешся, власпи.

Россія, за чепыре года передъ симъ отпралявшая арміи въ Германію, по желанію Австріи, чтобы сражашся съ Франціею, нынѣ вмѣспѣ съ Республикою предспавляеш мудрый планъ, копорый уменьшаетъ силу Австріи въ Нѣмецкой землѣ, занимаетъ глубокомысліе наблюдашеля и еспъ великое наспавленіе для всѣхъ Кабинетовъ.

Россія вела войну славно и съ рѣдкимъ безкорыспіемъ; а теперь съ такимъ же славнымъ безкорыспіемъ совершаетъ миръ, и доказываетъ, что она хочетъ единспвенно порядка, спокойспвія, общаго блага. Сія великая Держава являешся нынѣ предметомъ всемірнаго почтенія, всемірной довѣренности.

Россія, будучи въ союзѣ съ Франціею, можетъ хранить миръ Европы. Сіи два государства, соединенныя дружествомъ, предпишутъ законъ полипическому міру. Французы рады способствовать уваженію Россіи; ихъ доля такъ славна, что они могутъ никому не завидовать. Защитница Италіи, посредница въ Германіи, и вездѣ спрашная, Франція возвысила друзей своихъ, унизила непріятелей и сказала въ общемъ хаосѣ дѣлъ: *да будетъ свѣтъ!* Нынѣшнее ея Правительство исполнило желанія Генриха IV и планы Кардинала Ришельё. Сіи два великіе мужа, споль различные умомъ, особливо душою, оба знали то, что принадлежить Франціи. Ихъ тѣни могутъ быть довольны!

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Россія.

8 Сентября 1802 году будетъ опнынѣ памятно въ Россіи: въ сей день подписанъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ манифестъ о новомъ образованіи Министерства и Указъ о пра-

вахъ и должностяхъ Сенапа. Сердца Папріошовъ берутъ живѣйшее участіе въ такихъ важныхъ и для государственнаго блага рѣшительныхъ учрежденіяхъ: кто же изъ Рускихъ въ царствованіе АЛЕКСАНДРА можетъ быть не Папріошомъ? Кто, радуясь настоящему, не усматриваетъ радостнаго взора и на будущее, въ которомъ должны созрѣть благодѣянія нашего любимаго Монарха? Кто не увѣренъ въ папріошической ревности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именемъ *Министровъ Россіи*, Державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ? Славный путь дѣятельности открывается для всякаго изъ нихъ! . . . Способствовать утвержденію мудрой политической системы въ Европѣ, торжеству святаго правосудія внутри Имперіи, благоустройству во всѣхъ частяхъ ея, мирнымъ искусствамъ гражданственности и народному просвѣщенію, котораго одно имя столь любезно душѣ благородной, и безъ котораго нѣтъ ни славы, ни величія, ни морали въ государствахъ . . . какія обязанности! Не одна Франція должна вѣчно хвалиться Сюллиями и Кольбертами; не одна Данія должна просла-

влять своихъ Бернсдорфовъ — Министровъ, которые считали свои кабинеты за преддверіе храма славы, и, подписывая бумаги, думали, что они подписываютъ собственный приговоръ въ судилищѣ Испорти: ибо мудрые, ревностные Министры раздѣляютъ безсмертіе съ великими Государями. Здѣсь любовь и почтеніе согражданъ, а шамъ славное имя. Уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость Государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго Министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ щасливый вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ, и Россіяне чувствуютъ достоинство знаменитыхъ Палпріотовъ, цѣну ихъ усердія къ отечеству и къ Монарху, цѣну чистой добродѣтели; шеперь легко и славно заслужить вмѣстѣ съ милостію Государя и любовь просвѣщенныхъ Россіянъ. — — Читай Указъ о правахъ и должностяхъ Сенапа, Россіянинъ благоговѣетъ въ душѣ свсей предъ симъ Верховнымъ Мѣстомъ Имперіи, которое никакому правительству въ мірѣ не можетъ завидовать въ величїи, будучи храмомъ вышняго правосудія и блюстителемъ законовъ, столь священныхъ нынѣ въ Россіи. Сей Указъ напоминаетъ намъ славное начало Сенапа, когда первый Импе-

раторъ Россіи, побѣдивъ Швецію и приготавливаясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основаль его какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства, и съ торжественными обрядами Самъ повель Сенаторовъ къ олтарю Всевышняго, клясться предъ лицемъ Россіи, что они будутъ вѣрными Государю и государству, правдѣ и совѣсти до послѣдняго *изданія силы, памятуя будущей престола и на немъ Сѣдящаго въ день страшнаго испытанія*: клятва великая и святая, кошорою Сенаторъ навсегда обрекается быть живымъ органомъ государственной добродѣтели, и дѣлается въ глазахъ каждаго Россіянина испинно знаменитымъ сыномъ опечесства: ибо великія обязанности дѣлаютъ человека знаменитымъ, предполагая въ немъ особенную силу или добродѣтель для ихъ исполненія. Щастливое царствованіе АЛЕКСАНДРА оживляетъ все великое, все славное прошедшихъ временъ Россіи, украшаясь еще *новымъ* величіемъ и новою славою.

Регенсбургъ отъ 10 Сентября.

Планъ удовлетвореній, предложенный Россійскимъ Императоромъ и Франціею, ушвержденъ большинствомъ голосовъ

въ Регенбургской, Иллерской Делуѳаціи, копорая желяеть только права, въ случаѣ частныхъ возраженій, сдѣлать въ немъ нѣкоторыя легкія перемѣны. Хотя Министръ забавнымъ образомъ увѣряеть, что Вѣнскій Кабинеть на все согласень; но Австрійскія ноты, обнародованныя въ Регенбургѣ, доказываютъ пропивное. Въ нихъ сказано, что Австрійскій Министръ въ Парижѣ не имѣлъ никакой идеи о сочиненіи сего плана; что Талераиъ всегда говорилъ о *независимости* Имперскаго Сейма и полной свободѣ его; что пятая статья Люневильскаго трактата обѣщаеть бывшему Тосканскому Герцогу совершенное удовлетвореніе; что онъ имѣлъ четыре милліона флориновъ доходу, а вмѣсто того хотяиъ теперь удовольствоваться его однимъ милліономъ, и проч. Не смотря на то, Римскій Императоръ, какъ глава Имперіи, долженъ теперь согласиться на рѣшеніе Депуѳаѳти; но ратификація его еще не объявлена. Между тѣмъ Французскія войска на Рейнѣ приведены въ движеніе, и Бонапарте (какъ пишутъ) требуетъ, чтобы Австрійцы вышли изъ Пассау. Нынѣшнія обстоятельство весьма неблагопріятны для гордости Вѣнскаго Кабинета.

Парижъ отъ 10 Сентября.

Консулъ опять присушествовалъ въ Сенатѣ, гдѣ Министръ Талеранъ доносилъ ему о заключеніи извѣснаго уже трактата съ Туреціею и мира съ Алжирскимъ Демъ. конкордъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ спрашнаго Бонапарте, и за то получилъ дозволеніе снова грабить Европейцевъ, кромѣ Французовъ и гражданъ Испаліянской Республики. Талеранъ, предлагая трактатъ, заключенный съ Портою, сказалъ: „Опличительнымъ характеромъ послѣдняго десятилѣтія было явное противорѣчіе между чувствами, выгодами и дѣлами народовъ. Какая-то неизъяснимая судьба вовлекала государство и въ войну и въ союзы; одни соединялись, не переставая ненавидѣть другъ друга; иные воевали, будучи друзьями въ сердцѣ; ибо въ разрушеніи общихъ Европейскихъ связей, задолго приготовленномъ, зданіе народнаго права исчезло, и Полишика была свои преданія, системы, мѣстныя правила. Министерства, усращенные опасностями, уградили чувство ихъ драгоценнѣйшей пользы, боялись даже самыхъ *благодѣтельныхъ привычекъ* своихъ и слѣдовали гибельнымъ внушеніямъ. Въ такомъ соспоянтіи на-

„ходилась особенно Блистательная Порша, когда она, къ изумленію Европы, объявила себя врагомъ Франціи.“

Послѣ чего искусный Министръ Талеранъ доказываетъ, что Бонапарте въ самомъ дѣлѣ ни чѣмъ не оскорбилъ Султана; что онъ, занявъ Египетъ, хотѣлъ услужить Поршѣ, просвѣтивъ, обогатить сію землю и сдѣлать ее средоточіемъ торговли. Такимъ образомъ Французы могли бы вступить въ Константинополь, увѣряя Султана, что они единственно изъ дружбы къ нему берутъ на себя трудъ привести его имперію въ порядокъ! На что, кажется, говорить то, чего самъ не думаешь, и чему никто не вѣритъ? — Талеранъ читалъ въ Сенатѣ письмо Консула Бонапарте къ Алжирскому Дею, въ которомъ онъ называетъ его *высокимъ* и *великодушнымъ*, моля Бога, чтобы Онъ сохранилъ благоденствіе и славу сего Африканца. Теперь Французскіе Журналисты не осмѣлятся уже назвать Дея ашаманомъ разбойниковъ!

Мы замѣтили еще одно выраженіе въ семъ письмѣ. *Богъ положилъ въ совѣтъ Своемъ*, говоритъ Бонапарте, *чтобы всѣ враги мои были наказаны!* Испуганный Дей, освободивъ плѣнныхъ Французовъ,

даешъ слово Консулу - бытъ его всегдашнимъ другомъ.

Бонапарте обнародовалъ слѣдующее опредѣленіе Сената : „Консулы сзываютъ „Сенатъ, назначая дни и часы засѣданія. Орапоры Правленія, предлагая законы, обращаютъ рѣчь къ Сенату, а „Сенаторы къ Консуламъ. Если Пер- „вый Консулъ не можетъ быть въ Сена- „тѣ, то онъ вмѣсто себя письменно на- „значаешъ въ предсѣдатели одного изъ „своихъ товарищей, и сію бумагу чита- „ютъ при открытіи засѣданія. Когда „надобно выбирать Членовъ Сената, „Законодательнаго Корпуса и проч., то- „гда одинъ изъ Сенаторовъ, по выбору „Перваго Консула, можетъ заступить „его мѣсто подъ именемъ Вице- Прези- „дента. Кресла его должны спояны ни- „же Консульскихъ, между столами двухъ „Секретарей.“ — Извѣстно, что Бона- парте далъ Сенату право распускать или уничтожать Законодательный Корпусъ и Трибунатъ: нынѣ обнародованы формы сего уничтоженія. Надобно, чтобы Консулы предложили его; тогда Сенатъ избираешъ особенную комиссію для изслѣдованія, выслушиваетъ ея донесеніе и по тайномъ собраніи голосовъ опредѣляетъ, что „Трибунатъ

„или Законодательный Корпусъ уни-
 „чтоженъ.“ Члены ихъ должны идти,
 куда хоятъ; а на мѣсто ихъ Сенатъ
 выбираетъ новыхъ. И такъ важна ли те-
 перь законодательная власть во Франціи?

Мы, къ щастью, ошиблись, думая,
 что Фоксъ не захочетъ быть предпа-
 вленъ Консулу. Онъ имѣлъ эту честь
 2 Сентября. Вотъ что говорятъ о томъ
 Парижскіе Журналисты: „Аудіенція сего
 „дня была самая блестящая. Такое со-
 „браніе Пословъ мирной Европы есть ве-
 „ликое, торжественное и даже прога-
 „тельное зрѣлище, особливо, когда мы-
 „сли обращаются назадъ; когда вспомнишь
 „Францію, еще недавно одну среди Евро-
 „пы, вооруженной противъ ея свободы и
 „самого бытія! . . . Тогда признатель-
 „ность заспугаетъ мѣсто удивленія, и
 „сердце живо чувствуетъ всѣ благодѣ-
 „янія мира. — Последнее собраніе было
 „еще любопытнѣе присущившемъ чело-
 „вѣку, которъ съ такимъ краснорѣчи-
 „емъ доказывалъ необходимость сего мира,
 „завоеваннаго нами съ такою славою.
 „Сія минуша безъ сомнѣнія можетъ на-
 „зваться пріятнѣйшею минушою Фоксо-
 „вой жизни, и отличная благосклон-
 „ность, изъявленная ему Первымъ Кон-
 „суломъ, наградила его самымъ лестнымъ

„образомъ за то мужество, съ которымъ
 „онъ въ Парламентѣ отражалъ усилія
 „безразсудныхъ, имѣвшихъ жестокость
 „претовати войны.“ Бонапарте два раза
 „подходилъ къ нему, и послѣ многихъ
 „лестныхъ для Орашора словъ, сказалъ:
 „Въ свѣтѣ только два народа: одинъ жи-
 „ветъ на востокъ, а другой на западѣ.
 „Англичане, Французы, Нѣмцы, Италі-
 „янцы, и проч., имѣя одно гражданское
 „уложеніе, одни нравы и почти одну Ре-
 „лигію, могутъ назваться дѣлами одного
 „семейства; и люди, желающіе возобновить
 „войну, копятъ войны междоусобной. Вы,
 „государь мой, утверждали эту мысль въ
 „вашихъ рѣчахъ, съ такою силою, которая
 „дѣлаетъ равную гестъ вашему уму и сердцу.
 „Фоксъ въ тотъ же день обѣдалъ у Пер-
 „ваго Консула, который въ присутствіи
 „многочисленнаго собранія весьма долго
 „говорилъ съ нимъ.“ — Не удивительно,
 что Бонапарте опличилъ такимъ прі-
 емомъ славнаго Англійскаго Орашора; но
 сказать, что эта минута наградила
 Фокса за его правила и твердость, есть
 верхъ смѣлой нескромности Французскихъ
 Журналистовъ, сихъ Каммеръ - Юнкеровъ
 Тюлерійскаго Двора. Фоксъ и всякой Па-
 тріотъ служитъ своему опечесиву и
 награждается чувствомъ исполненной дол-

жності, любовію согражданъ, славою, а не привѣпливымъ словомъ Французскаго Консула.

Генераль Ланъ, бывшій Французскимъ Посломъ въ Лиссабонъ, арештованъ въ Орлеанъ: доказательство, сколь Бонапарте не доволенъ его поступкомъ! Онъ вздумалъ торговать, выписывалъ товары изъ Франціи, не хотѣлъ платишь пошлинъ, разсердился за справедливое требование Лиссабонской таможи и немедленно выѣхалъ изъ Португалліи. Такое грубое корыстолобіе удивительно въ храбромъ Генералѣ. — Въ одномъ Парижскомъ Журналѣ сказано, что Лафаетъ умеръ въ деревнѣ. — Жена Туссеня Лувершюра отвезена въ Байону вмѣстѣ съ дѣтьми своими, и будетъ жить тамъ за карауломъ.

Лордъ Витфоршъ, Посоль Англіи, отправляется наконецъ въ Парижъ. Французскій Генераль Андреосси также ѣдетъ въ Лондонъ; но Англійскіе Министры все еще не хотящъ исполнить требования Консула, чтобы унять Журналистовъ, ссылаясь на законы своего государства и предоставляя Французскому Министру жаловаться на нихъ въ судъ.

Еще новая констипуція, новая независимая Республика въ Европѣ — Валлисская — которая будетъ подъ особенною защипою Французской, Италіянской и Швейцарской. Маленькой прекрасной городокъ, Стонъ, объявленъ ея столицею. Французскія войска должны занимать всѣ Намурою укрѣпленныя мѣста, служащія ей границею. Она управляется народнымъ Сеймомъ и Совѣтомъ, въ которомъ засѣдаетъ Главный Чиновникъ или Великой Балли и два Совѣтника, и который имѣетъ исполнительную власть; а законодательная принадлежитъ Сейму. Валлисская Республика не будетъ имѣть Министровъ въ чужихъ государствахъ, полагаясь во всемъ на Министровъ Франціи, Италіянской и Швейцарской Республики. Гражданинъ Августини сдѣланъ Великимъ Балли сей маленькой области, которая прежде составляла часть Швейцаріи, и которую споль прекрасно описалъ Жанъ Жакъ Руссо. — Малые Кантоны Швейцарскіе все еще упорствуютъ въ своемъ мятежѣ, и не хотятъ соединиться съ большими.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ 1802.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Женщина - Авторъ.

Сказка Госпожи Жанлисъ.

Есть два рода совѣшовъ; перъвый: *дѣлай по - моему; мнѣ хорошо* — вшорый: *не дѣлай по - моему; мнѣ дурно*. Въ первомъ случаѣ мы слышимъ гласъ убѣдительной мудрости, а вовшоромъ смиренное признаніе раскаянія, не менѣе убѣдительное и полезное, ибо оно есть слѣдствіе опытности.

Дорошея и Эмилія, двѣ сестры и сироты отъ самой колыбели, были вмѣстѣ воспитаны въ монастырѣ, и нѣжная дружба ихъ, возрастая съ ними, служила имъ первымъ упѣшеніемъ въ жизни.

Дорошея, чешырма годами спарѣе сестры своей, вышла за - мужъ двадцати лѣтъ, но не могла распанься съ нею, и взяла ее къ себѣ. Эмилія черезъ шесць

лѣтъ опдала руку свою пожилому Генералу, свойственнику зятя ея.

Сестры были сходны между собою пріятностями ума, добрыми качествами сердца, но не характерами. Дорошея соединяла благородную душу съ великимъ благоразуміемъ, которое управляло ея поведеніемъ. Она брала всѣ нужныя осторожности въ важныхъ случаяхъ, но презирала низкую робость; не знавъ легкомыслія и вътренности, умѣла иногда рѣшиться на великія опасности, но тогда единственно, когда должность или чувство требовали жертвы; смѣлость была для нее великодушіемъ, геройствомъ, а не безразсудностію. Она упошребляла разумъ и всѣ природныя дарованія въ истинную свою пользу, слѣдственно и въ пользу друзей; будучи пронцапельною, удалялась отъ сѣтей коварства и предвидѣла во всемъ слѣдствія; по своей нѣжной чувствительности знала святость всякой обязанности и соблюдала ихъ; наслаждалась благодѣяніями судьбы и пользовалась нещасіемъ. Эмилиа, остроумная и великодушная, не могла равняться съ сестрою въ швердой основательности. Она имѣла шу мягкость и быстроту чувства, кошорая раждаетъ таланты, но вредна для характера; будучи весьма любопытна и

понятна, могла заниматья самыми важными Науками; а спрасъ къ прїяпнымъ Искусствамъ заспавляла ее любипъ улѣхи вѣпрености. Разнообразіе упражненій давало ей видѣ непоспоянства. Она хотѣла узнать сполько вещей, что не имѣла времени думать о себѣ, и желая избавитъ отъ шруда исправлять пороки свои, рѣшилась загладитъ ихъ возвышеніемъ своихъ добродѣтелей, копория, вышедши изъ предѣловъ умѣренности, сдѣлались вредными или опасными. На примѣръ, ея безкорыстіе и великодушіе обратились въ безразсудность, добросердечіе въ слабость, рѣшительность въ дерзость, искренность въ нескромность, а правдивость въ смѣшное легковѣріе. Чрезмѣрная чувствительность сдѣлала для нее шонкость и проницательность ума бесполезными. Эмилиа никогда не знала хорошо тѣхъ, кого любила, и воображала привязанность ихъ къ ней самую романическую. Однимъ словомъ, она своею живостію, веселостію и проспосердечіемъ нравилась друзьямъ и всѣмъ, жившимъ съ нею; но не умѣя ни принуждать себя, ни скучать добровольно, часно оскорбляла поспороннихъ безразсудною опкровенностію; смѣялась надъ смѣшными, молчала, задумывалась съ глупцами, и нажила себѣ

множество непріятелей. Она не знала сего нещасія въ первые годы свѣтской жизни своей; была робка, скромна, и обращала на себя вниманіе одною пріятною наружностію и блестящими талантами; не имѣла кокетства и не желала славиться умомъ: ибо съ такимъ любопытствомъ смогрѣла на всѣ предметы, такъ любила всѣ забавы общества, — балъ и маскарадъ казались ей столь веселыми, комедія столь пріятною, и великолѣпные праздники Двора столь пѣвнательными, что она забывала самоё себя. Ее хвалили въ свѣтѣ и любили въ семействѣ; это время было щасливѣйшимъ въ ея жизни. Не смотря на живую склонность къ разсѣянію, она еще болѣе любила чтеніе и кабинетныя упражненія; въ самомъ дѣствѣ своемъ сочиняла, и въ двадцать лѣтъ написала уже нѣсколько комедій, романовъ, моральныхъ разсужденій, но тайла свое авторство. Одна Дорошея была ея повѣренною. Вдругъ Эмилиа переспала выѣзжать и заключилась дома; родственники и друзья не видали ее недѣли по - двѣ, и жаловались. Дорошея хотѣла знать, отъ чего свѣтъ спалъ ей такъ прошивенъ? Нѣтъ, отвѣчала она: свѣтъ мнѣ ни мало не прошивенъ; я нынѣ также веселюсь съ людьми, когда бываю въ обще-

спвѣ; но дома для меня еще веселѣе; сочиненіе есть главное мое удовольствіе. — „Берегись этой опасной спрасити, любезная Эмилиа!“ — Для чего же? что можешь быть сладостнѣе и невиннѣе такого удовольствія? Мнѣ только еще двадцать лѣтъ, но я уже знаю плѣнность и ничтожность всѣхъ нашихъ радостей. Мы занимаемъ одну точку въ пространствѣ; жизнь кратковременна, и смерть не взираетъ на цвѣшущія лѣта... Ахъ! я хочу оставить дружбѣ вѣчныя воспоминанія, лучшую часть самой себя, свои мнѣнія, умъ, душу и сердце. Время уноситъ все, что дѣлаемъ въ теченіе дня. Пою ли романсы, играю ли сонату на арфѣ — звуки исчезаютъ, и мое удовольствіе не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, подобно мечнѣ воображенія. Мнѣ надобны другія пріятности. — „Однакожь надѣюсь, милая сестра, что ты никогда не вздумаешь печатать своихъ мыслей?“ — Могу увѣрить себя, что не думаю и не хочу. — „Тѣмъ лучше.“ — Не могу даже вообразить того безъ отвращенія, хотя знаю, что оно происходитъ не отъ разсудка, а единственно отъ моей робости и предразсужденій. — „Но еслили хорошенько подумаешь, то увидишь, что эта щастливая робость совершенно согласна съ раз-

судкомъ.“ — По чему же? Естли со временемъ буду въ состоянїи написать книгу полезную для воспитанїя, Религїи, Морали, то не обязана ли обнародовать ее? — „Вообразимъ, что по странной склонности ты вздумаешь учиться Тактикѣ и опкроешь въ душѣ своей Геній Тюрена, благоразумно ли будетъ тебѣ *перерядиться* въ мушину и записаться въ военную службу?“ — Разумѣю: ты думаешь, что женщина, дѣлаясь Авторомъ, *переряжается* и бросаетъ перчатку мужчинамъ.... „Безъ сомнѣнїя: они сражаются на эпой сценѣ, дорожатъ побѣдою, и не уступятъ лавровъ своихъ бѣдному, слабому *полу-теловѣку*. Что составляетъ главную прелесть, главное свойство женщины? Скромность. Какъ бы она ни была невинна въ душѣ, но не есть уже честь и примѣръ своего пола, когда гордо скажетъ цѣлому свѣту: *слушай меня!* Ты конечно осудишь женщину, естли она въ комнатѣ заговоритъ громко, возметъ на себя право рѣшить, или вздумаетъ только показываться смѣлою. Ты желаешь, чтобы она во всякія лѣта сохраняла нѣжный видъ робости, умѣряла всѣ движенїя, самую веселость, самую чувствительность; чтобы она во всякомъ случаѣ боялась *показываться*, и краснѣлась, когда на нее

смотрятъ , — по крайней мѣрѣ опускала глаза въ землю. Какъ же согласить эту нѣжную таинственность сердечной кротости, эту пла́ншительную, прогашительную спыдливость съ гордыми намѣреніями и блестящимъ дѣломъ Авшора?“ — Можно ли назвать гордостью искреннее желаніе предложить нѣкоторыя полезныя идеи? — „Напечатаешь книгу, не есть ли сказать: „я думаю, что она по крайней мѣрѣ хороша; думаю, что мысли мои достойны вниманія свѣта и попомоства?“ Вотъ что сказано ясно и безъ всякихъ обиняковъ въ тысячѣ предисловіи! а еслили умъ и вкусъ не дозволять говорить такъ опкровенно, публика все угадаетъ мнѣніе Авшора.“ — Однакожь могу увѣрить тебя, что я не думала бы такъ о своихъ напечатанныхъ книгахъ. — „Что нужды? другіе приписали бы тебѣ такой образъ мыслей, и не безъ основанія. Гордость извинительна въ мужчинѣ, а въ насъ несносна.“ — Иной заключилъ изъ того, что родиться женщиною есть несчастіе. — „Не ты, надѣюсь.“ — О! нѣтъ... скажу вмѣстѣ съ Поэтомъ, что

Мой выборъ угадавъ, Богъ выбралъ за меня!

Воображая опасности и труды войны, глубину Полипики, скуку дѣла, благодарю Провидѣніе, Которое сошворило насъ

быть только утѣшеніемъ или наградою въ такихъ бѣдспвіяхъ и безпокойствахъ. — „Я согласна съ тобою. Состояніе женщины, подобно всѣмъ другимъ, щасливо и пріятно, естли мы имѣемъ нужныя для него добродѣтели; нещасливо, естли предаемся сильнымъ спрасьямъ: любви, копорая влечетъ въ заблужденія; честолюбію, копорое дѣлаетъ насъ коварными, и гордоспи, копорая естъ разврашъ женскаго сердца. Мущина, желая бытъ женщиною, показываетъ малодушіе; женщина, хопящая сдѣлаться мущиною, перяетъ уже свое достоинство.“ — Правда, мы не должны жаловаться; судьба наша естъ мирная пишина, а должностъ щаспіе. — „И шакъ не печатай никогда сочиненій своихъ, милая Эмилія! Естли будешь Авторомъ, то поперяешь навсегда и спокойствіе и всѣ пріятности своего любезнаго характера. Люди заключили бы о тебѣ несправедливо. Напрасно оспалась бы ты по-прежнему милою и добродушною: друзья твои не могли бы уже обходиться съ тобою шакъ просто и свободно, какъ съ равною себѣ. Другіе воображали бы тебя гордою надменною, до крайности честолюбивою; по крайней мѣрѣ шакъ бы говорили, и всѣ глупцы, для копорыхъ умъ естъ вели-

кое преступленіе, повпоряли бы рѣчи ихъ съ душевнымъ удовольствіемъ. Ты лишилась бы любви женщинъ и поддержки мужчинъ; вышла бы изъ своего круга, не вступивъ въ ихъ сферу. Они никогда не сравниваютъ съ собою Автора — женщины: при нашемъ недостаточномъ воспитаніи такое равенство сдѣлалось бы уже превосходствомъ. Сохранимъ съ ними пріятную, нужную связь, образованную великодушною силою и благодарною слабостію. Къ кому обратимся, ежели покровители будущіе нашими совмѣстниками? Оставимъ имъ славу, которая спойтъ такъ дорого, и которую покупаютъ они цѣною крови своей! Для насъ славою должно быть щастіе; истинная героиня есть добродѣтельная мать и супруга!“

Сей разговоръ утвердилъ Эмилию въ благоразумномъ намѣреніи не издавать сочиненій, но не прохладилъ охоты ея размышлять и писать.

Удовлетворяя истинной склонности, человекъ можетъ обойтись безъ славы. Эмилиа не желала ее, хотя и не знала еще ея непріятностей; пользовалась своими талантами, не думая блистать ими; въ разговоръ изъясляла живоспѣ, когда онъ занималъ умъ или сердце ея; была любезна съ тѣми, которые ей нравились,

и, такъ сказать, *унищожалась* съ другими; писала, какъ говорила или играла на арфѣ, единственно для своего удовольствія; дѣлала все по склонности, безъ цѣли и намѣреній.

На двадцать-второмъ году Эмилиа оплакала смерть мужа своего и прожила шесть мѣсяцевъ въ деревнѣ. Дѣла заставили ее возвратиться въ Парижъ. По концѣ своего траура она явилась въ свѣпѣ, который принялъ молодую и любезную вдову какъ новую для себя женщину. Холосные мушкетеры обходились уже съ нею ласковѣе и свободнѣе, имѣя разныя намѣренія; сама она сдѣлалась искреннѣе и еще любезнѣе.

Эмилиа увидѣла въ свѣпѣ человека, котораго она мало знала, но котораго встрѣчала всегда съ удовольствіемъ. Онъ назывался Жермѣлемъ, былъ хорошъ лицомъ, и считался пріятнѣйшимъ свѣпскимъ человекомъ. Такую похвалу надлежало заслуживать въ Парижѣ тонкимъ умомъ и вкусомъ. Всѣ знали привязанность Жермѣля къ Графинѣ Нанжисъ, которая славилась при Дворѣ не только красою, но и самымъ непорочнымъ поведеніемъ. Всѣ говорили, что Жермѣль пылнѣею своею любовію пріобрѣлъ только одно шайное увѣреніе во взаимной склон-

носпи ; но отдавая сію справедливоспъ Графинѣ , всякой думалъ , что она рано или поздно уступитъ чувству , котораго не можешъ ни побѣдить , ни скрывать . Эпа романическая спраспъ дѣлала Жермёля еще любезнѣе въ глазахъ женщинѣ .

Эмилиа , прѣѣхавъ на нѣскольго дней въ деревню къ одной своей родственницѣ , нашла тамъ Жермёля , который на другой день хотѣлъ . возвратиться въ Парижъ . Ввечеру онъ сѣлъ за столъ подлѣ нее . Эмилиа , робкая въ обхожденіи съ молодыми людьми , не чувствовала съ нимъ никакой неловкости . Извѣстная его привязанноспъ къ Графинѣ Нанжисъ не позволяла другимъ красавицамъ предполагать въ немъ желанія нравиться , которое всегда приводитъ въ замѣшательство женщину , даже и тогда , когда оно ей пріятно .

Эмилиа была въ сей вечеръ опимѣнно мила . Жермёль смотрѣлъ и слушалъ ее съ удивленіемъ , не понимая , какъ онъ прежде не замѣчалъ ея любезности . Жермёль спраспно любилъ музыку и самъ пѣлъ очень пріятно : ему хотѣлось слышать , какъ поетъ Эмилиа . Но арфа ея была не настроена ; она уговаривала его остаться въ деревнѣ еще дни на два : онъ согласился . Играли , пѣли , гуляли въ садахъ , и прекрасная вдова была веселѣе

и плѣнительнѣе обыкновеннаго. Изъ женщинъ ихъ общесѣва всѣхъ менѣе нравилась Меланида, и не смотря на умъ свой, дѣлалась смѣшною отъ чрезмѣрнаго самолюбія (что всегда происходитъ отъ недостатка во вкусѣ). Имѣя грубыя черты и большой ростъ, Меланида не могла считать себя *пріятною*, но за то гордилась *Минервиною красотою*, хотѣла блистать нарядами и несносно кокетствовала во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Въ лицѣ, въ ужимкахъ и въ походкѣ ея было сполько необыкновеннаго, что всякой обращалъ на нее глаза, когда она входила въ комнату; принимая любопытство за удивленіе, Меланида думала: *никакая женщина не производитъ такого дѣйствія*; и сія забавная мечта гордости ясно выражалась въ ея *мужественной поступи*, въ смѣломъ и геройскомъ видѣ. Она не знала, что тѣ мужчины, которые лучше другихъ умѣютъ любить, никогда не смотрятъ приспально на молодыхъ и скромныхъ красавицъ; искусство прельщать похоже въ семъ случаѣ на любовь: оно боится оскорбить свой предметъ, взглядываетъ на него украдкою, и плѣняясь красотою, уважаетъ спыдливоспъ. Меланида была очень умна, но не имѣла въ разумѣ ни малѣйшей пріятности, и желая всегда блистать

имъ, не рѣдко умничала несноснымъ образомъ. Думая и говоря только о себѣ, прямо или непрямо, она не умѣла ни слушать, ни отвѣчать; всякой или видѣлъ ясно или чувствовалъ ея самолюбіе; или удивлялся или скучалъ. Друзья Меланидины прошивъ воли своей осуждали ее, соглашаясь, что она дурно рассказываетъ, не знаетъ истинной веселости, не знаетъ ни въ чемъ любезной простоты; но они приписывали ей *силу и краснорѣчіе*. Эта странная похвала служила въ самомъ дѣлѣ эпиграммою. Краснорѣчивымъ можно быть только наединѣ съ милымъ человѣкомъ; но въ разговорѣ нужно не риторство, а вкусъ и простота. Между самыми короткими людьми пріятный разговоръ требуетъ *живости и быстроты*; кто знаетъ свѣтъ, тотъ никогда не дозволитъ себѣ большихъ фразъ и періодовъ — тупъ нѣтъ мѣста краснорѣчію. Ничто не должно быть изслѣдовано съ основательностію; разнообразіе и легкость составляютъ единственную красоту; а *сила* показала бы только педантизмъ и скучною излишностію.

Человѣкъ любезный, модный и блестящій долженъ былъ обратить на себя вниманіе надменной женщины: Жермель произвелъ глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ

Меланиды. Она знала страсть его къ Графинѣ Нанжисъ, и надѣялась для славы своей побѣдить ее, будучи молодою и богатою вдовою. Жермѣль, занятый Графинею, не полагалъ ни въ одной женщинѣ намѣренія плѣнить его; а всего менѣе могъ вообразить, чшобы Меланида, не имѣя ни малѣйшихъ пріятностей, вздумала спорить о его сердцѣ съ любезнѣйшею красавицею Версальскаго Двора. Онъ принималъ заманчивыя ласки ея за одно *кокетство ума*, и опивчалъ на нихъ съ обыкновенною своею учтивостию; рассуждалъ, разбиралъ, ломалъ голову и скучалъ съ Меланидою: ибо онъ имѣлъ даръ ко всѣмъ поддаѣльваться; но доказавъ ей свое *краснорѣчіе*, спѣшилъ оподохнуть подлѣ Эмилии, и смѣяшсь надъ всѣми своими глубокомысленными замѣчаніями и *сильными* выраженіями.

Жермѣль въ день своего опѣзда встрѣтился съ Эмилиею въ саду, сѣлъ подлѣ нее на лавкѣ и смопрѣлъ ей въ глаза, не говоря ни слова. Она засмѣялась и сказала ему: „вы меня пугаете: можно ли смопрѣшь такъ приспально? чшо находите во мнѣ опмѣннаго?“ Все, опивчалъ Жермѣль. — „Я не сполько самолюбива, чшобы благодарить за такой опивѣшь.“ — А я не беру назадъ слова,

сказалъ Жермѣль съ улыбкою; и увѣряю васъ (продолжалъ онъ съ важнымъ видомъ), что два дни не перестая вамъ удивляюсь. Вы дозволите мнѣ говорить искренно? — „Довѣренность не имѣетъ нужды въ принужденіи; а я имѣю ее къ вамъ.“ — Какъ мило слышать это отъ васъ! — „По крайней мѣрѣ говорю, что думаю.“ ... Тронутый Жермѣль взялъ Эмилину руку, пожалъ ее съ видомъ почтенія и благодарности, и сказалъ: Такъ, вы для меня самая неизбъяснимая женщина. Можно ли ни мало не занимаясь собою, не имѣя ни шѣни кокетства и никакого желанія блистать умомъ, плѣняя талантами? Если это скромность, то она совершенна; а если искусство, то оно чудесно. — Ни то, ни другое, отвѣчала Эмилиа съ усмѣшкою: что васъ удивляетъ во мнѣ, есть слѣдствіе не расчета и не труда, а разныхъ легкихъ примѣчаній. Могу ли гордиться талантами, въ которыхъ актрисы Оперы превосходятъ меня? Я замѣтила, что арфою или пѣніемъ можно вскружить голову одному глупцу; что самое прекрасное лицо не мѣшаетъ быть скучною; что съ великимъ умомъ бываютъ люди несносны — и сказала себѣ: не хочу полагать въ томъ моего самолюбія; желаю успѣховъ любезнѣйшихъ

и вѣрнѣйшихъ, пѣхъ, которые происходятъ отъ милого характера и чувствительности; желаю правиться средствами, заставляющими любить; не хочу, чтобы говорили: *Эмилія лѣбвительна*; хочу только, чтобы сказали: *она проста и добрадушна!* — „А еслили скажутъ: *Эмилія лѣбвительна, не думая лѣбвительна?*“ — Даже и эта поправка мнѣ не нравилась. — „Вамъ трудно угодить: соглашаюсь; такъ бытъ должно.“ — Отъ того, что сердце нѣжнѣе и взыскашельнѣе ума.

Разговоръ перервали другіе. Жермѣль уѣхалъ, и расставаясь съ Эмиліею, думалъ: я обожалъ бы эту женщину, еслили бы сердце мое не было занято другою. Онъ чувствовалъ это безъ угрызенія совѣсти, а можетъ бытъ и не безъ сожалѣнія! Женщина на его мѣстѣ, женщина, копорая любить, не могла бы такъ мыслить.

Жермѣль въ Парижѣ разспрашивалъ объ Эмиліи у своихъ корошкихъ пріятелей. Какъ! говорилъ онъ: у нее нѣтъ любовника! она никогда не любила! . . . Это увѣреніе сдѣлало для него еще пріятнѣе воспоминаніе разговора съ Эмиліею. Но Жермѣль обожалъ Графиню Нанжисъ: какая нужда была ему до чувствъ Эмиліиныхъ? Сердце мужчинъ всего неизъяснимѣе въ любви.

Эмилія послѣ Жермёлева отъѣзда разлюбила деревню, и сказала, что у нее въ городѣ есть важное дѣло. Возвращаясь въ Парижъ, она тотчасъ вспомнила, что у Жермёля славныя картины; захопѣла видѣть ихъ, и прѣехала къ нему въ одно утро съ нѣкоторыми своими знакомыми. Предувѣдомленный Жермёлъ хотѣлъ бытъ дома; но вмѣсто того ей подали отъ него записку, въ которой онъ увѣдомлялъ ее, что Военный Министръ вдругъ потребо- валь его въ Версалю, и что ему немед- ленно надлежало ѣхать. Сія записка выражала пріятнымъ образомъ искреннее сожалѣніе и была прочтена нѣсколько разъ. Между нѣмъ камердинеръ отперъ комнаты и сказалъ, что ему велѣно по- казать все картины. Эмилія вошла съ гру- стію, и смотрѣла на все съ оптимъннымъ любопытствомъ, желая узнать вкусъ Жермёлевъ. На притѣрь, она замѣ- тила, что все мѣбели были выкрашены зеленою краскою, и вспомнила, что лив- рея отца Графини Нанжисъ такого же цвѣта. Вообще все комнатныя украше- нія плѣняли ее рѣдкою своею пріятно- стію. Когда товарищи ея занимались еще картинами, Эмилія вошла одна въ Жермёлевъ кабинетъ; увидѣла тамъ большой столъ, книги и піано, на ко-

поромъ лежала бумага съ ногами ; взявъ ее , она узнала Жермёлеву руку (по своей запискѣ) , и съ живѣйшимъ любопытствомъ прочитала слѣдующую пѣсню :

Какъ ! мнѣ для милой бытъ ужаснымъ ?
 Тебѣ лишь слезы отъ любви ?
 Ахъ нѣтъ ! мнѣ легче бытъ несчастнымъ ! . . .
 Навѣкъ союзъ нашъ разорви ;
 Забудь , забудь меня скорѣе ;
 Погибни щастіе мое ,
 Когда не будешь мнѣ милѣе
 Всего спокойствіе твое !

Моя любовь тебя достойна ,
 И торжествуетъ надъ судьбой ;
 Скажи , что будешь ты покойна ,
 И другъ разстанется съ тобой !
 Кто любитъ нѣжно , тотъ послушенъ ,
 И помнитъ друга , не себя .
 Спрадая , будуль малодушенъ ,
 Когда спрадаю для тебя ?

Навѣкъ прощаяся съ обою ,
 Я горести не покажу ;
 Свое уныніе сокрою
 И слезы въ сердцѣ удержу ,
 Чтوبъ не прибавишь огорченья
 Къ твоей , о милая ! судьбѣ .
 Мнѣ будетъ больше упѣшенья :
 Я всѣмъ пожертвовалъ тебѣ !

Тронутая Эмилія положила бумагу на столъ и увидѣла другую, также Жермёлевой руки: черный списокъ той же самой пѣсни. Эмилія не могла преодолѣть желанія взять его, и спрятала къ себѣ въ карманъ. Возвратясь домой, она заперлась въ своей комнатѣ, чтобы еще нѣсколько разъ прочитатъ эту пѣсню, безъ сомнѣнія написанную для Графини Нанжисъ и служившую яснымъ доказательствомъ связи ихъ! . . . Эмилія искренно сожалѣла о Графинѣ. Нещастная! думала она: сердце обмануло тебя; ты поперяешь и спокойствіе и доброе имя! Но какая прелесть окружаетъ тебя! Что можешь быть восхищеннѣе такой любви и милѣе такого человѣка? . . . Послѣ того она взяла арфу и выпвердила наизусть какъ голосъ, такъ и слова. Чувствительныя и живыя сердца не могутъ долго обманываться въ разсужденіи чувствъ своихъ; дѣятельное и быстрое воображеніе скоро выводитъ ихъ изъ сомнѣнія и нерѣшимости. Эмилія узнала спросъ свою къ Жермёлю, и не огорчалась тѣмъ. Эта любовь, думала она, не имѣя ни малѣйшей надежды, не можешь чрезмѣрно усиливаться и лишитъ меня спокойствія, а сохранитъ только сердце мое отъ другой сильнѣйшей стра-

спи; я никогда не выду за-мужь, и оставаясь навѣки независимою, буду щаслива. Не только не имѣю безразсуднаго намѣренія плѣнить Жермёля, но чувствую даже, что переспала бы любить его, если бы онъ безчеловѣчно измѣнилъ той, которая столь долго прощивилась любви его. . . Эмилиа не знала, что для твердыхъ характеровъ всего опаснѣе нещасная страсть, ибо она не испощается наслажденіемъ. Вечеру пріѣхала къ Эмилиа одна ея свойственница и звала ее на другой день ужина въ Пасси, говоря, что тамъ будетъ музыка, Жермёль и Графиня Нанжисъ. Эмилиа дала слово, и провела ночь въ великомъ волненіи. Мысль видѣть Жермёля вмѣстѣ съ его любовницею представляла ей слѣдующій день важною эпохою жизни. Вставъ рано, она прошивъ своего обыкновенія думала о нарядѣ, зная, что Графиня Нанжисъ всегда прекрасно одѣвалась. Эмилиа выбрала гирланду, сплетенную изъ липьевъ, и надѣла зеленое платье. Это цвѣтъ моей совѣстницы, думала она: но Жермёль любитъ его! . . .

Эмилиа пріѣхала всѣхъ послѣ; играла концертъ, и дрожала. Жермёль аплодировалъ. Волненіе ея сочли робоснію (ошибка весьма обыкновенная въ свѣтѣ!);

дѣйствию излишней чувствительности приписали великой скромности, и хвалили ее, вмѣсто того, чтобы жалѣть о ней. Просили играть Графиню Нанжисъ; она сказала, что хочетъ пѣть новый романсъ, и взглянула покраснѣвши на Жермеля. Эмилія вздохнула, угадывая, что сей романсъ ей извѣстенъ. Графиня получила его накануне и хотѣла пріятнымъ образомъ удивить Жермеля, утвердивъ наизусть слова; но не предвидѣла, что живымъ чувствомъ обнаружитъ свою тайну. Она пѣла при спрашномъ свидѣтелѣ: ревнивомъ мужѣ. Графъ Нанжисъ замѣтилъ ея волненіе, и слушая слова, утвердился въ своемъ подозрѣніи. Спѣвъ робкимъ голосомъ первый куплетъ, Графиня еще болѣе замѣшалась на второмъ, и взглянувъ на мужа, такъ поражена была спрашною переменою лица его, что вдругъ остановилась. Графъ, видя себя отъ ревности, подошелъ къ ней и сказалъ съ видомъ приговорной насмѣшки: я хотѣлъ бы знать автора этой пѣсни! Эмилія, которая все примѣчала и угадывала, громко засмѣялась и отвѣчала ему: „это я, государь мой! довольны ли вы?“ . . . Жермель зашепталъ; всѣ удивились, а Эмилія съ любезною веселостью рассказала, что она сочинила

эту пѣсню, и отдала ее въ ночь день поутру музыканту Леману для Графини, зная, что она любитъ романсы. Когда такъ, сказалъ Графъ, по мы просимъ васъ, сударыня, допѣть свою пѣсню, вмѣсто жены моей, у которой не спало памяти. Жермель и Графиня испугались; но сколь велико было ихъ удивленіе, когда Эмилія отвѣчала, что она рада исполнить его желаніе, съ тѣмъ договоромъ, чтобы Графиня послѣ выпвердила романсъ и спѣла его. „Тогда онъ покажется вамъ гораздо лучше,“ примолвила она и взяла арфу. Никогда Эмилія не казалась споль прелеспною! Желаніе превзойти совмѣспницу, сдѣлать доброе дѣло и удивить хитрымъ вымысломъ, производить чудеса въ женщинахъ. И такъ мудрено ли, что Эмилія пѣла несравненно и заспавила многихъ плакать? Графъ Нанжисъ, совершенно разувѣренный, хвалилъ безъ памяти; а Графиня и Жермель изумлялись. Первая, не смотря на важную услугу, оказанную ей Эмиліею, чувствовала шайную ревность, воображая, что она получила романсъ отъ Жермеля — который, съ своей стороны, восхищаясь Эмиліею, забывалъ даже и удивляться. Онъ хотѣлъ бы броситься къ ногамъ ея, и съ воспор-

гомъ предавался чувству спраспной благодарности.

Всѣ осыпали Эмилию похвалами какъ Автора пѣсни. Не хочу скромничать, отвѣчала она, и признаюсь, что мнѣ самой эшотъ романсѣ очень, очень нравишся. Вчера я цѣлой день твердила его. — Скоро пошли гулять въ садъ. Эмилиа взяла за руку Графиню, отвела отъ другихъ и рассказала, какимъ образомъ доспалась ей въ руки пѣсня, при молвивъ, что на другой день пошлетъ за музыкантомъ Леманомъ и заставитъ его ушвердить выдумку ея. Графиня Нанжисъ, успокоенная симъ изъясненіемъ, съ нѣжностію обняла Эмилию, которая была пѣмъ сердечно пронупа. Онѣ обѣ заплакали. Эмилиа чувспвовала жалкое соспояніе Графини, принужденной опкрыть свою пайну женцинѣ, споль мало ей знакомой! Она перемѣнила разговоръ, и возвратилась съ нею въ домъ. За ужиномъ Жермель сѣлъ подлѣ Эмилии, узналъ отъ нее то же, что Графиня, и былъ такъ пронупъ, что, не находя словъ для изъясненія чувствъ своихъ, молчалъ во весь ужинъ. Но Эмилиа не имѣла гореспи видѣть глаза любимаго человѣка устремляемые съ нѣжностію на ея совмѣспницу! Жермель ни разу не

взглянулъ на Графиню. Эта оспороженоспъ стоила ему недорого, и любовь могла бы укорять его. Эмилія, довольная собою и Жермёлемъ, была весела и любезна. За ужиномъ ей начали опяшь говорить о романсѣ. Не знаю, опъ чего (сказала она Жермёлю) я не краснѣюсь опъ этой похвалы; хотя въ самомъ дѣлѣ не заслуживаю ее, но радуюсь ею какъ моею собственною . . . Жермёлъ опвѣчалъ однимъ томнымъ взоромъ. Эмилія попчасъ уѣхала, чтобы на другой день вспасть ранѣе и послать за Леманомъ. Музыканшъ далъ слово подтвердить ея выдумку. — Въ 10 часовъ принесли Эмиліи письмо опъ Жермёля такого содержанія :

„Не имѣвъ возможности говорить
 „вчера съ вами, милоспивая государыня,
 „осмѣливаюсь нынѣ писать къ вамъ. Но
 „что скажу? изъявляю ли благодарноспъ
 „свою? Нѣтъ, добродѣпель еспъ въ васъ
 „ничто иное, какъ вдохновеніе, быспрое и
 „святое чувство, которое для своего дѣй-
 „ствія не имѣетъ нужды ни въ какомъ
 „*другомъ чувствѣ*. Благодарноспъ не пока-
 „жется ли вамъ надменноспію? Вы оп-
 „вѣчали бы, можете бытъ: *всякому дру-*
 „*гому я оказала бы такую же услугу.*
 „Надобно удивляться вамъ и молчать.

„Просить ли дозволенія видѣть васъ? но
 „что пользы имѣть его? Кто не клялся
 „посвятить вамъ жизни своей, тотъ не
 „можетъ быть съ вами безъ гореспныхъ,
 „неизъяснимыхъ чувствъ... Мнѣ кажется,
 „что съ прелестною Эмилиєю можно
 „говорить только *однимъ* языкомъ, и
 „что любить ее можно только *однимъ*
 „образомъ... Для чего же пишу къ вамъ?
 „не знаю; по крайней мѣрѣ не для своего
 „удовольствія: потому что я пишу съ
 „великимъ принужденіемъ!... Не желаю
 „открыть вамъ моего сердца, будучи
 „несогласенъ съ самимъ собою. Прошу
 „единственно думать иногда, что я знаю
 „васъ, знаю лучше всѣхъ другихъ. Это
 „слово выражаетъ всю странность моего
 „положенія, и все, *что чувствую.*“

Эмилиа могла бы воспользоваться такимъ чуднымъ письмомъ; могла бы вспомнить, что сей человекъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ страстно влюбленъ въ другую женщину!.. Но она видѣла одно порождество свое, которое было ей тѣмъ пріятнѣе, что оно не уничтожало ея добраго мнѣнія о Жермелѣ. Ясно было, что его сердце колебалось между ею и Графиней Нанжисъ, но что онъ никакъ не хотѣлъ измѣнить первой любви.

Эмилиа находила Жермелю непо-

спорянство извинительнымъ, попому что она была предметомъ его! но естли бы вообразила состоянїе Графини, то конечно содрогнулась бы отъ безразсудности женщинъ, которыя всѣмъ жертвуютъ любви.

Эмилиа отвѣчала Жермёлю коротко, и говорила только о нѣжной дружбѣ, обѣщавъ себѣ оправдать его мысли о добродѣтели ея. Она рѣшилась удаляться отъ свиданій съ нимъ, и безъ сомнѣнїя не имѣла права тѣмъ хвалиться, зная, что Жермель могъ угадывать ея чувства, и что такая твердость долженствовала еще болѣе возвысить его мнѣнїе о характерѣ ея.

Эмилиа при мѣсяца старалась не встрѣчаться съ Жермелемъ; но въ одинъ вечеръ онъ прїѣхалъ туда, гдѣ ей надлежало ужинать. Эмилиа играла въ Вискъ: Жермель сѣлъ подлѣ нее. Она была въ опасномъ положенїи, въ которомъ шайна ея могла легко обнаружиться для самаго непроницательнаго наблюдателя. Сказавъ нѣсколько словъ Жермёлю, Эмилиа вооружилась удивительнымъ мужествомъ: не взглянула уже ни разу на молодаго чело-вѣка и старалась играть со всевозможнымъ вниманїемъ. Но ея голова и спань невольнымъ образомъ слѣдовали тайному *влетѣнїю*, и шихонько склонялись туда, гдѣ онъ

сидѣлъ. Глаза ея сдѣлались свѣплѣе, голосъ выразительнѣе; она спала гораздо ласковѣе со всѣми другими, и не смѣя опноситься явно къ предмету своего вдохновенія, выдумывала всякіе способы занимать его собою. Женщины, которыя почти всегда должны скрывать намѣреніе и желаніе нравиться, довели сіе искусство до удивительнаго совершенства въ понкосняхъ. Жермѣль любилъ Вискъ: Эмилиа не забывала ни одной карты, не сдѣлала ни одной ошибки, хотѣла заслужить похвалу, рассуждала съ ученостію стараго игрока о всякой игрѣ, увѣряла, что спраспно любитъ Вискъ, и что рада просидѣть всю жизнь за картами. Она на ту минушу не обманывала, и говорила въ самомъ дѣлѣ по своимъ чувствамъ.

Кто можетъ пропавиться женщиноу, которая любитъ? Она ко всему способна, на все готова, и съ помощію сердца можетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлаться Математикомъ, Геометромъ, еспли надобно; но кокетство не даетъ шакой удивительной силы: оно вселяетъ только презрительныя хитрости, ничтожныя, подобно его причинѣ. Кокетка на мѣстѣ Эмилиа спала бы только жеманиться, играть глазами; но страстная женщина и въ самыхъ бездѣли-

цахъ умѣетъ прогашь сильными доказа-
 тельствами своего чувства. Послѣ ужина
 одинъ человекъ прѣхалъ изъ Версаліи и
 сказалъ, что Графъ Нанжисъ, будучи
 съ Королемъ на охотѣ, упалъ съ лошади
 и почти до смерти убится. Жермѣль
 измѣнился въ лицѣ. Эмилиа, взглянувъ
 на него, сама поблѣднѣла, и чувствуя,
 что можетъ упасть въ обморокъ, вышла
 въ другую комнату; спросила стаканъ
 воды, и бросилась на спуль. Въ сію ми-
 нушу вошелъ Жермѣль и смотрѣлъ на
 нее съ видомъ безпокойства. Эмилиа вспа-
 ла, говоря, что дожидается своей каре-
 ты; лакеи отвѣчали, что она давно у
 крыльца. Жермѣль подаль ей руку. Они
 оба дрожали, и не говорили ни слова . . .
 Спановясь на подножку, Эмилиа ти-
 хонько сказала ему: *будьте счастливы;
 болѣе ничего не желаю!* . . . „Мнѣ бытъ
счастливымъ! съ жаромъ отвѣчалъ Жер-
 мѣль: *никогда!*“ . . . Эмилиа сѣла въ ка-
 рету, и ей показалось, что она раз-
 сипается съ Жермѣлемъ навѣки; слезы
 покапались изъ глазъ ея. Тушъ она по-
 чувствововала всю муку ревности: смерть
 Графа Нанжиса рѣшила судьбу ея. „Какъ!
 думала Эмилиа: я увижу Жермѣля су-
 пругомъ Графини Нанжисъ! и чувство,
 столь для меня любезное, ушрашинѣ

свою невинность! Я могла отказаться отъ Жермёля; но могу ли безъ ужаса отказаться отъ любви моей? . . . Имя, милое слуху моему, будетъ именемъ моей совѣспницы! . . . Какая переменъ въ ея и въ моей участи! Страсть, которая была для нее пресупленіемъ, будетъ впредь ея славою и щастіемъ; а я безъ угрызенія совѣспи не могу уже любить Жермёля!“

Эмилиа прежде разсвѣта не могла лечь на постелю; часа черезъ два встала — и ей подали записку отъ Жермёля; она дрожащею рукою развернула ее, и къ неописанной радости своей прочитала слѣдующее:

„Господинъ N. ошибся: слава Богу!
„Графъ Нанжисъ живъ и здоровъ! Правда, что онъ упалъ съ лошади, но безъ всякаго вреда, и вчерась же былъ во дворцѣ. Я счелъ за должность успокоить васъ, милоспивая государыня, зная участіе, которое нѣжное сердце ваше беретъ въ судьбѣ другихъ.“

Эмилиа могла скрывать печаль и горечь, но должна была открыть чрезмѣрную свою радость; одѣлась въ ту же минуту, спѣшила къ сесирѣ, и нашла ее на постелѣ. Она рассказала ей всю исторію свою съ Жермёлемъ. Благоразумная

Дорошея слушала ее съ удивленіемъ. Какъ отвѣчала она: Жермѣль влюбленъ въ тебя, въ самое то время, когда Графиня Нанжисъ черезъ пять лѣтъ сопротивленія уступаетъ спрасти своей къ нему! — „Онъ не влюбленъ въ меня, а только видитъ мое сердце, и беретъ участіе.“ — Нѣтъ, любовь ясно изображена въ его письмѣ, и еслили потребуешь отъ него разрыва съ Графинею, то онъ исполнитъ волю твою. — „Еслили бы Жермѣль могъ оспавить женщину, которую онъ прельстилъ и погубилъ, то я возненавидѣла бы его.“ — Развѣ онъ уже не измѣнилъ клятвъ своей, когда любилъ тебя болѣе Графини? — „Можно ли повелѣвать сердцемъ?“ — Скажешь ли это въ оправданіе непостоянной женщины? — „Нѣтъ, одна измѣна любовника можетъ извинить нашу перемену.“ — Согласись же, что для насъ всего безразсуднѣе привязываться къ тѣмъ, которые не имѣютъ нѣжныхъ чувствъ нашихъ! Эта бѣдная Графиня Нанжисъ, молодая, прекрасная и нѣжная, уже обманута! — „Нѣтъ, онъ любитъ насъ обѣихъ; Графиня его любовница, а я занимаю второе мѣсто.“ — Спрасть его къ тебѣ не имѣла никакого удовлетворенія, и потому сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе: вотъ первое

мѣсто въ любви! Но скажи мнѣ, Эмилія, какую имѣешь цѣль? — „Удивить человека, котораго люблю; заслужить его совершенное почтеніе, на которое совѣспница моя не имѣетъ уже права; возбудить въ Жермѣлевой душѣ всѣ чувства, которыя переживаютъ спрасъ. Еспьли въ эпомъ успѣю, то со временемъ мы сойдемся, и вѣрная дружба упѣшитъ два сердца, разлученныя въ любви судьбою.“ — Прекрасной романической плаеъ! Дай Богъ, чптобы онъ не стоилъ тебѣ спокойствія и шасція!

Эмилія снова обѣщалась избѣгаеъ свиданія съ Жермѣлемъ, и сдержала слово. Жермѣль съ своей спороны помогаль ей въ исполненія сего намѣренія, и Эмилія съ восторгомъ говорила сестрѣ о великодушїи его, которое въ самомъ дѣлѣ заслуживало похвалу. Жермѣль былъ добросердеченъ; любовь всегда соединялась для него съ живою и нѣжною дружною. Эмилія такъ сильно пронула его сердце, чпто онъ считаль ее единственною женщиною, которая могла бы навѣки плѣнить его; но привязанный къ Графинѣ Нанжисъ всѣми узами благодарности, своимъ долговременнымъ исканіемъ, особливо ея любовію къ нему, онъ не могъ безъ ужаса вообразить шого опчаянїя, въ

въ которое привела бы ее невѣрность его. Однакожь Жермель чувствовалъ, что правила не могутъ замѣнить любви. Не смотря на все его старанія, Графиня послѣ испорти извѣснаго романа была имъ недовольна и ревновала къ Эмили; но крошечная чувствительность осуждала ее на безмолвное мученіе. Сверхъ того она знала, что ей не чѣмъ винить ни Жермеля, ни Эмили, которые не видались другъ съ другомъ; однакожь тайное предчувствіе, которое никогда въ любви не обманываетъ, увѣряло ее, что она должна спрашиться Эмили. Любовь не можетъ быть скромною; самая оспороженность изобличаетъ ее. Жермель хотѣлъ скрыть новую любовь свою шѣмъ, чтобы удаляться отъ предмета ея и никогда не говорить объ немъ; но пронизательные глаза могли видѣть, что онъ боялся встрѣтиться съ Эмилию, боялся произнести ея имя!

Графиня Нанжисъ и Эмилиа не только не были врагами, но еще имѣли какую-то искреннюю склонность другъ ко другу; любовь къ одному предмету есть уже симпатія, если она ни въ чемъ не споритъ. Онѣ всегда видались съ удовольствіемъ, и не переставали разсматривать другъ друга. Это взаимное любопыт-

ство не имѣло въ себѣ ничего оскорбительнаго для Эмилии; она думала: *вотъ та, которую онъ любилъ страстно!* Графиня Нанжисъ думала съ горестію: *вотъ та, которую онъ можетъ полюбить!*

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Графиня привила себѣ оспу, и была нѣсколько времени больна, хотя и неопасно. Эмилиа всякой день посылала спрашивать объ ея здоровьи, и сама нѣсколько разъ пріѣзжала. Графиня Нанжисъ снова явилась въ свѣтѣ: въ ней замѣтили перемѣну; на лицѣ ея завяла та свѣжесць, которая уже никогда не возвращается совершенно; потерявъ цвѣщую красоту свою, она казалась еще любезнѣе для Эмилиа.

Однажды ввечеру Эмилиа была вмѣстѣ съ Жермелемъ среди множества людей. Графиня пріѣхала туда же на минуточку; и когда вышла, всѣ женщины стали говорить съ видомъ сожалѣнія о великой ея перемѣнѣ. Одна Эмилиа утверждала, что она такъ же хороша, какъ и прежде. Мелавида, та женщина, о которой мы уже говорили, и которая все еще надѣялась плѣнить Жермеля, увѣряла, что она не узнала Графини. Эмилиа такъ оскорбилась сию грубою неправдою, что, не выходя изъ предѣловъ

учпивости, ошвѣчала Меланидѣ весьма колко. Между тѣмъ пронувый Жермель смопрѣлъ на нее неподвижно, и никогда еще не находилъ ее столь прелесшною. Какая женщина не украсится похвалою совмѣстницы? . . . Великодушіе, побѣждая зависть и ревность, производилъ вообще удивленіе, а въ женщинахъ прогашельно. Кажется, что добродѣтели не споятъ имъ никакого пруда; онѣ блиспають въ мушнѣ, а въ женщинѣ милы, и сливаются съ ея прелеспиями.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Графиня Нанжисъ вздумала одна ѣхать въ маскарадъ, зная, что тамъ будетъ Жермель. Она взяла его за руку и ходила съ нимъ по залѣ. Эмилиа была также въ семъ маскарадѣ съ сестрою своею, и, по спранному случаю, въ одинакомъ платьѣ съ Графинею, такъ, что не всякой могъ бы распознать ихъ. Эмилиа, узнавъ Графиню, безъ намѣренія пошла за нею, и услышала, что она говоритъ Жермелю: *онъ здѣсь, онъ узналъ меня; я пролала!* Эмилиа догадалась, что дѣло идетъ о мужѣ; вдругъ схватила Жермеля за руку и сказала Графинѣ: *скройтесь и перемѣните на себѣ платье!* Успрашенная Графиня уступила ей свое мѣсто и въ минушу исчезла. Скоро

явился Графъ и хотѣлъ сдернуть съ нее маску, но толпа отвлекла его. Пуспите меня къ нему, сказалъ Жермѣль: мнѣ уже наскучили его грубости. Развѣ захопите погубить Графиню? спросила Эмилія, и однимъ словомъ смягчила Жермѣля. Между тѣмъ они вошли въ коридоръ. Графъ Нанжисъ бросился за Эмилиєю, которая остановилась, сняла съ себя маску и сказала ему, указывая на Жермѣля: „почувствуйте наконецъ ошибку свою! Я вездѣ ищу его и люблю снрасино!“ Съ какою радостію, съ какимъ восторгомъ чувства Эмилиа излились въ семъ странномъ объявленіи, которое облегчало ея сердце; отвращало поединокъ и спасало совѣстницу! Никогда любовь не имѣла лучшаго предлога для нескромности. Жермѣль схватилъ руку Эмилиа и обливалъ ее слезами. Обрадованный Графъ извинялся и спѣшилъ удалиться. Эмилія трепетала и сама удивлялась тому, что сдѣлала; надѣвая опять маску, она сказала: „надобно было спасти любезную женщину.“... Ахъ! не говорите! воскликнулъ Жермѣль: эпошѣ плѣнительной голосъ не долженъ испреблять дѣйствія небесныхъ словъ, начертанныхъ въ моемъ сердцѣ! —

Пойдемъ-те искать сестры моей, сказала Эмилиа, и вошла въ залу.

Сіе приключеніе сдѣлалось всѣмъ извѣстно. Графъ Нанжисъ, излеченный отъ ревности, объявилъ друзьямъ своимъ, что онъ чуднымъ образомъ узналъ взаимную спрасъ Жермеля и Эмилии. Ему не удалось нѣмъ оправдать жены своей: всѣ думали, что любовникъ пожертвовалъ ею новой склонности. Жермель сказалъ Графинѣ, что ему послѣ такой исторіи непременно должно ѣздить къ Эмилии; иначе Графъ могъ бы опять разувѣриться. Несчастная запрепетала отъ сего предложенія, но не смѣла не согласиться. Одна мысль, что всѣ считаютъ Жермеля влюбленнымъ въ другую женщину, была для нее мучительна; къ сему оскорбленію чувства и самолюбія присоединялась еще ужасная ревность, къ несчастію справедливая.

Эмилиа съ своей стороны думала, что, не принимая у себя Жермеля, она заставитъ всѣхъ думать, что онъ имѣлъ къ ней только минувшую склонность и оставилъ ее; послѣ такого несомнительнаго признанія, надлежало хотя нѣскольکو времени продолжить эту связь. Но Эмилиа велѣла Жермелю увѣрить Графиню, что, будучи должна пришиворяться

для ея пользы, она черезъ два мѣсяца отпражеть ему отъ дому и всѣмъ объявитъ, что не могла рѣшишься на второе замужство. Жермель бывалъ у Эмилии только при людяхъ. Они не могли говорить о своихъ чувствахъ, но радовались, что другіе считали ихъ въ связи. Любовь думаетъ только о настоящемъ; никакая иная страсть столь мало не занимается будущимъ; она боится взглянуть на него; боится въ немъ уже не найти себя!

Женщины, завидуя Эмилиной побѣдѣ, — съ великимъ жаромъ осуждали Жермелеву невѣрность; между тѣмъ никто не разумѣлъ его поведенія, ибо онъ бывалъ у Графини чаще прежняго, не страшась ревности мужа. Сверхъ того сама она, желая, чтобы ее не считали оставленною, не скрывала уже любви своей къ нему — и самые искусные наблюдатели, теряясь въ догадкахъ, не знали наконецъ, что думать о такихъ странностяхъ.

Въ концѣ зимы Графъ Нанжисъ вздумалъ дать балъ и позвалъ Эмилию для Жермеля. Графиня приняла ее съ такимъ опличіемъ, что всѣ изумились: хозяйкѣ того и хотѣлось. Сии двѣ совѣстницы безпрестанно сидѣли вмѣстѣ, безпрестанно

говорили другъ съ другомъ, ласково и съ чувствомъ. Любопытные не спускали съ нихъ глазъ. Мужчины удивлялись, а женщины говорили: *какъ онъ притворны!*...

Въ продолженіе бала Эмилія спала жаловаться на жаръ, и Графиня предложила ей отдохнуть въ ея кабинетѣ. Эмилія пошла съ нею, думая съ нѣкопрымъ безпокойствомъ о томъ, что будетъ наединѣ съ несчастною любовницею. Онѣ сѣли на канапе. Графиня взяла обѣ руки Эмиліины, и пожавъ ихъ съ величайшею нѣжностію, сказала: „Ангель хранитель мой! вы два раза спасли меня отъ слѣдствій моей безразсудности!... Ахъ! добродѣтель ваша даетъ мнѣ право всего ожидать отъ васъ!“... Тутъ Графиня замолчала, покраснѣлась и опустила глаза въ землю. Тронутая Эмилія догадалась, что она хочетъ просить ея — и, обнявъ Графиню, отвѣчала: „Повелѣвайте мною; все сдѣлаю для вашего спокойствія!“ Глаза нѣжной Графини наполнились слезами. „Сжалюсь надъ моею слабостію!“ сказала она: ахъ! вы ее знаете!... *Я люблю его* чрезмѣрно: судите, каково мнѣ видѣть, что онъ показывается въ васъ влюбленнымъ! Знаю, что вы принимаете его единственно для утвержденія вашей благодѣтельной хитрости; но мо-

жно ли бытъ равнодушною ко знакамъ еѳ склонности, и можно ли припворяться этому, кпо беретъ на себя видъ влюбленнаго въ Эмилію? Ради Бога, не принимайте Жермѣля... и возвратите мнѣ жизнь!" — Даю слово, отвѣчала съ живостию Эмилія. — Великодушная, милая женщина! воскликнула Графиня, бросившись къ ней въ объятія: опъ какой страшной муки вы меня избавляете! Я уже не могу бытъ щаслива, потерявъ собственное къ себѣ уваженіе: но по крайней мѣрѣ сердце мое перестанетъ раздражаться. — Я еще болѣе сдѣлаю, сказала Эмилія, и завтра уѣду въ Лангедокъ на цѣлый годъ. . . Нѣтъ, это излишно, отвѣчала Графиня: ваше опсупствіе огорчитъ меня; сверхъ того что подумаютъ? — „Будьте покойны; я найду способъ.“ . . . Вошли другія дамы, и разговоръ пресѣкъся. Возвратились въ залу. Тамъ Жермѣль танцовалъ съ Меланидою: это подало Эмиліи мысль припвориться сердитою на него; извѣстно было, что она не любила Меланиды, которая не скрывала своей привязанности къ Жермѣлю. Эмилія открылась Графу Нанжису въ мнимой досадѣ своей, и велѣла шихонько Жермѣлю, когда поставили кушанье, сѣсть за столъ подлѣ Меланиды;

а сама сѣла между хозяиномъ и хозяйкою, и во весь ужинъ не переспавала говорить первому о своемъ неудовольствіи. Графъ называлъ его несправедливымъ, безразсуднымъ, но вѣрилъ ему; чего ей только и хотѣлось. Эмилиа послѣ ужина поспѣхъ уѣхала, обнявъ Графиню съ нѣжнѣйшимъ сладкимъ, нѣжнымъ чувствомъ, которое мы всегда имѣемъ къ предмету нашей добродѣтельной жертвы. Она въ тотъ же вечеръ написала къ Жермёлю записку, корошенькую, холодную и безъ всякаго выраженія любви. Жалость и пламенное усердіе оправдашь довѣренность нещасливой Графини, истребляли въ ней всякое другое чувство. Она сочла бы вѣроломствомъ малѣйшій знакъ склонности къ Жермёлю, и даже съ угрызениемъ совѣсти вспоминала прежнія доказательства своей любви къ нему, безпрестанно воображая Ангельскій, умильный видъ, съ которымъ говорила ей Графиня. Эта жалкая, трогательная картина заставила ее наконецъ обратиться къ разсудку: она уже перестала извинять Жермёлеву невѣрность, гнушалась ею, а болѣе всего ужасалась ее! — На другой день по утру Эмилиа простилась съ сестрою, и уѣхала изъ Парижа.

(*Окончаніе впереди.*)

II.

Пантеонъ Рускихъ Авторовъ.

Подъ симъ титуломъ Г. Бекешовъ издаетъ собраніе ихъ портретовъ (очень изрядно гравированныхъ) съ крипическими замѣчаніями. Мы любимъ портреты и чужестранныхъ Писателей: свои должны быть для насъ еще интереснѣе. Въ началѣ изображены Боянъ и Неспоръ: не нужно сказывать, что одно воображеніе могло предсавить черты ихъ. Издапель хотѣлъ только напомнить любителямъ Литтературы, что у насъ и въ древности были Сочинители. Но истинный *вѣкъ авторской* начался въ Россіи со временъ ПЕТРА Великаго: ибо искусство писать есть дѣйствіе просвѣщенія. Теофанъ и Кантемиръ составляютъ сію первую эпоху; за нею слѣдуетъ эпоха Ломоносова и Суморокова; прешью должно назвать время ЕКАТЕРИНЫ Великой, уже богатое числомъ Авторовъ; а четвертой... мы еще ожидаемъ.

Теперь вышли уже 3 шепради Пантеона, состоящія изъ 15 портретовъ; четвертая скоро оппечатается. Мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ замѣчаній, желая дать идею о слогѣ ихъ.

Феофанъ Прокоповичъ.

„Ученый Богословъ и природный Орапоръ. Въ рѣчахъ его, духовныхъ и свѣтскихъ, разсѣяно множество цвѣтловъ краснорѣчія, хошя слогъ ихъ не чистъ и, можно сказать, неприятенъ. Мысль, что ПЕТРЪ Великій бывалъ часто его слушателемъ; искреннее, жаркое чувство, съ которымъ онъ говоритъ о великихъ дѣлахъ Его, обращаясь лично или къ Нему самому, или къ Его знаменитымъ сотрудникамъ; означеніе славныхъ эпохъ Россіи, и наконецъ щасливья, живья черпы, вдохновеніе испиннаго Генія: вотъ магія Феофановыхъ рѣчей, копорая никогда не поперяетъ силы своей для Рускаго сердца! Забывая негладкость языка, плѣняемся ихъ содержаніемъ, и льемъ радостныя слезы, чипая слово о незабвенномъ поржествѣ Полтавскомъ, о юномъ, но уже славномъ флотѣ Россійскомъ, о возвращеніи Монарха изъ чужихъ земель къ подданнымъ и дѣпямъ своимъ. Когда же Рипоръ, въ кипѣнни горести, въ опчаянни сердца, восклицаетъ: *что дѣлаемъ? ПЕТРА Великаго погребаемъ!* . . . и теперь, и теперь еще благодарные сыны опечества рыдають съ нимъ! Преданіе говоритъ, что Феофанъ, сказавъ сіе ужасное слово, не могъ про-

должать отъ собственныхъ слезъ и всеобщаго сменанія.

„Щасливый вѣкъ Поэзіи и Риторства, когда предметъ ихъ столь великъ и любезенъ!

„Въ Теофанѣ сіяетъ уже заря Россійскаго краснорѣчія; но, будучи предшественникомъ Ломоносова, онъ не похитилъ у него славы бытъ нашимъ лучезарнымъ Фебомъ.

„Имъ сочинены многія Богословскія, правоучительныя книги и даже предисловіе къ Морскому Уставу. Какъ мужъ просвѣщенный, благоразумный Полипикъ и любимецъ ПЕТРА, онъ старался доказывать мудрость всѣхъ новыхъ Его учрежденій; первый открылъ талантъ молодаго Кантемира; ободрялъ, наставлялъ его, и вмѣстѣ съ нимъ писалъ стихи: два человека, съ которыми, по тогдашнему времени, никто не могъ спорить въ остроуміи и учености!

„Теофанъ имѣлъ блестящія достоинства, слѣдственно и непріятелей, которые обвиняли его ересью въ умствованияхъ и въ Теологіи; но въ царствованіе ли ПЕТРА Великаго могло бытъ опасно такое злословіе?“

Тредіаковскій.

„Естьли бы охота и прилѣжность могли замѣнить дарованіе, кого бы не превзошелъ Тредіаковскій въ стихотворствѣ и краснорѣчіи?

„Но упрямый Аполлонъ вѣчно скрывается за облакомъ для самозванцевъ — Поэтовъ, и сыплетъ лучи свои единственно на шѣхъ, которые родились съ его печатію.

„Не только дарованіе, но и самый вкусъ не приобретается; и самый вкусъ есть дарованіе. Ученіе образуетъ, но не производитъ Автора.

„Тредіаковскій учился во Франціи у славнаго Ролленя; зналъ древніе и новые языки; читалъ всѣхъ лучшихъ Авторовъ, и написалъ множество помовъ въ доказательство, что онъ . . . не имѣлъ способности писать.

„Однакожъ труды его были не совсѣмъ безполезны. Онъ первый изъяснилъ на Рускомъ языкѣ мѣру стиховъ, и перевелъ древнюю Испорію, которую по сіе время читають наши Провинціальные дворяне.

„Имя Тредіаковского будетъ извѣстно самымъ опдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его, и почтимъ въ немъ . . . трудолюбіе науки и несчастіе природы.

„П. П. Не многіе, можетъ бытъ, знающѣ слѣдующій анекдотъ. ЕКАТЕРИНА II, любя успѣхи Россійскаго языка, желала, чтобы въ избранномъ обществѣ Эрмитажа всѣ говорили по-Руски. Ея воля была закономъ. Но законодатель долженъ предвидѣть и неисполненіе: какое же наказаніе опредѣлила Монархиня для преступниковъ? За всякое иностранное слово, вмѣшанное въ разговоръ, виновный осуждался прочесть сто стиховъ изъ Телемахида Тредіаковскаго.“

Ломоносовъ.

„Рожденный подъ хладнымъ небомъ сѣверной Россіи, съ пламеннымъ воображеніемъ, сынъ бѣднаго рыбака сдѣлался опцемъ Россійскаго Краснорѣчія и вдохновеннаго Стихотворства.

„Ломоносовъ былъ первымъ образователемъ нашего языка; первый открылъ въ немъ изящность, силу и гармонію. Геній его совѣтовался только самъ съ собою, угадывалъ, иногда ошибался, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ оставилъ незагладимую печать великихъ дарованій.

„Онъ вписалъ имя свое въ книгу бессмертія, тамъ, гдѣ сіяющъ имена Пиндаровъ, Гораціевъ, Руссо.

„Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ, и имъ живѣе чувствуемъ его достоинство.

„Лирическое Стихотворство было собственнымъ дарованіемъ Ломоносова. Для Эпической Поэзіи нашего вѣка не имѣлъ онъ, кажется, достаточной силы воображенія, того богатства идей, того всеобъемлющаго взора, искусства и вкуса, копорыя нужны для представленія картины нравственнаго міра и героическихъ спрасей. Трагедіи писаны имъ единственно по волѣ Монархини; но Оды его будутъ всегда драгоценностію Россійской Музы. Въ нихъ есть конечно слабыя мѣста, излишности, паденія; но всѣ недоспашки замѣняются разнообразными красотами и пѣтическимъ совершенствомъ многихъ спрофъ. Никто изъ послѣдователей Ломоносова въ семъ родѣ Стихотворства не могъ превзойти его, ниже сравняться съ нимъ.

„Проза Ломоносова вообще не можетъ служить для насъ образцомъ; длинные періоды его упоминательны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха; но талантъ великаго Орашора блистаетъ въ двухъ похвальныхъ Рѣчахъ его, кошо-

рыя и теперь должно назватъ однимъ изъ лучшихъ произведеній Россійскаго, собственно такъ называемаго Красно-рѣчя.

„Естли Геній и дарованія ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россія должна Ломоносову монументомъ:“

III.

Чудесное зрѣнiе.

Письма, на сихъ дняхъ полученныя изъ Индiи (говоритъ издапель *Французской Газеты*), увѣдомляющъ о смерти человека мало извѣснаго, но удивительнаго. Случай, о которыхъ будемъ теперь говорить, покажутся невѣроятными; но они утверждены свидѣтельствомъ всѣхъ жителей Иль-де-Франса, и достойны любопытства наблюдателей.

Г. Бошино, умершій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ Пондишери, и бывшій тамъ магазиннымъ приставомъ, не имѣлъ понятія о наукахъ, и шѣ, которые знали его до сорока лѣтъ, не могли думать, что онъ прослыветъ колдуномъ; но это, къ удивленiю ихъ, случилось. Гуляя однажды по берегу моря,

не далеко отъ того мѣста, гдѣ стоятъ маяки, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ способность видѣть на морѣ корабли въ такомъ разстояніи, въ которомъ они скрываются не только отъ глазъ, но и отъ самыхъ искусственныхъ способовъ Оптики.

Всѣ знаютъ, что выпуклость моря не дозволяетъ видѣть самыхъ большихъ кораблей за предѣлами горизонта, который простирается не болѣе, какъ на 10 Французскихъ миль въ прямую линію, и что никакой телескопъ не можетъ показать сокрытаго за массою воды. Сія невозможность исчезла для Г. Бодино. Онъ видѣлъ не только за 10, но и за 150 миль корабли, плывущіе къ Иль-де-Франсу или въ Индію; былъ такъ увѣренъ въ своемъ зрѣніи, что бился объ закладъ, и многими, которые вѣрили наукѣ его, выигрывалъ большія суммы; сказывалъ число и фигуру кораблей, порядокъ, въ которомъ они плывутъ, и сколько изъ нихъ назади отстало. Справлялись съ журналами Капитановъ, и выходило, что Бодино никогда не обманывался.

Наконецъ закладчики выдумали для него новыя трудности, требуя, чѣобы онъ угадывалъ, куда идутъ корабли, въ Иль-де-Франсъ или въ Индію, и когда именно, въ которой день и часъ они

покажутся. Бошино и на то соглашался, въ твердой надеждѣ на свое искусство; и хопя не могъ предузнатьъ разныхъ случаевъ, пишины, бури и другихъ препятствій, однакожь весьма рѣдко ошибался, такъ, что у него выигрывали деньги только обманомъ, на примѣръ утверждая, что корабли все еще не видны, въ то время, какъ они уже ясно открывались на горизонтѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Бошино уѣхалъ изъ колоніи въ Пондишери и не переставалъ заниматься тамъ своею чудесною наукою. Нѣкоторые мореходцы слушали его съ удивленіемъ; другіе смѣялись надъ нимъ какъ надъ безумнымъ. Когда приступали къ нему и требовали, чпобы онъ изъяснилъ свою тайну, Бошино говорилъ только, что *наружные знаки* показываютъ ему близость кораблей; что онъ въ разсужденіи сего не имѣетъ никакого особеннаго откровенія, и не понимаетъ, какъ другіе не видятъ ихъ.

Сей удивительный человекъ хотѣлъ продать свою тайну Королю Французскому; но тогдашніе Министры не уважили ее, и Бошино умеръ въ бѣдности, не оставивъ никому своей пророческой мантіи. — —

Въ другомъ Парижскомъ журналѣ напечатано письмо одного Медика Леруа,

который говорилъ, что сія тайная наука была извѣстна Египтянамъ; что ее должно называть *Навсколіею*; что онъ имѣетъ манускриптъ самого Ботино, который свѣдалъ ея правила нечаянно; что она не должна погибнуть съ нимъ; что Франція можетъ еще воспользоваться симъ великимъ открытіемъ, достойнымъ того вѣка, въ который люди узнали законъ электрической силы, *узнаютъ* физическую и химическую природу жизненнаго начала (*principe qui vivifie l'homme*), дышающъ по воздуху, и проч. и проч.

IV.

Новыя ремесленныя изобрѣтенія.

Письмо изъ Милана.

Къ намъ привезли нѣсколько ящичковъ съ драгоценными машинами, изобрѣшенными гражданиномъ Морози, Профессоромъ Механики въ Брешианскомъ Университетѣ. Дѣши шести и семи лѣтъ могутъ, посредствомъ одной, прядеть хлопчатую бумагу, столь ровно и тонко, что едва можно различать нити. Другая сама собою шочетъ варугъ три шелковые чулка, которые не уступаютъ въ добротѣ луч-

шимъ Англійскимъ. Третья машина приводится въ движеніе водою, и маленькія дѣвочки могутъ посредствомъ ея ткать въ день по-нѣскольку тысячъ аршинъ всякихъ ленѣ. Какъ скоро перервется въ ней хотя одна шелковинка, то машина сама собою остановится. — Мы обязаны симъ пріобрѣтеніемъ, важнымъ для торговли, дѣятельной ревности нашего Вице-Президента.

V.

Примѣчанія достойный опытъ земледѣлія.

Французскій Профессоръ Дебрюнъ обнаружилъ слѣдующія замѣчанія:

„Зерно хлѣба, называемаго *tritium compositum*, произвело въ саду моемъ 19 колосовъ или 2508 зеренъ; зерно ячменя, называемаго *hordeum hybernum*, 92 колоса или 7544 зерна; зерно ржи 121 колосъ или 3650 зеренъ. Такимъ образомъ при обыкновенныя зерна, безъ всякихъ чрезвычайныхъ способовъ искусства, произвели 232 колоса или 13,682 зерна.

„Другой опытъ сдѣланъ былъ земледѣльцемъ, сосѣдомъ моимъ. Рѣпное сѣмя,

посѣянное въ надлежащее время, въ хорошую погоду и на удобренной землѣ, въ 6 недѣль произвело рѣпу въсомъ въ 12 фунтовъ, то есть въ 1,547,800 болѣе себя.

Умноженіе массы рѣпнаго сѣмени происходило въ слѣдующей соразмѣрности:

Въ 6 недѣль	- -	въ 1,547,800 разъ.
Въ каждую недѣлю	-	224,665 —
Въ каждый день	-	52,090 —
— — часъ	-	1,557 —
Въ минушу	- -	22 —
Въ секунду	- -	15 —

И такъ Натура увеличивала сіе шѣло въ каждую секунду почти двумя шрепями его первоначальной массы.

VI.

С М Ъ С Ъ.

„**Е**сть аншипатіи (говоритъ издатель *Лондонскаго Вѣстника*), отъ которыхъ не возможно человѣку избавишься, и которыхъ не лзя изъяснить. Герцогъ д' Эпернонь падалъ въ обморокъ, видя зайца — Фельдмаршалъ д' Альбре не могъ подойти къ столу, на которомъ спяло блюдо макарони — Владиславъ Ягеллонъ, Король Польскій, который 50 лѣтъ пре-

зираль всѣ опасности съ удивительною смѣлостію, блѣднѣль отъ одного взгляда на яблоко — Кавалеръ Боиль чувствовалъ судорогу во всемъ тѣлѣ, естли при немъ лили воду изъ бубылки — духовникъ Герцога Болъфона . . . холодѣль какъ ледъ, когда читалъ 53 главу Исаіи. Къ симъ непонятнымъ чувствамъ надобно прибавить антипатію Консула Бонапарте, возбуждаемую въ немъ не только чтеніемъ, но даже и видомъ Англійскихъ Журналовъ.“

Слѣдующій анекдотъ подалъ, можетъ быть, Шекспиру мысль сочинить трагедію Гамлета.

Въ Линѣ, въ Графствѣ Норфолькскомъ, актеры Графа Соссекса играли драму, называемую *Братъ Францискъ*, въ которой одна женщина, удовлетворяя спраси своей къ любовнику, убиваетъ мужа. Тѣнь убитаго не отспааетъ отъ нее, и въ уединеніи являешоя ей въ разныхъ страшныхъ видахъ. Одна изъ зрительницъ, которая пользовалась общимъ уваженіемъ въ Линѣ, вдругъ закричала: *ахъ! мужъ мой, мужъ! его тѣнь грозитъ мнѣ!* Всѣ удивились, и начали спрашивать, что съ нею сдѣлалось? Нещасная въ ту же минушу объявила, что она по

любви къ одному молодому человѣку отпра-
вила ядомъ своего мужа, и видѣшь ипѣнь
его на сценѣ. Ее взяли, представили въ
судъ и казнили. — Это случилось въ
царствованіе Генриха VIII.

Ученые Французскіе экономя доказы-
вають нынѣ въ журналахъ, что хлѣбъ
должно не *сѣять*, а *садить*; что въ ша-
комъ случаѣ ни одно зерно не пропадаетъ,
и на одной десятинѣ родится болѣе, не-
жели на двухъ посѣянныхъ въ самый
лучшій годъ, кромѣ той выгоды, что
сѣмень надобно въ десять разъ менѣе.

„Славная Вареоломеевская ярманка
(говорятъ одинъ Лондонскій Журналистъ)
началася; а съ нею начались и тѣ сцены
разврата, которыя ежегодно оскорбляютъ
сердце добронравныхъ Лондонскихъ жи-
телей. Сей праздникъ есть обширный театръ
пороковъ всякаго роду. Женщины, кото-
рыя до того времени вели себя хорошо,
приходятъ танцовать въ шакпиры, не
предвидя слѣдствій. Ихъ поятъ; часы
пекутъ, и рѣдкая изъ нихъ возвращает-
ся домой съ честію. Зрители, приходя-
щіе туда изъ любопытства, бывають
обкрадены ворами, которые спѣшатъ на
сію ярманку изъ всѣхъ провинцій Англій,

и сочиняюшь шамь планы грабежа на весь годъ.“ Сколько неморальнаго въ просвѣщенной Англїи!

Кто чиняетъ Англїйскїя вѣдомости, тотъ знаетъ, какое удивительное дѣйствїе произвела въ Лондонѣ красота Госпожи Рекамье, молодой Француженки. Народъ бѣгалъ за нею на гульбищахъ; въ знатныхъ домахъ давали ей праздники, и скромныя Англичанки, осыпая ее ласками, доказывали, что онѣ умѣютъ опдавать справедливостъ даже и красотъ, даже и Француженкѣ. Госпожа Рекамье возвратилась въ отечество, и въ знакъ благодарности своей къ Англїйскому народу старається прїятнымъ образомъ угощать всѣхъ Англїйскихъ путешественниковъ въ Парижѣ. Недавно въ загородномъ домѣ своемъ давала она завтракъ Фоксу, Лорду Голланду, Господину Эрскину, Генералу Фиц-Патрику (знаменитымъ противникамъ Министршва) и другимъ Бригвандамъ. Въ числѣ ея гостей были еще Генераль Моро, Прусскїй Министръ Лукезини, Князь Долгорукой, Господинъ и Госпожа Дивовы. Всѣ Парижскїе журналы говорятъ о семъ завтракѣ, примѣчая, что любезная хозяйка сидѣла за столомъ между Фокса и Моро. *Красота своимъ*

ласковыми улыбками (сказалъ одинъ изъ нихъ) платила дань славъ.

Одинъ Нѣмецкій путешественникъ встрѣтился съ Бонапарте въ Национальной Библіотекѣ, и такимъ образомъ описываетъ сей случай: „Консулъ прѣхалъ съ женою, съ ея дочерью, съ Лудвигомъ Бонапарте, со множествомъ Адьюпантовъ и съ живописцемъ Давидомъ, который нѣкогда былъ нѣжнымъ Робеспьеровымъ другомъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ антиковъ и прежде всего спросилъ о медаляхъ Александровыхъ и Цесаревыхъ, желая видѣть ихъ изображенія. Ему отвѣчали, что Александра нѣтъ. Передъ самою дверью кабинета висятъ щитъ и шлемъ Франциска I, которые достались въ руки Гишпанцамъ въ день сраженія при Павии; они были отвезены въ Мадридъ, а оттуда въ Нидерланды, гдѣ Французская армія нашла ихъ. За щитомъ лежатъ два медала: Франциска I и Генриха IV. Бонапарте велѣлъ ихъ подать себѣ, взялъ въ руки, пробовалъ, тяжелы ли они, и хотѣлъ знать ихъ мѣру: чего однакожь не умѣли сказать ему приставы. Между тѣмъ жена и падчерица его сидя разсматривали рѣзные камни. Онъ гово-

„рилъ мало и былъ въ шляпѣ, но ино-
гда снималъ ее. — Сѣвъ въ карету, Бона-
парше сказалъ на ухо слугѣ, зашворяв-
шему дверцы, куда надобно ѣхать; а
слуга спалъ на переднее колесо, и пере-
далъ его приказаніе кучеру шакже на
ухо. Это удивило меня! . . . Надобно
замѣтить, что Офицеры и Адъютанты
опгоняющъ отъ кареты всѣхъ любо-
пытныхъ, когда Бонапарше выходить.“

ПОЛИТИКА.

I.

Послѣднія политическія мысли, предложенныя Неккеромъ Французскому народу.

(Такъ назвалъ Неккеръ свое новое произведение, еще неизвѣстное въ Россіи. Славное имя Авшора и важность содержанія заставляють насъ перевести изъ Декады слѣдующее разсмотрѣніе сей книги, дающее объ ней полную идею.)

Новое сочиненіе Г. Неккера и послѣднее — какъ онъ говоритъ — есть кришика на Конспишудію осьмага Республиканскаго лѣта. Онъ разбираетъ сосавъ ея, и находитъ такое множество недоспашковъ, что она, по его мнѣнію, никакъ не можетъ остаться вѣчнымъ закономъ, будучи ни то ни сѣ, ни республиканская, ни монархическая, ни смѣшенная (mixte), и не заслуживая самаго имени Конспишудіи. Сенатъ и Законодательный Корпусъ ни на что не похожи. Отнявъ у народа право выбирать чиновниковъ, законодатель отлѣвилъ ихъ отъ гражданъ и оставилъ безъ всякой опоры. —

Авторъ разсуждаетъ о Республикѣ, Монархіи умѣренной и аристократической; сравниваетъ ихъ и рѣшительно отдаетъ преимущество Англійской. Однакожь сообщаетъ планъ республиканской Конституціи, основанной на равенствѣ и системѣ *представительной* (*représentatif*). Пророчество его исполнилось: Конституція осьмаго лѣта уже измѣнилась въ главныхъ частяхъ; но публика не для сего предсказанія любопытствуетъ читать Неккерову книгу, а для того, чтобы видѣть, какіе недоспатки находилъ въ ней Политикъ, игравшій великую роль, и какія средства исправленія онъ предлагаетъ, бывъ наученъ опытомъ; ибо Неккеръ лучше всѣхъ другихъ могъ наблюдать дѣйствіе собственныхъ заблужденій и ошибки всѣхъ эпохъ Революціи.

Чтобы дать точную идею о книгѣ и духѣ ея, надобно приводить изъ нея мѣста. Слѣдуетъ введеніе къ его республиканской Конституціи: „Республика, „состоящая изъ 50 милліоновъ гражданъ, и въ которой не лзя прибѣгнуть „ни къ какому раздѣленію власти, для „облегченія Правительства, ни къ дворянству для удержанія спрасней нарсе- „да посредствомъ уваженія, основаннаго „на времени и привычкѣ, — такая Рес-

„публика есть самое труднѣйшее поли-
 „тическое образованіе. Тогда надобно съ
 „великимъ благоразуміемъ учредить ис-
 „кусственныя отношенія; и еслили оши-
 „бешься въ равновѣсіи властей, то оп-
 „кроешь путь къ деспотизму или само-
 „властію: ибо верховное начальство не-
 „обходимо; когда же законодатель не
 „умѣлъ согласить его съ вольностію,
 „тогда люди сильные или богатые имъ
 „завладѣющъ и будутъ пользоваться какъ
 „своимъ завоеваніемъ, безъ правилъ и
 „бережливости. Отъ чего просвѣщенный
 „народъ Французскій не зналъ сей истины
 „до самаго того времени, какъ ужасныя
 „бѣдствія открыли ему заблужденія,
 „которыя онъ способствовалъ своею по-
 „спѣшною и слѣпою ревностію? отъ по-
 „то, что общественная Политика была
 „для него новою наукою, и что, имѣя
 „младенческое легковѣріе и живость въ
 „воображеніи, онъ плѣнялся одними слс-
 „вами, не пребуя вещи; плѣнялся слав-
 „нымъ именемъ Республики, когда нѣ-
 „сколько человекъ, присвоивъ себѣ власть,
 „составили самую дерзкую олигархію;
 „плѣнялся именемъ свободы, когда частная
 „воля исчезла и все дѣлалось принуж-
 „денно; именемъ равенства, когда опличіе
 „рода уступило мѣсто другому, ужасному

„различію: угнетателей и угнетенных, смертоубійць и жертвъ.

„Наука законодатель безполезна въ такой землѣ, гдѣ все должно покоряться волѣ одного; тогда можно единственно совѣщовать властителямъ. Соединеніе порядка съ вольностію пребууетъ въ большомъ государствѣ глубокомысленнаго соображенія, и Англія представляетъ намъ въ семъ родѣ удивительный образецъ.

„Соединеніе порядка съ вольностію и равенствомъ еще пруднѣе: Американцы утвердили его помощію союзаго правленія. Наконецъ соединеніе порядка съ вольностію, равенствомъ и съ правленіемъ *нераздѣльными*, можетъ назваться въ Политикѣ философскимъ камнемъ, и если увидимъ его въ большомъ государствѣ, то оно будетъ единственнымъ примѣромъ въ Исторіи. Теперь оставляю читателямъ рѣшить, согласенъ ли съ благоразуміемъ предлагаемый мною планъ?“

Авторъ хочетъ, чтобы народъ Французскій участвовалъ въ раздѣленіи власти, и не вѣритъ правилу, что надобно дѣлать все для народа, но все безъ его содѣйсвія. „Оно прекрасно, когда ему слѣдующъ, говоритъ Неккеръ: но

„друзья народа будутъ всегда желать,
 „чтобы онъ не зависѣлъ единственно
 „отъ воли правителей въ Республикѣ, и
 „чтобы ему дали нѣкоторую сферу дѣй-
 „ствія. Въ народѣ пакъ много невѣже-
 „ства, что не должно требовать отъ
 „него мудрости; однакожь его надобно
 „выводить на сцену, чтобы онъ утвер-
 „ждалъ власть. Монархъ царствуетъ
 „Божіею милостію, завоеватель шпагою,
 „правительство аристократическое благо-
 „разуміемъ, но Республика именуется
 „народъ и къ нему относятся; ея чи-
 „новники, украшаясь именемъ *предста-*
 „*вителей націи*, должны помнить цѣль
 „власти своей. Они могутъ обойтись
 „безъ уваженія, которое рождается въ
 „Монархіяхъ отъ знаковъ отличія; но
 „тогда участие народа въ гражданскихъ
 „дѣйствіяхъ должно быть главнымъ осно-
 „ваніемъ правленія. Власть, достоин-
 „ство начальниковъ и добродѣтели въ
 „Республикѣ должны быть соображены
 „съ духомъ республиканскимъ: идея важ-
 „ная для законодателя! Онъ упадетъ въ
 „опасныя заблужденія, если захочетъ
 „утвердить порядокъ въ Республикѣ
 „средствами другихъ правленій, Монар-
 „хїи или Аристократїи.“

И такъ Г. Неккеръ полагаетъ основаніемъ Республики право избранія и старается утвердить его такъ, „чтобы народъ былъ всегда въ виду, всегда въ дѣйствіяхъ власти, не вредя самому себѣ, и не подвергаясь опасностямъ многочисленныхъ собраній, составленныхъ изъ людей просвѣщенныхъ и не вѣждъ, богатыхъ и бѣдныхъ.“ Слѣдственно Г. Неккеръ берется рѣшить главные затрудненія Республикѣ.

Выборы должны быть всякія пять лѣтъ, по округамъ, а не Департаментамъ. Если въ Департаментѣ пять округъ, то будетъ пять избираемыхъ собраній и пять Депутатовъ. Надобно платить не менѣе двухъ сотъ ливровъ поземельной подати, чтобы быть членомъ сихъ окружныхъ собраній, назначающихъ 5 кандидатовъ, изъ которыхъ выбирается одинъ законодатель. Городской окружной судъ объявляетъ имена сихъ пяти человекъ всѣмъ купцамъ, ремесленникамъ, Офицерамъ, инвалидамъ и проч.; они записываютъ голоса свои — и большинство ихъ рѣшитъ, кому изъ кандидатовъ быть членомъ законодательнаго Совѣта. Сей Совѣтъ раздѣляется на большой и малой, которые общимъ согласіемъ даютъ законы, отсылая ихъ на утвержденіе исполни-

шельной власти, могущей ихъ принять или отвергнуть. Въ послѣднемъ случаѣ Г. Неккеръ прибѣгаетъ ко способу Американской Конспитуціи. Исполнительная власть представляетъ свои возраженія; Совѣты снова разсуждаютъ, и если двѣ трети голосовъ опять утвердятъ данный законъ, то власть исполнительная должна согласиться.

Но какъ образовать сію власть исполнительную? Вотъ самая труднѣйшая изъ трудныхъ задачъ! Г. Неккеръ думаетъ, что не должно обременять одного человѣка властію надъ двадцатью миллионами гражданъ, ибо она слишкомъ тяжела. Авторъ соглашается, что есть человѣкъ, котораго станеть на то; но сей чрезвычайный смертный есть чудо въ Исторіи, и на исключеніи не должно основывать системы. И такъ онъ предлагаетъ возложить исполнительную власть на семь человѣкъ, думая, что это число есть самое удобнѣйшее для порядка и самое безопасное. Совѣты выбираютъ членовъ исполнительной власти. Одинъ изъ семи ежегодно выходитъ, но можетъ снова быть выбранъ, только не болѣе двухъ разъ. Президентъ избирается на годъ подъ именемъ Консула. Это имя, говоритъ Авторъ, прославлено Наполеономъ

Бонапарте въ новѣйшія времена : надобно сохранить его. Большинство голосовъ рѣшилъ всѣ дѣла ; но Консулъ можетъ оплечаться наружнымъ великолѣпіемъ, представляя въ себѣ главное лицо Республики. Каждый Членъ исполнительной власти долженъ быть въ свою очередь Президентомъ. Они выбираютъ судей, входятъ въ переговоры съ Европейскими Державами, и проч., сообразно съ нашими прежними Конспиріями. Законодательный Совѣтъ разсуждаетъ о войнѣ и практическихъ мира. Консулъ отвѣтствуетъ за всякое нарушеніе законовъ. — Вотъ главный планъ Неккеровой Республики ! Въ немъ мало новаго и нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ мысли плѣнить имъ Францію, если Г. Неккеръ въ самомъ дѣлѣ надѣялся быть нашимъ законодательемъ.

Авигоръ не скрываетъ любви своей къ союзной (*fédérative*) Республикѣ, и говоритъ, что Французы могли бы съ нѣкоторыми легкими опмѣнами принять Американскую Конспирію; но знаетъ, что они не хотятъ и слышать о раздѣленномъ правленіи. Слѣдственно остается для нихъ еще наследственная, умеренная Монархія, которой почтенный образецъ видимъ въ Англіи. Но Дворянство необходимо для поддержки Монархіи : и такъ

Г. Неккеръ образуетъ его для Франціи, творитъ 250 Перовъ, знашныхъ господъ, старинныхъ, славныхъ фамилій, изъ копорыхъ всякой долженъ имѣть 50,000 ливровъ доходу съ недвижимаго имѣнія. Одинъ старшій сынъ есть наследникъ благородства; другіе дѣти всѣ простые граждане. Сверхъ того Государь можетъ пожаловать еще 50 человекъ въ личные Перы за особенныя достоинства. Такимъ образомъ дворянство ограничено; что, вмѣстѣ съ образомъ избранія Парламентскихъ членовъ (для котораго онъ предлагаетъ тотъ же способъ, какъ и для республиканскихъ выборовъ), составляетъ единственную опмѣну опъ Англійской Констипуціи. Что значашъ, говоритъ Г. Неккеръ, 250 дворянскихъ фамилій и 8 милліоновъ капитала, служащаго основаніемъ сей привилегіи, между 30,000,000 жителей?

Послѣ того Авторъ сравниваетъ планъ Республики съ планомъ Монархіи, и спрашиваетъ, копорой лучше? Монархія одерживаетъ побѣду. „Это мое всегдашнее мнѣніе, говоритъ Неккеръ, что для государства обширнаго и для народа живаго, пылкаго, непоспояннаго въ правилахъ и мнѣніяхъ, умѣренная Монархія лучше Республики. Она подчинена гораздо простѣйшимъ законамъ равновѣсія. Въ Рес-

„публикахъ самолюбіе людей непосред-
 „ственно дѣйствуетъ на гражданскія
 „связи; всякая власть слишкомъ близка
 „къ своему источнику, и пресупленіе
 „границъ ея, почти неминуемое, рождаетъ
 „смятеніе. Въ умѣренной Монархіи Госу-
 „дарь, Перы и Парламентъ суть три раздѣ-
 „ленные власти, которыя, не будучи въ
 „противоположеніи, не могутъ смѣши-
 „ваться; онѣ служатъ щипомъ для всѣхъ
 „другихъ властей и въ то же время ихъ
 „ограничиваютъ; нѣтъ ничего ни слиш-
 „комъ отдаленнаго, ни слишкомъ близкаго
 „въ дѣйствіяхъ сего прекраснаго образо-
 „ванія. Свобода въ умѣренной Монархіи
 „бываетъ такъ же совершенна, какъ и
 „въ Республикѣ; примѣръ тому есть
 „Англія. Мудрыя и постепенныя границы
 „соснавляютъ вольность; ее нѣтъ въ
 „Азіатскомъ деспотизмѣ.“

И такъ мы теперь въ умѣренной
 Монархіи! Нѣкоторые читатели скажутъ:
 за чѣмъ Авигоръ не тотчасъ привелъ
 насъ къ сей цѣли? Но ахъ! эта цѣль
 скоро исчезнетъ! Планы Г. Неккера суть
 истинная Пенелопина работа. Мы обра-
 зовали Республику: она кончилась вмѣстѣ
 съ главою. Мы сказали комплаиментъ {со-
 юзному правленію (*régime fédératif*), и про-
 шли мимо. Мы учредили Монархію, но

единственно для того, чтобы свергнуть ее съ прона. Эту книгу можно назвать примѣромъ человѣческаго непостоянства.

Во второмъ сравненіи умѣренной Мо-
нархїи съ Республикою Авторъ спраши-
ваетъ: *которое изъ сихъ двухъ правленій
теперь возможно для Франціи?* Здѣсь онъ
сходитъ, такъ сказать, съ большой до-
роги, удаляясь отъ обыкновенныхъ по-
нятій о различныхъ правленіяхъ. „Нѣ-
„сколько разъ, говоритъ Неккеръ, можно
„было основать умѣренную Мо-
„нархїю въ Франціи; но это время прошло.“ Онъ
сказалъ прежде то же самое о Республикѣ.
„Должно признаться въ важной истинѣ:
„самая благоразумная, самая мудрая Мо-
„нархїя встрѣтила бы теперь во Франціи
„сильныя препятствія. Впервыхъ какъ
„обойтись безъ знаиныхъ господъ вокругъ
„наслѣдственнаго прона? Воображеніе не
„можетъ уже быть опорой монархическаго
„учрежденія, которое, безъ сего способа,
„дѣлается химерическимъ. Уваженіе зна-
„тности не было очевиднымъ долгомъ
„разсудка, подобно уваженію добродѣтели,
„великаго разума и заслугъ. Кто не
„знаетъ, сколь дѣйствія воображенія не-
„постоянны, и сколь шрудно возвращишь
„его къ тому, что имъ оставлено?“

„Сомнительно, чтобы самая древняя Королевская власть могла теперь воскресить древнюю значность со всеми ея правами: такъ умы далеки отъ сего роду выдумки! Что же можеть сдѣлать новой Король, не окруженный воспоминаніями Исторіи, такъ, какъ Бурбонская фамилія?

„Начальникъ государства введетъ отличія и наружные знаки ихъ, которые всякой будетъ уважать, сколько захочетъ; но достоинства наследственные требуютъ другой опоры: надобно, чтобы политическое мнѣніе ознаменовало ихъ своею печатію, утвердило, освятило; а сіе мнѣніе независимо и строго въ своемъ законодательствѣ.“

Вотъ послѣднее заключеніе Автора: „Если Револуція въ Политикѣ или во мнѣніи испребила у васъ элементы значности, то знайте, что вы не имѣете уже элементовъ наследственной Монархіи, и должны (хотя съ сожалѣніемъ!) обратиться взоръ свой на другой образъ правленія. Я не думаю, чтобы самъ Бонапарте, не смотря на великой талантъ, Гений и власнь его, могъ нынѣ учредить во Франціи наследственную, умѣренную Монархію.“ Г. Неккеръ доказываетъ сію невоз-

возможность: это безъ сомнѣнiя не оставляетъ уже никакой надежды для Монархiи!

Но все сiе приводитъ насъ въ крайнее замѣшательство. Что жь мы? гдѣ мы? Г. Неккеръ отвѣчаетъ: „подъ Дикпашурою, необходимою и щастливою, ибо она находится въ рукахъ того человека, которъ одинъ можетъ управлять нами.“ Чѣмъ это кончится? Онъ не знаетъ или не хочетъ сказать, и до сего времени не давалъ намъ нигдѣ остановиться; наконецъ открываетъ Французамъ нѣкоторую возможность успокоенiя... въ Республикѣ! Элементы, нужные для сего правленiя, не совсѣмъ исчезли, какъ ему кажется. „Когда во время Конвента вышла, нная власнъ находилась въ рукахъ людей, хотѣвшихъ совершеннаго, Циническаго равенства, тогда нельзя было учредить твердой Республики; но теперь, когда Правленiе имѣетъ другой образъ мыслей, можно съ его помощiю основать ее, такъ, чтобы она въ теченiе вѣковъ стояла непоколебимо.“ И такъ если предпринять, которыми усѣяны другiе пуши, или особенная склонность „заставятъ Перваго Консула учредить Республику,“ то Г. Неккеръ ожидаетъ успѣха (*);

(*) Все это очень похоже на шушку; но крайней мѣрѣ забавно!

но думаетъ, что Бонапарте долженъ
оспапьяся хранителемъ сего новаго образо-
ванія и предасть его грядущимъ поколѣ-
нїямъ въ силѣ, цѣлости и непоколебимо-
сти. „Правда (говоритъ онъ), что харак-
теръ и Геній его будутъ всегда упра-
шою для Республики; но сія упраша,
необходимая со временемъ, будешь еще
горестнѣе во всякомъ другомъ правленїи.
Не стануть спрашивать: что будетъ
послѣ Бонапарте? не стануть желать
нескромнымъ образомъ, чтобы онъ на-
значилъ себѣ преемника, и самъ ослабилъ
мнѣніе, въ которомъ еще имѣетъ нужду.
Бонапарте уступилъ бы тогда мѣсто
свое не равному себѣ, котораго сыскаешь
трудно, и не одному, но многимъ; и
сія необходимость обратилась бы ему въ
славу. Можно и должно пользоваться
безъ опасенія Дикшатурою, которая
пресѣкаетъ на время гражданскія распри
и даетъ видъ единообразія всѣмъ чув-
ствамъ, удерживаемымъ однимъ стра-
хомъ или гласомъ власти; но можно ли
считать такую власть порукою щастїя,
а слѣпое повиновеніе цѣлю народныхъ
желаній? Естество вещей не испреби-
лось; и послѣ временнаго начальства,
призваннаго общоюшельствами, граж-
дане захопашь вѣчнаго и достойнаго

„вѣчности. Я увѣренъ, что во Франціи
 „будущъ еще говорить о свободѣ, не смо-
 „пря на пеперешнюю къ ней немилость;
 „и сіи изверги, которыхъ память кля-
 „нетъ Европа, сдѣлали бы еще болѣе зла,
 „нежели сколько они надѣялись сдѣлать
 „его, естли бы злодѣянїямъ ихъ мы
 „долженствовали принести въ жертву
 „всѣ благородныя и великодушныя идеи.
 „Но никогда, никогда не вздумають люди,
 „чтобы кратковременное торжество нѣ-
 „которыхъ политическихъ бродягъ и
 „мечтателей могло быть въ мірѣ знакомъ
 „вѣчнаго уничтоженія добродѣтели и
 „патріотизма, которые одушевляли сла-
 „вные дни Греціи и Рима. Нѣтъ, зловре-
 „дное дыханіе, протекшее благословенную
 „землю Франціи, не истребило въ ней
 „навсегда плодоносныхъ сѣменъ, вложен-
 „ныхъ въ ея нѣдра руками чистыми. Не
 „народъ дѣйствовалъ въ ужасныя эпохи
 „Французской Революціи, но толпа лю-
 „дей безъ воспитанія, какихъ довольно во
 „всѣхъ земляхъ. Разныя Конституціи,
 „нами видѣныя, никогда еще не давали
 „Франціи истинной политической свобо-
 „ды, нераздѣльной съ порядкомъ, ея кра-
 „ннелемъ; и такъ не свобода возму-
 „щала государство; но, искавъ ее, умы
 „заблудились: вошь источникъ бѣдствій,

„которыми укоряютъ нѣкоторыхъ, и ко-
 „порые горесны для всѣхъ!...

„Я воображаю первые дни Республики,
 „образованной подъ надзираніемъ Бонапар-
 „ше : какимъ благодѣяніемъ для сего но-
 „ваго правленія можетъ быть мудрость
 „и величіе такого покровителя? Кто,
 „кромѣ его, можетъ ввести хотя умѣрен-
 „ное, однакожь для Франціи новое право,
 „опредѣляемое Конституціею для соб-
 „ственності, и пріучить гражданъ имъ
 „пользоваться? Кто лучше его можетъ
 „возвеличить имя республиканское, подъ
 „которымъ онъ сдѣлалъ столько удиви-
 „тельнаго и славнаго? Кто лучше Героя,
 „великаго самимъ собою, можетъ пока-
 „зать прежнимъ знашнымъ людямъ, не-
 „щаснымъ опъ сравненій, что въ Респу-
 „бликѣ есть знаменитыя мѣста и дол-
 „жности?“

Послѣ сей главы, гдѣ Г. Неккеръ
 искренно и благородно внесъ имя свое въ
 списокъ друзей мудрой свободы, онъ раз-
 ссматриваетъ аристократическую Респу-
 блику и признаетъ ее невозможною для
 Франціи. „Но въ наше время, говоритъ
 „Авигоръ, послѣ разныхъ республикан-
 „скихъ системъ, видимъ какую-то мѣ-
 „щанскую аристократію, составленную
 „изъ людей, которые должны исключи-

„пелльно занимашь мѣста въ полишиче-
 „скихъ корпусахъ, оставляя за собою
 „всю націю. Весьма не многія пружины
 „въ гражданской системѣ могутъ дѣй-
 „ствовать на великій народъ и вселять
 „въ него повиновеніе : одна есть деспо-
 „тизмъ, окруженный страхомъ ; впрочемъ
 „общее движеніе, раждаемое республи-
 „канскимъ чувствомъ и участіемъ всѣхъ
 „гражданъ въ правленіи ; а шретья чу-
 „десное согласіе Королевскаго блеска съ
 „единствомъ и всѣми выгодами *народнаго*
 „представленія (*représentation nationale*) : по-
 „этому, умѣренная Монархія. Какое же
 „мѣсто въ порядкѣ идей дадимъ мы сей
 „новой *мѣщанской аристократіи* (*) ?
 „Тутъ нѣтъ ни власти народной, ни
 „благородства, ни Королевскаго величія ;
 „однимъ словомъ, никакого основанія,
 „которое могло бы ручаться за ея твер-
 „дость и ввести ее въ конституцію.“

Сіи приведенныя мѣста даютъ пол-
 ную идею о Неккеровой книгѣ, писанной
 не для справокъ, а для ума ; она имѣетъ
 важность и нравственный характеръ

(*) Неккеръ говоритъ о такъ называемыхъ *эм-
 борныхъ спискахъ*, *listes de la Notabilité*, уни-
 чуженныхъ новою переменною Конституцію.
 Но влияние, присвоенное себѣ Консуломъ на
 выборы кандидатовъ, весьма ограничиваетъ
 права народа.

своего Автора, который клянётся въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ безпристрастїи, увѣряя, что онъ хотѣлъ только доказать Правленію Франціи необходимость перемѣнить ея гражданское образованіе, столь несогласное съ законами мудрости. Въ самое по время, какъ его книга вышла, Правительство занималось уже исправленіемъ и дополненіями сей Конституціи; слѣдственно оно само чувствовало ея несовершенство. Это можно называть пророческимъ услѣхомъ Автора; но мы не знаемъ, какое ли щасливое дѣйствіе должны имѣть его совѣты. По крайней мѣрѣ благородство и независимость Неккеровыхъ мнѣній заслужаютъ одобреніе всѣхъ истинно-благородныхъ душъ.

Извѣстія и Замѣчанія.

Швейцарія.

Сія несчастная земля представляетъ теперь всѣ ужасы междоусобной войны, которая есть дѣйствіе личныхъ страстей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезающъ народныя добродѣтели! онѣ, подобно людямъ, оживающъ свой вѣкъ въ государствахъ; а безъ высокой

народной добродѣтели Республика споять не можетъ. Вотъ по чему монархическое правленіе гораздо щастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей, и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падаютъ. Развратъ Швейцарскихъ нравовъ начался съ того времени, какъ Телевы потомки вздумали за деньги служить другимъ Державамъ; возвращаясь въ отечество съ новыми привычками и съ чуждыми пороками, они заражали ими своихъ согражданъ. Ядъ дѣйствовалъ медленно въ чистомъ горномъ воздухѣ; но благодѣтельное сопротивленіе Намуры уступило наконецъ зловредному вліянію. *Духъ торговый*, въ теченіе времени овладѣвъ Швейцарами, наполнилъ сундуки ихъ золотомъ, но испортилъ въ сердцахъ гордую, исключительную любовь къ независимости. Богатство сдѣлало гражданъ эгоистами, и было впрочемъ причиною моральнаго паденія Гельветіи. Но древнія гражданскія и политическія связи Швейцаріи могли бы еще долго не разрушиться (ибо древность имѣетъ удивительную силу), если бы злой духъ Французской Революціи не сорвалъ сей, нѣкогда щастливой Республики съ ея основанія. Для новыхъ

полипическихъ зданій нужно опшѣнное величїе духа одного или многихъ людей: Гельвецїя не имѣетъ сихъ Генїевъ, и пять новыхъ Конспитуцій ея, мелькнувъ, исчезли какъ пѣни. Послѣдняя казалась надежною: Бонапаріе призналъ ее, вывелъ Французское войско, уважилъ независимость Швейцаровъ — но первая минуша независимости была для нихъ началомъ междоусобной войны.

Бѣдствїе народовъ бываетъ всегда сопряжено съ ослѣпленїемъ: иначе какъ изъяснить бунтъ малыхъ Кантоновъ? Могутъ ли они надѣяшся поспавить на своемъ, когда Французское Правленїе хочетъ ихъ соединенїя съ большими Кантонами? Далеко ли Французскїя арміи? И для чего не принять новой Конспитуціи, ни мало не пропивной ихъ свободѣ? упрямство спонирѣ ли кровопролитїя? Но Уинпервальденъ, Швицъ, Ури, вооружили всѣхъ своихъ гражданъ, которые имѣли уже двѣ ошибки съ Генераломъ Андерманомъ, и и съ войскомъ Гельветическаго Правленїя. Городъ Цирихъ также взбунтовался: по крайней мѣрѣ не хотѣлъ принять Андерманова гарнизона; за что сей Генераль бомбардировалъ его каменными ядрами. Наконецъ присланный изъ Берна Коммисарь заключилъ съ городомъ мирныя условїя,

освободивъ его отъ гарнизона. — Слѣдующіе письма изъ Берна и Базеля, копорыя изображаютъ все замѣшательство дѣлъ въ Швейцаріи :

Бернъ, 14 Сентября. „Въ самое то
 „время, какъ въ нынѣшнихъ бѣдспвен-
 „ныхъ обстоятельствахъ хотѣли здѣсь
 „избрать Дикшатора или главнаго по-
 „средника, и думали, что выборъ па-
 „детъ на Долдера, случилась у насъ но-
 „вая революція въ правленіи. Вдругъ
 „явились къ Ландману Дольдеру нѣтъ
 „молодыхъ гражданъ съ писмолами;
 „заснавили его подписаться, что онъ не
 „хочетъ быть Ландманомъ; вывели изъ
 „дому, и въ каретѣ увезли изъ города —
 „въ Елиздорфъ, за три мили отъ Берна.
 „Штапгальшеры, Римманъ и Фисли,
 „узнавъ о семъ приключеніи, требуютъ
 „своей ошсавки. Между швейцарцами начался
 „бунтъ въ Аргау и въ Баденѣ; вооруженные
 „крестьяне, подъ начальствомъ Эрлаха
 „(бывшаго знашнаго Аристократа въ Бер-
 „нѣ) завладѣли Баденомъ, Бругомъ и Ленц-
 „бургомъ; даже и Бернскіе крестьяне
 „бунтуютъ, пребуя учрежденія всеобщей
 „Демократіи. Сенатъ нашъ былъ въ со-
 „браніи всю ночь; но сами собою мы уже
 „не спасемся: одинъ Бонапарте можетъ
 „все усмирить. Онъ, сказываютъ, согла-

„сидя бышь посредникомъ, и друзья благо-
 „устройснва съ неперпѣнїемъ ожидають
 „теперь Французскаго войска. (Однимъ
 „словомъ, никогда еще Швейцарїя не была
 „въ такомъ замѣшательствѣ, какъ нынѣ!“

Базель отъ 18 Сентября. „Слышно, что
 „вооруженные креспьяне взяли Арбургъ
 „и прямо идуць къ Берну; говорятъ да-
 „же, что и Бернъ занятъ ими. Естьли
 „такъ, то у насъ нѣтъ правленїя. Съ
 „часу на часъ ожидаемъ Французовъ. Мы
 „погибнемъ, еспли не будемъ имѣть
 „нашой же главы, какъ Италїянская Рес-
 „публика. Французскій Министръ Вер-
 „нинакъ хотѣлъ выѣхать изъ Берна; но
 „Сенатъ упросилъ его остаться. Въ горо-
 „дахъ и въ деревняхъ спрашное волненїе.
 „Многіе добрые граждане не знаютъ, чей
 „спороны держатся и что дѣлать:“

Базель отъ 21 Сентября. „Дольдеръ
 „возвратился въ Бернъ и въ угодность Сена-
 „ту снова принялъ должность Ландмана.
 „Мы теперь увѣрены, что безпокойства
 „наши скоро прекращаються: двѣ Француз-
 „скїя полубригады вступають въ Швей-
 „царїю. Эрлахъ, возмушилель креспьянъ,
 „называющій себя Генераломъ и восстано-
 „вилемъ старой Конституціи, не долго
 „будешь храбровашь. Фамилїя Эрлахъ бы-
 „ла издревле славнѣйшею и богатѣйшею

„въ Бернскомъ Кантонѣ; она отличалась
 „всегда особенною привязанностію къ Ари-
 „стократіи.“

Регенсбургъ.

Римскій Императоръ не соглашается на рѣшеніе Депутаціи, которая большинствомъ голосовъ утвердила планъ удовлетвореній, предложенный Россійскимъ Императоромъ и Консуломъ Бонапарте; но она будетъ имѣть свое дѣйствіе и безъ его ратификаціи. Французскій Министръ Лафоре въ ноябѣ своей обнаружилъ тайныя намѣренія Австрійскаго честолюбія и сказалъ, что Вѣнскій Дворъ всегда думалъ только о своей пользѣ; хотѣлъ уничтоженія Баварскаго Курфиршества и распространенія границъ своихъ до Леха; что не успѣвъ въ Парижѣ, онъ обратился съ своими планами къ Россійскому Императорскому Двору; но, не успѣвъ и тамъ, старался въ Министръ тайными переговорами достигнуть до своей цѣли. Надобно согласишься, что Французское Министерство имѣетъ всю республиканскую искренность! Гражданинъ Машье, употребленный Талераномъ для сочиненія плана раздѣловъ въ Германіи, сочиняетъ теперь прибавленіе къ нему, которое должно уничтожить всё

сдѣланныя противъ сего плана возраженія и совершивъ важное дѣло удовлетвореній. Имперская Депутація гонова во всемъ слѣдовать благодѣтельнымъ видамъ посредниковъ, Россіи и Франціи.

Парижъ отъ 24 Сеншября.

Вчера праздновали здѣсь новый Республиканскій годъ, концёртами, народными плясками въ *Поляхъ Елисейскихъ*, иллюминаціею, феерверкомъ и свадьбами на счетъ города Парижа. Бонапарте перешаля уже въ Сен-Клу. Сей замокъ великолѣпно прибранъ, и залы его украшены драгоценнѣйшими картинами Музея. Между прочими замѣсны портретъ Бонапарте на лошади, жены его и Дезе, умирающаго на Маренгскомъ полѣ. Прекрасный туалетъ Королевины находится въ спальнѣ Госпожи Бонапарте. Первый Консулъ выбралъ себѣ кабинетъ окнами въ Паркъ; шустъ сдѣлали крыльцо, по которому онъ сходилъ прямо въ алею. Со стороны оранжереи будетъ маленькой театръ для общеснва Госпожи Бонапарте и дочери ея, которая сама любитъ играть комеди. Монастырь, находящійся близъ Сен-Клу, хотящъ соединить съ симъ замкомъ. — Бонапарте, подобно Французскимъ Королямъ, намѣренъ забавляться

охотою въ Фоншенбло, куда теперь везуть оленей и дикихъ козъ изъ Нѣмецкой земли.

„Къ великимъ намѣреніямъ сего вѣка, достойнымъ безсмертія (говоритъ одинъ Французскій Журналистъ), принадлежатъ намѣреніе соединить Рейнъ съ Сеною посредствомъ канала длиною во 140 миль, шириною въ 70 фузовъ, а глубиною въ 12. Рѣки Цорнъ, Сара, Мёрпа, Мозель, Марна и другія послужатъ къ тому способомъ; надобно прокопать только три мили и сдѣлать судоходными нѣкопорыя маленькія рѣчки. Когда же соединятъ послѣ Рейнъ съ Дунаемъ, тогда изъ Парижа мы будемъ плавать въ лодкахъ до самаго Конспанпиннополя. Увѣряютъ, что въ древнія времена Рейнъ имѣлъ сообщеніе съ Марною и Сеною, и что въ 885 году сѣверные народы приплыли къ Парижу симъ каналомъ на 700 судахъ.“

Бонапарте уничтожилъ полицейское Министерство въ Парижѣ (которое можно было назвать Французскою тайною) и сдѣлалъ Великаго Инквизитора, Фуше, Сенаторомъ, вмѣстѣ съ Парижскимъ Архіепископомъ (которому 92 года отъ роду), Государственнымъ Совѣтникомъ Федереромъ и бывшимъ Министромъ

Правосудія Абрїалемъ. Англійскіе Журналисты увѣряюпъ, что эпо знакъ немилости къ Фуше и къ Редереру.

Фоксъ поѣхалъ на двѣ недѣли въ деревню къ Лафаету (который и живъ и здоровъ!). Сей Англійскій Орапоръ съ великимъ усердіемъ шребовалъ его свободы въ Парламентѣ, когда онъ содержался плѣнникомъ въ Австріи. Лафаеть писалъ къ Фоксу, что свиданіе съ нимъ будетъ для него радостнымъ праздникомъ, и что онъ неперпѣливо желаетъ обнять въ немъ своего благодѣателя.

Нѣкто Фьеве, сочинитель двухъ или трехъ романовъ, съѣздивъ на 10 дней въ Лондонъ, издалъ письма объ Англии, которыя весь Парижъ читалъ съ удивительнымъ любопытствомъ. Фьеве утверждаетъ, что Великобританія обязана славою своею въ Европѣ единственно Французскимъ Философамъ, которые ввели въ моду хвалишь ее; но что она въ самомъ дѣлѣ ни мало не достойна славы своей!! Издапель *Французской газеты* забавнымъ образомъ говоритъ о томъ слѣдующее: „Христофоръ Колумбъ, открывъ „Америку, прислалъ въ Европу нѣсколько „Американцевъ и собраніе тамошнихъ „животныхъ, растѣній, минераловъ, что- „бы доказать успѣхъ своей экспедиціи.

„Флеме, недавно открывъ Англію, сдѣлалъ
 „почти по же, и, вмѣсто собранія есте-
 „ственныхъ рѣдкостей, удивилъ насъ
 „собраніемъ писемъ своихъ, копорыя не-
 „оспоримо доказываютъ его открытіе.
 „Правда, онъ соглашается, что земля,
 „называемая Англію, и прежде его была
 „извѣстна нѣкопорымъ; однакожь увѣ-
 „ряетъ, что никто еще не зналъ ея
 „жителей, и что слава сего открытія
 „ему принадлежитъ; но естъ, онъ от-
 „крылъ, что Англичане любятъ деньги;
 „что они всегда сидятъ или за столомъ
 „или на лошадахъ, или занимаются
 „дѣлами, а никогда въ самомъ дѣлѣ не
 „думаютъ о своемъ удовольствіи; что
 „Англичанки суть ничто иное, какъ
 „связки бѣлья и платья, бросаемыя въ
 „горницу, — неодушевленные и безмол-
 „вныя для иностранцевъ; что онъ не
 „имѣетъ никакой идеи о наслажденіяхъ,
 „ибо дома ихъ не отворены для всѣхъ
 „отъ семи часовъ вечера до трехъ утра,
 „такъ, какъ бываетъ въ Парижѣ. Естли
 „Французскіе Императоры будутъ ча-
 „сто дѣлать такія открытія, то сфера
 „нашихъ знаній удивительнымъ образомъ
 „распространится.“

Путешествіе Мадридскаго Двора въ Барселлону, гдѣ будетъ бракосочетаніе Принцессы Изабеллы съ Наслѣднымъ Неаполитанскимъ Принцемъ и Гишпанскаго Принца съ Неаполитанскою Принцессою, оживило сію часю Гишпанскаго Королевства. Въ Барселлонѣ сдѣланы великолѣпныя приготовленія для брачнаго торжества, которое должно изобразить всю старинную рыцарскую пышность Гишпанцевъ и Мавровъ. Изъ всѣхъ частей Гишпаніи и южныхъ Департаментовъ Франціи спѣшатъ туда любопытные. Дворянство Капалонское готовится доспойнымъ образомъ принять Королевскую фамилію, Неаполитанскую Королеву и Короля Эпзурійскаго; оно не хочетъ уступить въ великолѣпіи славному дворянству Кастилланскому. „Огромная площадь „близъ гавани со всѣхъ сторонъ окружена „ложами и балясами для рыцарскихъ „сраженій и такъ называемыхъ *Королевскихъ забавъ* или *las Paredas*. Кадрили, состоящія изъ знаменитѣйшихъ людей и различныя особенными цвѣтами, въ древней Гишпанской одеждѣ (каждая подъ начальствомъ особеннаго Принца Крови или случайнаго вельможи), должны тамъ дѣлать разныя воинскія эволюціи, при звукѣ трубъ и лишавръ. Искусство Гиш-

„панцевъ въ семь родъ забавъ удивительно
 „для иностранца. Извѣстна чудная охота
 „ихъ сражаться съ быками : удовлетворяя
 „ей , Дворъ далъ повелѣніе выписать изъ
 „Наварры самыхъ яроспныхъ изъ сихъ
 „живошныхъ, и славнѣйшіе *матадоры* или
 „бойцы оповсюда съѣзжаются въ Барцел-
 „лону, чтобы блеснуть искусствомъ и
 „храбростію на шакомъ , чрезвычайномъ
 „праздникѣ.“

Журналы говорятъ о скоромъ свиданіи Бонапарше съ Королемъ Прусскимъ , которое должно быть въ Диссельдорфѣ , въ исходѣ Окшября, когда Монархъ Пруссіи поѣдетъ осматривать Вестфалію и Франконію. Друзья общеспвеннаго блага желаютъ , чтобы Правители государствъ путешествовали : присутствіе ихъ оживляетъ ревность чиновниковъ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ столицы , и вообще благодѣтельно для гражданскаго порядка.

Законодательный Корпусъ Италіянской Республики занимается съ великою дѣятельностію образованіемъ полиціи , армии и другими важными предметами. Имя и духъ Президента Бонапарше все

соглашаются. — Республика въ мирное время будетъ содержать 40 тысячъ войска.

Изъ Рима пишутъ, что новый Король Сардинскій собирается ѣхать на свой островъ, и что онъ кажется весьма унылымъ, потерявъ надежду быть удовлетвореннымъ за Пиемонтъ и Савою. — Славный музыкантъ Лолли умеръ въ Неаполѣ.

Римскій Императоръ недоволенъ Пресбургскимъ Сеймомъ, который никакъ не соглашается на свободный наборъ рекрутовъ въ Венгріи, и вообще не соединяетъ пользы народа своего съ пользою Двора. Никто не ожидалъ отъ него такого упрямства. Онъ требуетъ между прочимъ (какъ слышно), чтобы Галлиція и Далмація были присоединены къ Королевству Венгерскому.

Англійскія извѣстія ни мало не любопытны. Лондонская публика занимается воздушными путешествіями Гарнереня и ссорою Журналистовъ своихъ съ Французскимъ Правленіемъ. Новый Парламентъ, по Королевскому объявленію, долженъ собраться 16 Ноября *для рѣшенія важныхъ дѣлъ.*

Порипа наконецъ примирилась съ Пасваномъ Оглу, оставляя его Пашею

Виддинскимъ. Разуѣбешся, что эіотъ миръ весьма ненадеженъ.

Въ Италіи и въ Германіи какіе-то мудрецы спращали народъ пророчествомъ, что 12 Сентября будетъ преспавленіе свѣта; и въ сей день случилась въ Трі-естѣ такая ужасная буря, какой самые старые люди не запомнятъ. Жили всякую минуту ожидали гибели. — Въ то же самое время чувствовали землетрясеніе въ Спразбургѣ и въ другихъ мѣстахъ Германіи. Вообще нынѣшній годъ замѣченъ грозными физическими явленіями въ Европѣ.

Конецъ пятой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е
П Я Т О Й Ч А С Т И.
С Е Н Т Я Б Р Ъ № 17.

	Стран.
I. <i>Линдана и Вальмиръ.</i>	3
II. <i>Стихи Гаврилу Романовичу Державину.</i>	28
III. <i>Мудрецъ и Филинь.</i>	29
IV. <i>Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ селѣ Монастырѣ.</i>	30
V. <i>Письмо о Гишпаніи, писанное одною молодою Англичанкою.</i>	47
VI. <i>Смѣсь.</i>	50
VII. <i>Историческое описаніе Россійской торговли, сочиненное А. Шторхомъ.</i>	55
VIII. <i>Извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи Республики Рагузы, писанное гражданиномъ ея.</i>	57
IX. <i>Извѣстія и Замѣчанія.</i>	68

С Е Н Т Я Б Р Ъ № 18.

	Стран.
I. Истинное происшествіе.	85
II. Историческое извѣстіе о Голландскомъ Профессорѣ Нейландѣ, необыкновенномъ человѣкѣ.	96
III. Рыцарь нашего времени.	111
IV. Исторія Англійскаго Министерства съ 1788 году.	130
V. Таблица рѣшеній уголовныхъ судовъ во Франціи въ теченіе одного мѣсяца.	138
VI. Взятіе Серингапатама и смерть славнаго Типпо - Самба, описанныя очевидцемъ, Англійскимъ Маіоромъ Алланомъ.	140
VII. Слѣсъ.	146
VIII. Извѣстія и Заключанія.	150

О К Т Я Б Р Ъ № 19.

I. Превращеніе, или исторія мышки. Нравоучительная сказка.	161
II. Волшебной фонарь или картина Парижа.	169
III. О Вображеніи.	179
IV. Нынѣшніе Арабскіе сказочники, Поэты и мудрецы.	183
V. Берегъ.	186
VI. Старой левъ и звѣри.	187
VII. Догля жемчужныхъ раковинъ на островѣ Цейланѣ.	188
VIII. Описаніе примѣчанія достойной картины Французскаго живописца Жироде.	195

IX. О ревности.	-	-	202
X. О самоубійствѣ.	-	-	207
XI. Удивительное дѣйствіе воображенія.	-	-	210
XII. Замѣчаніе о громѣ.	-	-	211
XIII. Политическіе отрывки Гражданина Эшассерио (одного изъ лучшихъ политическихъ Авторозъ Франціи).	-	-	212
XIV. О посредствѣ Россіи и Франціи въ дѣлахъ Германіи.	-	-	231
XV. Извѣстія и Замѣчанія.	-	-	233

О К Т Я Б Р Ъ № 20.

I. Женщина - Авторъ.	-	-	245
II. Пантеонъ Рускихъ Авторозъ.	-	-	285
III. Чудесное зрѣніе.	-	-	291
IV. Новыя ремесленныя изобрѣтенія.	-	-	294
V. Примѣчанія достойный опытъ земледѣлія.	-	-	295
VI. Слѣсъ.	-	-	296
VII. Последнія политическія мысли, предложенныя Неккеромъ Французскому народу.	-	-	302
VIII. Извѣстія и Замѣчанія.	-	-	319

нипала, на выписку всѣхъ лучшихъ иноспран-
ныхъ Газетъ и Журналовъ нужнаго, имѣя ле-
гкую цѣль угодишь Почтеннѣйшей Публикѣ.

2) *Вѣстникъ Европы*, издаваемый Н. Ка-
ражичемъ. Планъ его оспаешя пошѣ же,
съ нѣкошорыми допoлненіями. *Вѣстникъ* со-
держашь будешь выборѣ всего лучшаго изъ Евро-
пейскихъ Журналовъ, раздѣляясь на двѣ части:
Словесность и Полишику. Чипашели найдутъ
въ немъ историческія піесы, моральныя сказ-
ки, анекдоты, хорошія идеи всякаго роду, из-
влеченія изъ важнѣйшихъ иноспранныхъ книгъ,
открытія въ Наукахъ и Художествахъ, извѣ-
стія о славныхъ или примѣчанія доспойныхъ
людяхъ, и наконецъ полишическія новости, ко-
шорыя соспавляютъ Исторію нашего времени.
Хопя главный предметъ сего Журнала есть
иноспранная Словесность и Полишика, однакожъ
отъ времени до времени будутъ въ немъ и Ру-
скія сочиненія въ стихахъ и прозѣ.

3) Изданіе: *Новости Руской Литературы*,
кошорое будешь выходить, какъ и сего года,
при каждомъ Номерѣ Вѣдомостей. Сочиненія
и переводы, имѣющія содержаніемъ своимъ по-
лезное и пріятное, будутъ матерією Изданія
сего, и цѣль его та, чшобъ новыя произведе-
нія Россійской Словесности немедленно спано-
вились извѣстны просвѣщенной Публикѣ.

Подписка, какъ выше сказано, на всѣ озна-
ченныя *Изданія* продолжается въ Москвѣ, въ
Коншорѣ Университетской Типографіи, еже-
дневно; а въ Санктпетербургѣ въ книжной лав-
кѣ на Невскомъ проспектѣ, подлѣ Кашоличе-
ской церкви подъ No 5 мѣ.

Особы, желающія изъ другихъ городовъ
выписашь помянутыя Періодическія сочиненія,